

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

С. В. КОВАЛЕВСКАЯ

(ЖЕНЩИНА-МАТЕМАТИКЪ)

ЕЯ ЖИЗНЬ И УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. О. ЛИТВИНОВОЙ.

Съ портретомъ С. В. Ковалевской, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. П. Сойкина, Стремяная, 12.

1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Ноября 1893 г.

2007084984

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы предполагаемъ ознакомить читателей съ жизнью и научной дѣятельностью Ковалевской. Во избѣжаніе недоразумѣнія, считаемъ не лишнимъ сказать, что очеркъ этотъ предназначается для людей, хотя и необладающихъ никакими знаніями по высшей математикѣ, но имѣющихъ общее образованіе.

Само собой разумѣется, что при составленіи нашего очерка мы воспользовались всѣмъ напечатаннымъ Ковалевской и о Ковалевской въ русской и иностранной литературѣ; мы дополнили и освѣтили все это тѣмъ, что намъ извѣстно изъ личныхъ сношеній съ нею и съ близкими ей людьми. Большая часть матеріаловъ для біографіи Ковалевской, разумѣется—воспоминанія о ней лицъ, ее знавшихъ, и ея собственные, признанные замѣчательно художественными, автобіографическіе наброски. Мы съ особеннымъ вниманіемъ остановились на нихъ, на трудѣ Леффлеръ «Софія Ковалевская» и на статьѣ перваго домашняго учителя Ковалевской, Малевича, напечатанной въ «Русской Старинѣ» за 1890 г. Талантливая шведская писательница представила нашу знаменитую соотечественницу, какъ живую, со всѣми ея крупными и мелкими индивидуальными особенностями. Такой способъ изображенія вполнѣ умѣстенъ въ воспоминаніяхъ; въ біографіи же приходится отличать въ личности все главное, существенное отъ второстепеннаго и случайнаго. Въ противоположность г-жѣ Леффлеръ мы стремились изобразить Ковалевскую такою, какою она была *главнымъ образомъ*. Къ тому же воспоминанія герцогини де-Койяжелло, бывшей Леффлеръ, относятся къ одному ~~періоду~~ періоду жизни Ковалевской—къ послѣднимъ годамъ; мы же прослѣдили всю жизнь нашей знаменитой соотечественницы въ ея *общихъ чертахъ*.

Воспоминанія Малевича въ высшей степени цѣнны потому, что бросаютъ свѣтъ на условія первоначальнаго образованія Ковалевской и на ея занятія элементарной математикой въ дѣтствѣ и въ юности—предметъ, оставленный въ сторонѣ въ автобіографіи Ковалевской.

современники иначе смотрятъ на жившихъ среди нихъ выдающихся людей, чѣмъ грядущія поколѣнія; время, уничтожающее все несущественное, условное, мелкое, очищаетъ образъ замѣчательнаго человека отъ клеветы и всякаго пристрастія и дѣлаетъ его болѣе простымъ и яснымъ. Имѣя это въ виду, мы стремились въ біографіи Ковалевской по возможности удалиться отъ нашего времени.

Особенно важной и трудной представляется оцѣнка научныхъ заслугъ Ковалевской, значеніе которыхъ трудно выяснитъ для неспеціалиста; поэтому приходится, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, ссылаться на мнѣнія авторитетовъ и ограничиваться разсужденіями общаго характера.

Между тѣмъ эти заслуги представляютъ глубокой интересъ для всякаго русскаго интеллигента; отрадно убѣдиться, что личность, жившая среди насъ, раздѣлявшая увлеченія нашего времени, имѣвшая общіе съ нами интересы, заняла такое высокое положеніе среди самыхъ выдающихся людей нашего времени и оставила неизгладимый слѣдъ въ наукѣ. Между современными намъ учеными Ковалевская имѣетъ горячихъ поклонниковъ, которые ее превозносятъ, и просто, людей отдающихъ ей справедливость; но есть и люди, старающіеся умалить ея заслуги. Въ годъ смерти Ковалевской Московское математическое общество напечатало совмѣстный трудъ трехъ профессоровъ: Столѣтова, Некрасова и Жуковского, посвященный оцѣнкѣ заслугъ Ковалевской въ области чистой и прикладной математики. Взгляды, высказанные въ этой статьѣ вполнѣ согласуются съ мнѣніями западныхъ ученыхъ, безпристрастно относящихся къ Ковалевской; въ этихъ мнѣніяхъ заключается вѣроятно истина, и мы считаемъ для себя обязательнымъ не слишкомъ уклоняться отъ нихъ. Но заслуги Ковалевской такъ несомнѣнны и бесспорны, что не нуждаются ни въ какомъ раздуваніи. Говоря о дѣятельности Ковалевской, мы должны сказать нѣсколько словъ о той школѣ нѣмецкихъ математиковъ, къ которой она принадлежала. Не преувеличивая значенія этой школы, мы сошлемся въ этомъ отношеніи на взгляды русскаго математика Васильева, высказанные имъ въ статьѣ «Роль Вейерштрасса въ современной математикѣ».

ГЛАВА I.

Нѣсколько словъ о личностяхъ, окружавшихъ Ковалевскую въ дѣтствѣ: отецъ и мать.—Учитель Малевичъ; его педагогическія воззрѣнія. — Гувернантка-англичанка. — Дядя П. В. Корвинъ-Круковской.—Сестра Анна.

Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ - Круковская, родилась въ Москвѣ, 3 января 1850 г. Она особенно дорожила первой частью своей двойной фамиліи, о происхожденіи которой рассказывала слѣдующую, переходящую изъ рода въ родъ легенду: дочь короля венгерскаго Матвѣя Корвина вышла замужъ за польскаго магната Корвинъ-Круковскаго. Матвѣй Корвинъ, какъ извѣстно, былъ не только великій воинъ, но также просвѣщенный покровитель наукъ, литературы и искусствъ. Президентъ парижской академіи наукъ, астрономъ и физикъ Жансенъ, упоминая объ этомъ обстоятельстве въ своей рѣчи по случаю присужденія преміи Ковалевской, сказалъ: «Очевидно, госпожа Ковалевская наслѣдовала любовь къ наукамъ и литературѣ отъ своего знаменитаго предка, и мы поздравляемъ ее съ этимъ».

Намъ извѣстны и другіе предки Ковалевской, отъ которыхъ она съ большою вѣроятностью могла наслѣдовать свои таланты. Мать ея, Елизавета Ѳеодоровна Шубертъ, была внучкой извѣстнаго астронома Шуберта и дочерью талантливаго генерала Шуберта, столѣтнюю годовщину рожденія котораго недавно праздновали академіи наукъ и генеральнаго штаба. Въ семействѣ Корвинъ-Круковскихъ часто и много говорилось объ умственномъ сходствѣ будущаго профессора математики стокгольмскаго университета съ дѣдомъ и пра-дѣдомъ со стороны матери Ковалевской. Прежде чѣмъ прослѣдимъ шагъ за шагомъ жизнь Ковалевской, мы познакоимъ читателя съ главными лицами, среди которыхъ прошли ея дѣтство и юность.

Занимаясь вообще составленіемъ біографій замѣчательныхъ людей и изучая внимательно труды другихъ, легко убѣждаешься, что

М. М. Семеvскій въ своихъ путевыхъ очеркахъ и наброскахъ говоритъ:

«Дорога отъ Великихъ-Лукъ до Невеля (Витеб. губ.) чрезвычайно живописна; она тянется почти отъ Лукъ до первой станціи Сеньково грядой холмовъ, по обѣимъ сторонамъ которой лежатъ необозримыя поля, рощицы молодяка лѣса на мѣстахъ давно вырубленнаго бора, и то тамъ, то здѣсь открываются зеркала озеръ... Шестъ верстъ за станціей Сеньково, у самой большой дороги, на холмѣ, въ тѣнистой рощицѣ, подымается каменная часовенка, — здѣсь опочиваютъ останки ген.-лейтенанта В. В. Корвинъ-Круковскаго и его жены Елизаветы Ѳедоровны. Сухой по внѣшнимъ своимъ формамъ, нѣсколько надутый генеральствомъ, старикъ Корвинъ-Круковскій легъ въ могилу, какъ бы не явшаея съ обыкновенными смертными, не на общемъ кладбищѣ, а, какъ видите, особнякомъ».

Таково было общее впечатлѣніе, которое производилъ отецъ Ковалевской на всѣхъ знакомыхъ. За послѣдніе годы своей жизни онъ впрочемъ сдѣлался много доступнѣе. Однако и въ моей памяти мужъ и жена Корвинъ-Круковскіе оставили рѣзко противоположныя воспоминанія. Онъ — высокій, худой, мрачный, съ темнымъ цвѣтомъ лица, съ щетинистыми бровями; она — небольшого роста, довольно полная, съ слѣдами прекраснаго цвѣта лица, тщательно, со вкусомъ одѣтая, предупредительная и привѣтливая со всѣми, живая, веселая, нѣсколько торопливая и въ движеніяхъ, и въ разговорѣ; однимъ словомъ, жена, производила впечатлѣніе березовой рощицы, освѣщенной осеннимъ солнцемъ, а мужъ — дремучаго лѣса, въ который страшно заглянуть. По словамъ Ковалевской, въ отцѣ ея текла также цыганская кровь, потому что дѣдъ или прадѣдъ ея былъ женатъ на цыганкѣ. Шыкія страсти несомнѣнно жили въ душѣ Круковскаго; онъ поздно женился и даже женатымъ очень сильно игралъ въ карты и, по словамъ старой няни, такъ проигрался наканунѣ рожденія дочери своей Софьи, что пришлось заложить всѣ женнины брилліанты. Въ то же время это былъ человекъ съ умомъ, характеромъ и сердцемъ; онъ глубоко и нѣжно любилъ жену и дѣтей и серьезно заботился о ихъ будущности. Вращаясь въ высшемъ обществѣ, отецъ Ковалевской не могъ не знать о предстоящей крестьянской реформѣ; онъ понялъ, какой переворотъ она должна произвести въ экономическомъ положеніи помѣщиковъ, и рѣшилъ, что вести хозяйство спустя рукава будетъ уже невозможно. Это сознаніе заставило его круто измѣнить свои нравы и образъ жизни; онъ поселился въ своемъ имѣніи и, неусыпно занимаясь дѣлами и хозяйствомъ, употреблялъ всѣ зависящія отъ него средства дать своимъ дѣтямъ хорошее, основательное образованіе.

Кто знаетъ, какія минуты борьбы и душевныхъ страданій переживалъ этотъ замкнутый человекъ въ своемъ уединенномъ кабинетѣ, гдѣ онъ проводилъ большую часть дня! Къ женѣ своей, которая была много его моложе, онъ относился какъ къ старшей дочери.

Ковалевская съ большою нѣжностью описываетъ характеръ своего отца, у котораго суровость была только наружная, напускная, развившаяся вслѣдствіе укоренившейся мысли, что мужчина долженъ быть суровъ. Мои собственныя наблюденія подтверждаютъ это замѣчаніе. Въ первое время нашего знакомства съ Ковалевской, въ Швейцаріи, мы часто видѣлись; она съ подругой своей Лермонтовой и съ отцомъ жила въ отелѣ, а мать ея помѣщалась у старшей дочери. Всякій разъ генераль встрѣчалъ меня очень сухо и при появленіи моемъ уходилъ въ свою комнату, но потомъ, прислушиваясь къ нашему разговору, заражался нашей веселостью, появлялся снова и вмѣстѣ съ нами острилъ и смѣялся. На слѣдующій разъ повторялась та же исторія. Но къ большинству людей онъ всегда относился неизмѣнно сухо, и мало кому удавалось видѣть этотъ ходячій Finster-Hogn свободнымъ отъ облаковъ. Съ большою вѣроятностью можно сказать, что любилъ онъ только своихъ близкихъ и считалъ себя и ихъ неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ смертныхъ. Такая исключительная привязанность пожалуй даже правилась близкимъ (потому Ковалевская предпочитала отца матери). По словамъ перваго учителя Ковалевской, Малевича, Корвинъ-Круковскій любилъ математику, былъ свѣдущъ въ этомъ предметѣ и желалъ, чтобы любимая дочь его Софья также охотно ей занималась. Онъ служилъ по артиллеріи, и въ Москвѣ былъ одно время начальникомъ арсенала. Дослужившись до чина генераль-лейтенанта, старикъ вышелъ въ отставку и до конца жизни жилъ въ деревнѣ.

Мать Ковалевской была нѣмка по рожденію и воспитанію, но тяготѣла душой ко всему русскому. Оставаясь протестанткой, она выказывала большую симпатію къ обрядамъ православной церкви, и домъ ея во всѣхъ отношеніяхъ былъ поставленъ на русскую ногу. Въ то же время ей навсегда остались чужды чисто русскіе нравы мужа и дѣтей. У нея были болѣе традиціонныя формы отношеній къ людямъ, меньше непосредственнаго и больше выработаннаго такта, чѣмъ у ея дочерей. Она также отличалась большой аккуратностью, всегда находила недостатки въ ихъ туалетѣ и не разъ говорила имъ: «рядитесь вы любите, а не смотрите за тѣмъ, чтобы у васъ было все необходимое». Пріученная съ дѣтства внимательно относиться ко всѣмъ людямъ, начиная съ собственной

прислуги, мать Ковалевской возмущалась тѣмъ, что ея дочери не придавали значенія важнымъ, по ея мнѣнiю, мелочамъ. Напримѣръ, она всегда волновалась, когда ея старшая дочь, несмотря на свою доброту и великодушiе, нерѣдко заставляла свою портниху слишкомъ долго себя дожидаться. Вообще Круковская была далеко незаурядная женщина и притомъ увлекающаяся натура; она страстно любила музыку и сама хорошо играла. Благодаря строгому нѣмецкому воспитанiю, увлеченiя ея никогда не выходили изъ предѣловъ долга и порядочности. Однако чисто нѣмецкая жизнь, совершенно поглощающая женщину мелкими домашними интересами, была для нея невыносима; русскiе нравы во всякомъ случаѣ представляли бѣльшiй просторъ ея склонностямъ.

Изъ воспоминанiй Ковалевской мы видимъ, что красивая и нарядная мама рѣдко заглядывала въ ихъ дѣтскую. Но это было во-первыхъ общимъ явленiемъ въ то время, во-вторыхъ-же она была лютеранка, а дѣти православныя: пришлось предоставить нянѣ учить ихъ молиться; потомъ, какъ увидимъ, воспитанiе ихъ забрала въ свои руки энергичная гувернантка.

Итакъ, семья отнимала мало времени у Корвинъ-Круковской; она въ молодости много веселилась, а потомъ любила дѣлать добро, помогать несчастнымъ, и въ воспоминанiяхъ своихъ Малевичъ справедливо называетъ ее свѣтлой личностью. Остается пожалѣть, что такая мать не имѣла прямого участiя въ воспитанiи своихъ даровитыхъ дѣтей. Влiянiе въ этомъ дѣлѣ отца, какъ мы убѣдимся, было болѣе активное.

Отъ матери своей Ковалевская наслѣдовала миловидное лицо, среднiй ростъ и прiятное, мягкое обращенiе со всѣми; отъ отца — сосредоточенность мысли, глубину чувствъ и силу страстей.

Первые годы дѣтства Ковалевской прошли подъ исключительнымъ влiянiемъ няни, которая однако на столько была похожа на всѣхъ другихъ добрыхъ нянь и имѣла такъ мало особенностей, что въ воспоминанiяхъ Ковалевской мы не встрѣчаемъ даже ея имени, хотя о ней говорится много и съ любовью. Отъ няни воспитанiе и образованiе дѣтей Корвинъ-Круковскихъ перешло въ руки домашняго учителя Малевича и гувернантки-англичанки, о которыхъ мы теперь скажемъ нѣсколько словъ.

Сынъ мелкопомѣстнаго дворянина западныхъ губернiй, Иосифъ Игнатьевичъ Малевичъ получилъ образованiе въ бывшемъ шестиклассномъ училищѣ въ мѣстечкѣ Креславкѣ, Витебской губернiи. Онъ очень рано полюбилъ педагогическую дѣятельность и, выдер-

жавъ установленный экзаменъ на званіе домашняго учителя, всецѣло посвятилъ себя воспитанію и образованію юношей и дѣвицъ.

Знанія его не могли отличатся обширностью, но то немногое, чему его выучили, онъ, какъ видно, зналъ твердо и хорошо. На страницахъ «Русской Старины» мы находимъ обстоятельный очеркъ его педагогическихъ занятій въ домѣ Корвинъ-Круковскихъ въ періодъ десятилѣтія отъ 1858 до 1868 года. По характеру своему Малевичъ не представлялъ собою ничего особенно типичнаго, что было бы интересно описать; вотъ почему онъ не занялъ мѣста въ литературныхъ воспоминаніяхъ Ковалевской. Но въ ея *биографіи* намъ придется возстановить право Малевича на одно изъ самыхъ видныхъ въ ней мѣстъ. Онъ училъ Ковалевскую цѣлыхъ десять лѣтъ. Эти же годы составляли четверть всей ея жизни. Въ домѣ Круковскихъ Малевичъ держалъ себя какъ человѣкъ совѣмъ маленькій, старался всѣмъ угодить или по крайней мѣрѣ никому не дѣлать непріятнаго. Это былъ неизмѣнный партнеръ генерала въ карточной игрѣ, молчаливый, почтительный обожатель генеральши. Онъ избѣгалъ столкновеній съ характерной англичанкой и не принималъ участія въ спорахъ. Уступчивый въ мелочахъ жизни, Малевичъ безпрепятственно могъ дѣлать дѣловъ то время, какъ другіе спорили о словахъ. И когда дѣло касалось прямыхъ интересовъ его питомцевъ, этотъ смиренный человѣкъ былъ и храбръ, и настойчивъ. Напримѣръ, считая вреднымъ продолжать домашнее образованіе своего ученика, сына Корвинъ-Круковского, онъ совѣтовалъ помѣстить его непременно въ одну изъ петербургскихъ гимназій. Добросовѣстный, прямодушный совѣтъ съ указаніемъ на несостоятельность домашняго воспитанія мальчика не понравился отцу съ матерью; однако вскорѣ родители послѣдовали ему. Таково было вліяніе Малевича въ домѣ Корвинъ-Круковскихъ, гдѣ онъ держалъ себя тише воды, ниже травы.

Малевичъ нашелъ въ домѣ Круковскихъ просторъ и досугъ для собственныхъ занятій. Дѣтей въ семьѣ было трое: старшая дочь была дѣвица на возрастѣ и ученію удѣляла немного времени, а больше занималась чтеніемъ; младшій сынъ былъ еще малъ, и Малевичъ многіе годы, строго говоря, занимался одною только Ковалевской. Онъ не терялъ времени и, пользуясь предоставленными ему средствами, слѣдилъ за успѣхами педагогики. Живя въ довольствѣ, въ деревенской тиши, Малевичъ много размышлялъ о своемъ дѣлѣ, обсуждалъ методы, и что самое главное, неуклонно чуждался рутины и шелъ впередъ. Онъ говоритъ: «Остановиться на выработанномъ, или довольствоваться сдѣланнымъ — значитъ отстать отъ непрерыв-

наго движенія человѣческой мысли, а потому постоянное развитіе и самосовершенствованіе въ каждомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе *учебномъ*, есть существенная необходимость. Да и въ силахъ-ли, въ состояніи-ли развивать своихъ питомцевъ тотъ, кто остановился въ своемъ развитіи...»

Въ свободное отъ занятій время Малевичъ былъ товарищемъ своей ученицы: болталъ съ нею о томъ, о другомъ, часто дѣтскимъ наивнымъ образомъ заставлялъ ученицу увлекаться и съ удовольствіемъ развивалъ передъ нею свои взгляды и мнѣнія о разныхъ предметахъ.

Малевичу въ то время было пятьдесятъ лѣтъ, но благодаря живому характеру и любви къ дѣтямъ, онъ раздѣлялъ съ ученицей даже ея дѣтскія забавы, спускалъ при осеннемъ вѣтрѣ огромнаго змѣя, игралъ въ мячикъ и тутъ же внимательно слѣдилъ за нею, наблюдалъ и изучалъ ея сложный внутренній міръ, задумываясь надъ ея будущностью. Онъ желалъ, чтобы судьба лишила ее избытка земныхъ благъ, чтобы она не пошла избыткомъ путемъ другихъ знатныхъ и богатыхъ дѣвушекъ, а заняла бы высокое мѣсто въ литературномъ мірѣ; но въ то же время тревожился, не слишкомъ ли далеко зашли они въ математикѣ, и чтобы успокоить себя, откровенно бесѣдовалъ съ отцомъ ученицы, высказывая опасенія, что быстрые успѣхи въ наукахъ могутъ довести до результата противоположнаго ожидаемому, т. е. она можетъ пойти необычнымъ путемъ. Въ то время женщина уже стремилась къ высшему образованію. И эта двойственность желаній является намъ вполне понятной въ Малевичѣ.

Малевичъ конечно зналъ, что жизнь людей, идущихъ торнымъ путемъ, счастливѣе жизни личностей, пробивающихъ новую дорогу. Родители-же и воспитатели всегда желаютъ дѣтямъ счастья прежде всего.

Но въ то время, когда эти сомнѣнія закрадывались въ душу учителя, отецъ ихъ не раздѣлялъ; онъ гордился успѣхами въ математикѣ своей Софьи, но никогда ему не приходило въ голову, чтобы она ради математики отказалась отъ виднаго положенія въ свѣтѣ, на которое могла рассчитывать по своей привлекательной наружности и блестящему уму.

Предметомъ его горькихъ размышленій тогда была старшая дочь Анна, уже зараженная идеями, носившимися въ воздухѣ. Это была тоже очень талантливая, многообѣщавшая живая натура; она имѣла большое вліяніе на развитіе своей младшей сестры и на ея

судьбу. Ковалевская, зная лучше всякаго другого способности своей сестры, никогда не могла помириться съ тѣмъ, что та не заняла въ жизни подобающаго ей мѣста. И это произошло — съ увѣренностью, можно сказать — только благодаря тому, что Анна Круковская получила воспитаніе совершенно отличное отъ того, которое выпало на долю младшей сестры. Она была царицей дѣтскихъ баловъ въ Москвѣ и Калугѣ въ томъ возрастѣ, въ которомъ сестра ея прилежно училась подъ руководствомъ добраго, но взыскательнаго Малевича.

Съ ранняго дѣтства Анну приучали къ лѣни и разсѣянности; затѣмъ уединенная жизнь въ деревнѣ, такъ плодотворно отозвавшаяся на развитіи Софіи Круковской, не принесла никакой пользы Аннѣ, а только сдѣлала изъ нея фантазерку, мечтательницу и лишила возможности въ юности изучить жизнь. Отсутствие систематическаго образованія и привычки къ труду помѣшали ей приобрести высшее образованіе, а ея общее развитіе и другія условія препятствовали ей быть просто счастливой. Смерть рано положила конецъ ея во всѣхъ отношеніяхъ неудачной жизни, но она останется жить въ воспоминаніяхъ своей знаменитой сестры, и ей также должно принадлежать видное мѣсто въ будущей біографіи Ковалевской. Подъ вліяніемъ старшей сестры у младшей развилась любовь къ литературѣ, способность анализировать свой внутренний міръ, глубоко задумываться надъ вопросами жизни. Вообще можно сказать, что жизнь Ковалевской пошла-бы иначе, если-бы въ нее не вмѣшалась слишкомъ рано сестра.

Первой гувернанткой Круковскихъ была француженка; она больше занималась съ Анной и почти не имѣла отношенія къ младшимъ дѣтямъ, воспитаніе которыхъ вскорѣ было поручено замѣнившей ее англичанкѣ.

Изъ рукъ няни Ковалевская попала въ руки гувернантки-англичанки, Маргариты Францовны Смитъ. Эта типичная личность, преслѣдуя вполне осознательныя и опредѣленныя цѣли воспитанія, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, оставила слѣды своего вліянія на ея любимой питомицѣ. Она оказала полезное противодѣйствіе совершенной распушенности физическаго и нравственнаго воспитанія дѣтей Корвинъ-Круковскихъ. Однако глубоко-консервативная, прямолинейная и ограниченная, г-жа Смитъ едва-ли могла понять чуткую организацію маленькой Софіи и безжалостно мяла ее въ своихъ желѣзныхъ рукахъ. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нею лѣтъ черезъ четырнадцать послѣ того, какъ она оставила домъ Корвинъ-

Круковскихъ, но и въ то время Маргарита Францовна метала еще свои молніеносные взгляды и отличалась большой крѣпостью тѣла и духа; часто появляясь въ домѣ Ковалевскихъ, она требовала себѣ почета и вмѣшивалась въ ихъ дѣла больше, чѣмъ мягкая и уступчивая Корвинъ-Круковская. Когда у Ковалевскихъ родилась дочь, г-жа Смитъ со свойственной ей энергіей стремилась завладѣть воспитаніемъ этого ребенка и вообще ей хотѣлось поставить домъ Софьи на *порядочную* ногу.

Властная воспитательница Ковалевской, г-жа Смитъ конечно не имѣла никакого прямого вліянія на ея умственное развитіе; оно находилось въ рукахъ двухъ совершенно противоположныхъ личностей: дяди ея Петра Васильевича Корвинъ-Круковского и домашняго учителя Малевича. Первый былъ человѣкъ не отъ міра сего, диллетантъ-самоучка, обладавшій весьма разнообразными отрывочными знаніями, но энтузіастъ, какъ нельзя болѣе способный возбуждать интересъ и развивать любознательность. Это былъ человѣкъ сильный физически, но кроткій и добрый, какъ дитя.

Изъ одного поверхностнаго знакомства съ личностями, окружавшими Ковалевскую въ дѣтствѣ, можно составить себѣ понятіе, что вліяніе ихъ на впечатлительную дѣвочку было въ высшей степени разнообразно и послужило къ развитію въ ней самыхъ противоположныхъ сторонъ ума и характера. Мы увидимъ, что многосторонность дѣйствительно составляла всегда главную особенность Ковалевской. Но эта многосторонность не была слѣдствіемъ одного только сочетанія счастливыхъ внѣшнихъ условій: Ковалевская наслѣдовала отъ своихъ предковъ самыя противоположныя качества ума и характера; въ ея жилахъ текла кровь русская, польская, нѣмецкая и наконецъ цыганская.

ГЛАВА II.

Въ Москвѣ и въ Калугѣ.—Первыя воспоминанія Ковалевской.—Первоначальное воспитаніе.—Русская няня и ея вліяніе.—Софья и Анна Корвинъ-Круковскія.—Проявленіе сильной воли и любознательности въ маленькой Софѣ.

Жизнь Ковалевской была недолгая; она скончалась на соробѣ второмъ году отъ рожденія. Почти полъ-жизни провела она въ сложности заграницей и погребена въ Стокгольмѣ. Многіе, не знающіе ее близко, могутъ изъ этого заключить, что она мало жила

русской жизнью. Такое предположеніе покажется еще болѣе вѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, что по матери Ковалевская была нѣмецкаго происхожденія. Не смотря на это, она получила чисто-русское воспитаніе и находясь въ Берлинѣ, въ Парижѣ, въ Ниццѣ, въ Стокгольмѣ, жила русскими интересами, думала, чувствовала и поступала по-русски. И какъ мы знаемъ, все это не помѣшало ей сдѣлаться европейской знаменитостью.

Первые годы жизни Софьи Корвинъ-Круковской прошли въ Москвѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ русской няни, которая безъ памяти ее любила и очень баловала. Самыя раннія воспоминанія замѣчательнаго ребенка очевидно связаны съ Москвою; Ковалевская сама писала, что прежде всего помнить: «Гуль колоколовъ. Запахъ кадила. Толпа народа выходить изъ церкви. Няня сводить ее за руку съ паперти, бережно охраняя ее отъ толковъ. «Не ушибите ребеночка!»—умоляетъ она поминутно тѣснящихся вокругъ людей и т. д.

Эти первыя отрывочныя воспоминанія состоятъ изъ отдѣльныхъ и очень яркихъ картинъ. Послѣдовательныя воспоминанія относятся уже къ жизни въ Калугѣ, куда перевели Корвинъ-Круковского по службѣ. Изъ этихъ воспоминаній рисуется самая жизнь Корвинъ-Круковскихъ въ Калугѣ тому, кто вообще знакомъ съ образомъ жизни богатыхъ людей въ провинціи въ то время. Дѣти тогда не пользовались такими правами, какими они пользуются теперь; о гигиенѣ и ея требованіяхъ родители думали мало. Дѣти до извѣстнаго возраста жили исключительно въ дѣтской, которая всегда помѣщалась на верху двухъ этажнаго дома; въ бельэтажѣ находились жилыя комнаты для господъ, а въ нижнемъ была кухня и людскія. Такъ жили и Корвинъ-Круковскіе. Ковалевская пишетъ: «Дѣтская наша такъ и рисуется передъ моими глазами. Большая, но низкая комната. Стоитъ нянѣ стать на стулъ, и она свободно достанетъ рукой до потолка. Мы всѣ трое спимъ въ дѣтской».

Не трудно себѣ представить, какой воздухъ былъ въ этой комнатѣ, въ которую гувернантка-француженка войти не могла безъ того, чтобы не поднести брезгливо платка къ носу. Она умоляла няню отворять форточку, но няня не слушалась «басурманки», ни за что не соглашаясь «студить господскихъ дѣтей». Само собой разумѣется, что няня не особенно тщательно и прибирала комнату; она даже не мыла какъ слѣдуетъ дѣтей, а просто вытирала имъ лицо и руки мокрымъ полотенцемъ; не чесала ихъ, а проводила

гребнемъ по головѣ, надѣвала на нихъ платица, въ которыхъ часто не хватало нѣсколькихъ пуговицъ.

Впослѣдствіи Корвинъ-Круковская удивлялась неаккуратности своихъ обѣихъ дочерей и не знала, откуда она явилась; тогда же ей было не до пуговицъ, были бы дѣти при гостяхъ нарядно одѣты. И въ Москвѣ, и въ Калугѣ маленькая Софья Круковская жила въ дѣтской даже больше чѣмъ другія дѣти ея лѣтъ. Это видно изъ того, что въ ея воспоминаніяхъ нѣтъ ни слова о войнѣ, которая составляла почти исключительный предметъ разговоровъ въ гостиныхъ въ половинѣ пятидесятихъ годовъ. Тогда всѣ дѣти, вертѣвшіяся около взрослыхъ, говорили на распѣвъ:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Всевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ».

Ковалевская же, смѣясь, признавалась, что это патріотическое стихотвореніе, какъ и другія, было ей незнакомо. Она въ то время заслушивалась сказокъ своей няни... Послѣднія оставили такой глубокой слѣдъ въ ея воображеніи, что много лѣтъ спустя ей снились то «черная смерть», то волкъ-оборотень, то 12-ти головый змѣй, и она испытывала тотъ же ужасъ, который охватывалъ ее въ годы дѣтства, когда она слушала эти сказки.

Вскорѣ оказались результаты такого во всѣхъ отношеніяхъ ненормальнаго воспитанія маленькой Софьи, и розовенькая, здоровая отъ природы дѣвочка сдѣлалась въ высшей степени нервной. На нее по временамъ стало находить чувство безотчетной тоски; она начала бояться темноты. Ковалевская говоритъ, что испытываемое ею чувство было очень сложно и гораздо болѣе походило на тоску, чѣмъ на страхъ; оно вызывается не собственно темнотою или какими-либо связанными съ нею представленіями, а именно ощущеніями надвигающейся темноты; тоже ощущеніе ее охватывало при видѣ большого, недостроеннаго дома съ голыми, кирпичными стѣнами и пустыми пролетами вмѣсто оконъ.

Въ то же время у С. Корвинъ-Круковской стали появляться и другіе признаки большой нервной, напримѣръ входящее до ужаса отвращеніе къ уродствамъ. Она видѣла всегда во снѣ всѣхъ уродовъ, о которыхъ слышала на яву. Даже видъ разбитой куклы внушалъ ей страхъ. Она говоритъ:

«Когда мнѣ случалось уронить куклу, няня должна была подымать ее и докладывать мнѣ, дѣла ли у нея голова; въ противномъ случаѣ она должна была ее уносить, не показывая мнѣ. Я помню и теперь, какъ однажды Анюта, поймавъ меня одну безъ няни, и желая подразнить, стала насильно совать мнѣ въ глаза восковую куклу, у которой изъ головы болтался вышибленный черный глазъ, и довела меня до конвульсій.»

Въ слѣдующей главѣ мы будемъ говорить о переиѣнахъ въ воспитаніи, которыя къ счастью скоро послѣдовали въ домѣ Круковскихъ. Но если бы Ковалевская продолжала находиться подѣ властью няни, мы не видали бы блестящаго проявленія ея природныхъ силъ; она сама говоритъ, что ей предстояло превратиться въ болѣзненнаго ребенка. Вдобавокъ ко всему няня натолковала своей любимицѣ, что она нелюбима родителями, особенно матерью.

Сама Ковалевская замѣчаетъ: «во мнѣ рано развилось убѣжденіе, что я нелюбимая, и это отразилось на всемъ моемъ характерѣ. У меня все болѣе и болѣе стала развиваться дикость и сосредоточенность». Ребенокъ дичился рѣшительно всѣхъ—своихъ и чужихъ, и дѣтей и взрослыхъ, поэтому и съ нимъ всѣ были менѣе ласковы; няня же это толковала своей любимицѣ по своему. Послѣдствіи обнаружили, насколько няня была несправедлива; младшая дочь всегда была любимицей отца, и во всякомъ случаѣ никакъ нельзя было сказать, чтобы г-жа Круковская не любила свою Соню; мать и дочь только не были близки между собою, но это обусловливалось разностью ихъ характера. По словамъ своего брата, Софья и маленькая характеромъ была вылитый отецъ. Въ самомъ раннемъ возрастѣ у нея проявлялись признаки сильной воли, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ сохранившихся рассказовъ изъ ея дѣтской жизни. Маленькую Софу, какъ и всѣхъ дѣтей въ то время, насильно заставляли ѣсть супъ, и если она упрямилась, ставили въ уголь. Это было самое страшное наказаніе, потому что бить дѣтей у Круковскихъ не полагалось. Разъ какъ-то, въ началѣ обѣда никакъ не могли доискаться Софы и наконецъ нашли ее гдѣ-то стоявшей въ углу: она объяснила, что не хочетъ ѣсть супа и зная, что за это ее поставятъ въ уголь, отправилась туда *сама*. И во взглядѣ, и въ голосѣ ея была при этомъ такая твердая рѣшимость, что всѣ старшіе опѣшили.

На преждевременное развитіе Софы имѣла большое вліяніе не по лѣтамъ развитая и бойкая Анюта, которая была старше ея на семь лѣтъ. Когда Анютѣ надоѣдало быть съ большими, она являлась въ дѣтскую къ своей младшей сестренкѣ и играла съ нею.

Анюта, успѣвшая многого начитаться и многого послушаться, подчасъ сердилась на наивность пятилѣтней сестры, не имѣвшей понятія объ идеалѣ и смѣшивавшей это слово съ одѣяломъ; ей хотѣлось, чтобы Софа поскорѣй выросла и начала ее понимать, и она принялась набивать ей голову разными непонятными ей вещами. Мать, по ея словамъ, часто заставляла дочерей въ такомъ положеніи: Анюта стоитъ и что-то горячо толкуетъ Софѣ, трясетъ ее за плечи или сильно размахиваетъ руками, а Софа, ростомъ вдвое меньше Анюты, смотритъ на нее какъ-то снизу вверхъ и напряженно старается понять сестру. Обѣ дѣвочки не любили играть въ куклы; любимой ихъ игрой было копированіе отношеній между господами и прислугой. Въ матеріалѣ и образцахъ не было недостатка: въ ихъ дѣтскую часто забѣгали горничныя пить кофе и бесѣдовать съ нянюшкой. Анюта, обладавшая большимъ сценическимъ талантомъ, брала на себя роль прислуги, а Софѣ предоставляла играть скучныхъ и важныхъ барынь, что впрочемъ та дѣлала охотно; няня натолковала ей, что она будетъ золото носить, по серебру ходить и т. д. Софа всегда восхищалась высокою, красивою и рѣчистою Анютой и часто видя въ рукахъ ея книги, сама захотѣла выучиться читать, думая въ нихъ найти все то интересное, о чемъ рассказывала ей Анюта. Никому не объявляя о своемъ намѣреніи, она стала хватать книги и газеты, обращаясь съ просьбой назвать ей ту или другую букву, и такъ по немногу, незамѣтно для всѣхъ, она къ общему удивленію выучилась читать; ее, разумѣется, похвалили, и отецъ при этомъ припомнилъ, что Анюту нужно было заставлять учиться, а Софа вотъ сама выучилась. Софа вся покраснѣла отъ удовольствія, что въ чемъ нибудь она оказалась лучше предмета своей зависти и восхищенія. Она тутъ поняла слабыя стороны Анюты и, узнавши, въ чемъ можетъ ее превзойти, неуслышно старалась объ этомъ. Всѣ говорили, что Анюта была лѣнива—Софа выказывала большое прилежаніе къ ученю, Анюта была своевольна—Софа старалась быть послушной. Считая себя нелюбимою, она со свойственной ей страстностью стремилась приобрести любовь своихъ родителей. Вскорѣ она сдѣлалась гордостью семьи и сознавала, что учится прекрасно и что всѣ считаютъ ее очень знающей для ея лѣтъ. Это настолько бросалось въ глаза, что пріѣхавшій къ нимъ погостить дядя—братъ матери—нашелъ, что съ такой умной барышней нельзя говорить о пустякахъ и началъ рассказывать ей про инфузорій, про водоросли, про образованіе коралловыхъ рифовъ. Эти рассказы приводили ее въ восторгъ.

Лицомъ и манерами въ то время Софья напоминала благовоспитаннаго ребенка изъ нѣмецкой семьи. Лицо у нея было очень бѣленькое, но тѣло смуглое и въ немъ билось пылкое, если хотите, цыганское сердце, способное сильно страдать и сильно желать; иногда оно проявлялось въ исканіи исключительной привязанности, въ припадкахъ сильной ревности, за которые Ковалевской бывало такъ стыдно, что она боялась показаться на глаза людямъ.

Такова была Ковалевская, обращаясь изъ ребенка въ дѣвочку-подростка. Она скоро вышла изъ дѣтства, но своеобразность его оставила неизгладимые слѣды въ ея характерѣ; рано развившаяся нервность, какъ мы увидимъ, давала себя знать и въ позднѣйшіе годы ея жизни, выражаясь между прочимъ въ склонности къ суетѣрлю. Впрочемъ на ряду съ этимъ дурнымъ вліяніемъ было и хорошее. Благодаря нянѣ и ея рассказамъ, въ ней развилось воображеніе, которое, какъ она сама говорила, въ математикѣ необходимо столько же, сколько и въ поэзіи. Не будь няни, ревниво отстранявшей француженку и привлекавшей ребенка не только баловствомъ, но дѣйствительной любовью и лаской, первымъ языкомъ Ковалевской былъ бы французскій, и она потомъ не нуждалась бы въ русскомъ языкѣ и не была бы вполне русской. Очень можетъ быть также, что строгая дисциплина въ раннемъ возрастѣ не дала бы развиться многимъ ея индивидуальнымъ особенностямъ, которыя пустили такіе глубокіе ростки подъ нянинымъ крылышкомъ. Эта же няня прозвала свою любимицу «ясынка», и всѣ знавшіе Ковалевскую соглашались, что это было самое подходящее къ ней прозвище.

ГЛАВА III.

Переселеніе Корвинъ-Круковскихъ въ Палибино и перемѣна въ образѣ жизни и въ воспитаніи дѣтей.—Воспитаніе Софьи англичанкой Смитъ.—Уроки Малевича.—Бесѣды младшей Корвинъ-Круковскою съ дядей дилетантомъ.—Возникновеніе интереса къ математикѣ.—Склонность къ поэзіи, преслѣдуемая воспитательницей.—Продвѣтаніе умственныхъ интересовъ въ Палибинѣ.—Отношеніе Корвинъ-Круковского въ проявленіямъ математическихъ способностей дочери.—Первое путешествіе сестеръ Круковскихъ за границу.—Окончаніе занятій у Малевича.

Въ 1858 году Корвинъ-Круковской, дослужившись до генераль-лейтенанта, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи въ селѣ Палибинѣ. Деревенская жизнь, разумѣется, какъ нельзя лучше

отозвалась на здоровьи дѣтей. Усадьба Круковскихъ была истинно барская.

Послѣ войны, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, наряду съ другими вопіющими вопросами возникъ и такъ называемый женскій вопросъ: о немъ писали и говорили. Вѣроятно подѣ влияніемъ этого и Корвинъ-Круковской, не обращавшій прежде никакого вниманія на умственное развитіе своихъ дочерей, впервые серьезно задумался надъ этимъ важнымъ вопросомъ и выѣшался въ воспитаніе своихъ дѣтей. Результатомъ этого выѣшательства сначала явились неутѣшительныя разоблаченія. Ковалевская говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Какъ нерѣдко случается въ русскихъ семьяхъ, отецъ вдругъ сдѣлалъ неожиданное открытіе, что дѣти его далеко не такія примѣрныя, прекрасно воспитанныя, какъ онъ полагалъ. До сихъ поръ все твердили, что сестра моя чуть-ли не феноменальный ребенокъ, умный и развитой не по лѣтамъ. Теперь же вдругъ оказалось, что она не только изъ рукъ вонъ избалована, но для двѣнадцатилѣтней дѣвочки до крайности невѣжественна, даже правильно писать не умѣетъ по русски».

Отецъ Ковалевской, не любившій полумѣръ, произвелъ настоящій переворотъ въ самой системѣ этого воспитанія. Француженку прогнали, нянюшку отставили отъ дѣтской и опредѣлили смотрѣть за бѣдьемъ, а на мѣсто ихъ взяли гувернера-учителя І. И. Малевича и англичанку Маргариту Францовну Смитъ. Единственному сыну Корвинъ-Круковскихъ было въ то время три года, и учитель былъ приглашенъ для преподаванія наукъ дочерямъ. Изъ этого видно, что Корвинъ-Круковскіе и въ то время считали недостаточнымъ обыкновенное образованіе, получаемое дѣвцами того времени подѣ руководствомъ однихъ гувернантокъ. Замѣчательно, что Ковалевская начала серьезно учиться въ тотъ годъ (1858), когда была открыта Вышнеградскимъ въ Петербургѣ первая женская гимназія, имѣвшая такое важное значеніе въ исторіи женскаго образованія въ Россіи.

Итакъ, въ домѣ Корвинъ-Круковскихъ воцарились одновременно строгое воспитаніе и серьезное обученіе. Въ то время какъ властная и выдержанная англичанка настойчиво водворяла порядокъ въ дѣтской, обливала каждое утро холодной водой дѣвочку, которую до того няня кой-какъ умывала тепленькою водицей, тихій, сощепательный учитель старался развить въ ней привычку къ труду и любовь къ учебнымъ предметамъ. Начало своихъ занятій съ Ковалевской Малевичъ описываетъ такъ:

«При первой встрѣчѣ съ моею даровитой ученицей, въ октябрѣ года, я увидѣлъ въ ней восьмилѣтнюю дѣвочку, довольно крѣп-

каго сложенія, милой и привлекательной наружности, въ глазахъ которой свѣтились воспримчивый умъ и душевная доброта. Въ первыя же учебныя занятія она обнаружила рѣдкое вниманіе, быстрое усвоеніе преподаннаго, совершенную, такъ сказать, покладливость, точное исполненіе требуемаго и постоянно хорошее знаніе уроковъ.

Развивая ея способности по своей методѣ, я не могъ однако-жъ замѣтить при первыхъ урокахъ *арифметики* особыхъ способностей къ этому предмету: все шло такъ, какъ съ прежними моими ученицами. Однажды за обѣдомъ генераль спросилъ свою любимую дочь: «Ну что, Софа, полюбила ли ты арифметику?»—«Нѣтъ, папочка», былъ ея отвѣтъ.—«Такъ полюбите-же ее, и полюбите больше чѣмъ другіе научные предметы!» сказала я съ нѣкоторымъ волненіемъ. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ, какъ ученица моя почти на такой же вопросъ отца сказала:

— Да, папочка, я люблю заниматься арифметикой: она доставляетъ мнѣ удовольствіе.

Отецъ улыбнулся и очевидно былъ радъ отвѣту своей дочери».

Эти два отвѣта на предложенный отцемъ вопросъ рисуютъ намъ Ковалевскую серьезнымъ, вдумчивымъ и правдивымъ ребенкомъ. Такою же она сохранилась въ воспоминаніи госпожи Смитъ, отъ которой намъ не разъ приходилось слышать: «Софу никогда не нужно было заставлять учить уроки и вообще исполнять какія-нибудь обязанности; она все это прекрасно знала сама». Въ деревенской тиши, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, Софья Корвинъ-Круковская дѣлала быстрые успѣхи: она прошла всю арифметику въ два съ половиною года; по словамъ ея учителя, къ концу этого времени она отлично рѣшала даже самыя трудныя задачи, и онъ нашелъ возможнымъ пройти съ нею теорію арифметики Бурдона, принятую въ то время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Парижѣ. Замѣчательно, что Ковалевская съ большою легкостью и съ большимъ интересомъ изучала алгебру Бурдона, и даже тѣ отдѣлы, которые могли служить ей съ пользою только при изученіи высшей математики. Въ половинѣ курса алгебры учитель приступилъ къ преподаванію геометріи.

Малевичъ говорить:

«Прошли три-четыре года безусловно успѣшныхъ занятій безъ всякихъ выдающихся эпизодовъ; но когда дошли мы въ геометр до отношенія окружности круга къ діаметру, которое я преподавалъ со всѣми доказательствами и выводами, ученица моя, излагая *данное* на слѣдующемъ урокѣ, къ удивленію моему пришла совсѣ другимъ путемъ и особенными комбинаціями къ тому же само выводу. Я потребовалъ повторить и, думая, что она не совсѣмъ поняла мое изложеніе, сказала, что хотя выводъ вѣрный, но не слѣдуетъ прибѣгать къ рѣшенію черезъ чуръ окольнымъ путѣмъ, а і

требовать, чтобъ она изложила такъ, какъ я преподалъ. Не знаю, была-ли она сконфужена моимъ неожиданнымъ требованіемъ, или быть можетъ я задѣлъ ея самолюбіе, только она сильно покраснѣла, потупила глаза и заплакала. Я постарался успокоить ее ласковыми словами, ободрить, урезонилъ и повторивши *данное*, отложилъ все до слѣдующаго урока. Это были первыя и послѣднія слезы ученицы за уроками во все время моего девятилѣтняго ей преподаванія. Въ тотъ же день я передалъ этотъ случай генералу, и когда пояснилъ все дѣло, то онъ, какъ старый математикъ, похвалилъ изобрѣтательность своей дочери и сказалъ: Молодецъ Софа! Это не то, что было въ мое время. Бывало радъ-радъ, когда знаешь хотя кое-какъ урокъ, а тутъ сама, да еще дѣвочка, нашла себѣ другую дорогу,—и очень обрадованный, крѣпко пожалъ мою руку».

Изъ этого правдиваго разсказа Малевича, мы видимъ, какъ удачно начались и продолжались занятія Ковалевской математикой, подъ руководствомъ преданнаго своему дѣлу учителя и при поощреніи отца, къ счастью любившаго математику.

Малевичъ занимался также весьма старательно и толково съ младшей Круковской русской словесностью и литературой, географіей, всеобщей и русской исторіей. Онъ не только знакомилъ свою ученицу съ фактической стороною, но старался главнымъ образомъ развить въ ней разностороннее логическое мышленіе. Если мы примемъ во вниманіе, что эти занятія продолжались безъ перерыва около десяти лѣтъ, то легко понять, какое важное значеніе они имѣли въ умственномъ развитіи Ковалевской. Вообще можно сказать, что эти годы въ деревнѣ она вела жизнь трудовую. Сама она описываетъ свой день слѣдующимъ образомъ: вставать ее заставляли рано, зимою ей приходилось разставаться съ теплой постелью почти при свѣчахъ и пить чай одной съ своей гувернанткой въ то время, когда всѣ остальные члены семейства крѣпко спали. День начинался обыкновенно урокомъ музыки, который происходилъ въ большой залѣ при весьма прохладной температурѣ зимою; посинѣвшими отъ холода пальцами дѣвочка должна была играть гаммы и экзерсисы. Ковалевская не обладала музыкальными способностями, но на это не обращали никакого вниманія и заставляли ее учиться музыкѣ, что принесло ей нѣкоторую пользу, увеличивъ привычку къ труду. За урокомъ музыки слѣдовали другіе уроки; въ 12 часовъ завтракъ, потомъ прогулка и опять уроки. Послѣ обѣда приходилось готовить уроки къ слѣдующему дню. Къ счастью, съ заданными уроками богато одаренная дѣвочка справлялась очень скоро и успѣвала уйти отъ строгой гувернантки въ верхній этажъ, который принадлежалъ матери и старшей сестрѣ. Мать ея имѣла привычку

играть по вечерамъ на фортепiano, и играла цѣлыми часами наизусть, сочиняя импровизируя. У Е.О. Круковской было много музыкальнаго вкуса и удивительно мягкое туше. Вообще въ царствѣ генеральши жилось веселѣе, чѣмъ внизу; тамъ мать, старшая дочь и совсѣмъ еще маленькій сынъ жили свободно безъ заботы, безъ труда; но Софа являлась туда только на нѣсколько часовъ и потому чувствовала себя тамъ гостьей. Сверхъ того, у нея все еще существовало убѣжденіе, что мать любитъ ее меньше чѣмъ другихъ дѣтей, это сильно ее огорчало и удаляло отъ матери. Веселая, кроткая, не любившая ссоръ, Круковская побаивалась рѣзкой и властолюбивой гувернантки и потому лишь изрѣдка заглядывала въ тѣ комнаты, гдѣ та была полной хозяйкой.

Въ домѣ Корвинъ-Круковскихъ царствовала вообще тишь да гладь, потому что всѣмъ было привольно и просторно; всѣ могли жить, нисколько не стѣсня другъ друга. Однако и при такомъ просторѣ Софья Круковская во многихъ отношеніяхъ была стѣснена и нисколько не избалована. Она любила читать и писала стихи, но та и другая изъ этихъ склонностей встрѣчали противодѣйствіе въ строгой англичанкѣ; чтеніе она подвергла строгой цензурѣ, писаніе же стиховъ было совсѣмъ исключено изъ воспитанія нормальной дѣвочки, въ какую англичанка стремилась превратить нервную Софу. Но Ковалевская съ дѣтства любила поэзію; у нея былъ цѣлый міръ фантазій; она говоритъ:

«Самая форма, самый размѣръ стиховъ доставляли мнѣ необычайное наслажденіе; я съ жадностью поглощала всѣ отрывки русскихъ поэтовъ, и чѣмъ высокопарнѣе была поэзія, тѣмъ болѣе она мнѣ приходилась по вкусу. Баллады Жуковского долго были единственными извѣстными мнѣ образцами русской поэзіи; хотя у насъ была обширная бібліотека, но она состояла преимущественно изъ иностранныхъ книгъ; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова въ ней не было».

Памятенъ Ковалевской былъ тотъ счастливый день, когда, по настоянію учителя Малевича, была куплена ей христоматія Филопова. Она читала «Мцыри» и «Кавказскаго Пльнника» до тѣхъ поръ, пока гувернантка не пригрозила отнять драгоценную книгу. Ковалевская чуть-ли не съ пятилѣтняго возраста сама сочиняла стихи, а гувернантка стремилась искоренить эту, по ея мнѣнію, вредную привычку. Если ей попадался на глаза клочокъ бумажки, исписанный стихами ученицы, она прикалывала его булавкой къ плечу дѣвочки и потомъ при всѣхъ декламировала стихи, коверкая ихъ и искажая. Впечатлительная Софа перестала на время писать

стихи, но сочиняла ихъ въ умѣ и громко произносила ихъ, играя въ мячикъ. Особенно она гордилась двумя своими стихотвореніями: «Обращеніе бедуина къ коню» и «Ощущеніе пловца, ныряющаго за жемчугомъ». О послѣднемъ стихотвореніи упоминаетъ Малевичъ. Оно начинается такъ: «Бросаюсь въ воду я», а оканчивалось: «Теряюсь духомъ я... и умираю». Въ стихахъ этихъ дѣвочка старалась выразить ощущеніе пловца, борющагося съ волнами. Очевидно, всесторонній и развитой учитель съ большею гуманностью относился къ ученицѣ, и она повѣряла Малевичу сочиняемые ею втайнѣ стихи.

Это раннее развитіе фантазіи и стремленіе къ поэзіи шло рука объ руку съ пріобрѣтеніемъ положительныхъ знаній. Въ классной комнатѣ маленькая Круковская была въ высшей степени сосредоточена и серьезна, а въ свободное время отдавалась фантазіи и поэзіи. Итакъ двѣ склонности, обыкновенно признаваемые не только противоположными, но исключаящими одна другую, уживались какъ нельзя лучше въ Ковалевской. Намъ извѣстны многіе другіе математики, любившіе поэзію, напримѣръ Даламберъ, Карно, Кеплеръ и другіе.

Склонность къ математикѣ до тѣхъ поръ, пока не перешла въ стремленіе къ высшему образованію, встрѣчала сочувствіе отца, поэтому могла проявляться безпрепятственно; для удовлетворенія же своего влеченія къ литературѣ, Софья Круковская должна была прибѣгать къ хитрости и вообще бороться съ своей гувернанткой.

Говоря объ этихъ двухъ склонностяхъ, нельзя избѣгать вопроса, подъ вліяніемъ какихъ внѣшнихъ условій онѣ проявились? Этотъ вопросъ такъ часто предлагали самой Ковалевской, что на него она сама дала весьма опредѣленный отвѣтъ:

«Первоначальнымъ систематическимъ обученіемъ математикѣ я обязана І. И. Малевичу. Въ особенности хорошо и своеобразно Малевичъ преподавалъ ариметику. Однако я должна сознаться, что въ первое время, когда я начала учиться, арифметика не особенно меня интересовала. Только ознакомившись нѣсколько съ алгеброй, я почувствовала настолько сильное влеченіе къ математикѣ, что стала пренебрегать другими предметами. Любовь къ математикѣ проявилась у меня подъ вліяніемъ дяди Петра Васильевича Корвинъ-Круковского. Многіе и долгіе часы проводили мы съ нимъ въ угловой комнатѣ нашего большого деревенскаго дома, въ такъ называемой башнѣ, она же и бібліотека. Отъ него между прочимъ мнѣ пришлось впервые услышать о нѣкоторыхъ математическихъ понятіяхъ, которыя произвели на меня особенно сильное впечатлѣніе. Дядя говорилъ о квадратурѣ круга, объ асимптотахъ — прямыхъ линіяхъ, къ которымъ кривая постепенно приближается, ни когда ихъ не достигая, и о многіхъ другихъ совершенно непонятныхъ для меня вещахъ, тѣмъ не менѣе, представлялись

мнѣ чѣмъ-то таинственнымъ и въ тоже время особенно привлекательнымъ».

Эти рассказы наэлектризовали дѣвочку. По счастливой случайности даже стѣны дѣтской были оклеены записками по дифференціальному и интегральному исчисленію Остроградскаго. Непонятные знаки привлекли ея вниманіе; она всматривалась въ формулы и обращалась съ вопросами къ любимому дядѣ, который, какъ мы видѣли, самъ не зналъ многого и не могъ объяснить, но умѣлъ заинтересовать.

П. В. Корвинъ-Круковскій вообще былъ сѣятель умственныхъ интересовъ вездѣ, гдѣ онъ появлялся. Отецъ Ковалевской, хотя былъ человѣкъ умный и начитанный, не отличался общительностью. Мать прекрасно знала иностранные языки; ей была знакома даже итальянская литература, она читала запоемъ, однако же если не было дяди ни за завтракомъ, ни за обѣдомъ, никто не разсыпалъ своихъ умственныхъ сокровищъ, и разговоръ шель вяло, ограничиваясь домашними дѣлами. Но въ присутствіи дяди начиналось настоящее умственное общеніе между всѣми членами семьи, въ которомъ принимала живое участіе и консервативная англичанка, представлявшая оппозицію всѣмъ новымъ въ то время идеямъ. При этомъ кроткій и осторожный Малевичъ не высказывалъ своихъ воззрѣній, и если говорилъ, то исключительно касаясь фактической стороны.

Сама Ковалевская, въ своихъ воспоминаніяхъ, слѣдующимъ образомъ рисуешь оживленіе умственныхъ интересовъ подъ вліяніемъ дяди:

«Но болѣе всего увлекался дядя, когда нападалъ въ какомъ-нибудь журналѣ на описаніе новаго важнаго открытія въ области наукъ. Въ такіе дни за столомъ велись жаркіе споры.

— А читали-ли вы, сестрица, что Поль Беръ придумалъ?— скажетъ бывало дядя, обращаясь къ моей матери,—искусственныхъ—сіамскихъ близнецовъ понадѣлалъ, сростилъ нервы одного кролика съ нервами другого. Вы одного бьете, а другому больно».

И начнетъ дядя передавать присутствующимъ содержаніе только что прочитанной имъ журнальной статьи, невольно, почти безсознательно, украшая и пополняя ее и выводя смѣлыя заключенія»

Въ памяти Ковалевской сохранилось, какую бурю подняли въ ихъ домѣ двѣ статьи въ «Revue des deux mondes»: одна—объ единствѣ физическихъ силъ (отчетъ о брошюрахъ Гельмгольца), другая—объ опытахъ Клода-Бернара надъ вырѣзываніемъ частей мозга у голубя. Она прибавляетъ: «вѣроятно, и Гельмголецъ, и Клодъ-Бернаръ очень удивились-бы, еслибы узнали, какое яблоко

раздора закинули они въ мирную русскую семью, проживающую гдѣ-то въ захолустѣ Витебской губерніи».

Дядя Ковалевской нисколько не представлялъ въ то время исключительнаго явленія. Такихъ истинныхъ популяризаторовъ науки было не мало среди нашей обеспеченной интеллигенціи, и вездѣ ихъ вліяніе было такъ же плодотворно, какъ въ семьѣ Корвинъ-Круковскихъ. Но для насъ важнѣе всего въ данномъ случаѣ, что интересъ къ математикѣ возникъ и выросъ не въ классной комнатѣ и былъ вызванъ не уроками опытнаго и знающаго учителя, а возбужденъ разказами самоучки-дяди, потому что дядя былъ энтузіастъ и заронилъ искру того же энтузіазма въ душу двѣнадцати-лѣтней племянницы. Любовь къ литературѣ развилась въ ней подъ вліяніемъ сестры, тоже личности увлекавшейся и со страстью предававшейся чтенію. Но если интересъ былъ возбужденъ не уроками Малевича по математикѣ и словесности, то это обстоятельство нисколько не умаляетъ огромнаго значенія его лекцій. Интересъ къ предмету плодотворенъ только тогда, когда соединенъ съ упорностью въ трудѣ и съ основательнымъ знаніемъ, а первую и фундаментъ второго Ковалевская приобрѣла исключительно подъ вліяніемъ Малевича. Ковалевской было около пятнадцати лѣтъ, когда она проявила удивительную самостоятельность и упорность мышленія; этотъ случай вѣззался въ памяти ея отца, учителя и сосѣда Круковскихъ по имѣнію, профессора физики Тыртова. Ковалевская упоминаетъ о немъ сама слѣдующимъ образомъ:

«Тыртовъ привезъ намъ какъ-то свой элементарный учебникъ физики. Я попробовала читать эту книгу, но, къ своему горю, встрѣтила въ отдѣлѣ оптики тригонометрическія формулы. Не зная тригонометріи, сообразуясь съ формулами, бывшими въ книгѣ, я попыталась объяснить себѣ ихъ сама. При этомъ по странному совпаденію, я пошла тѣмъ же путемъ, который употреблялся исторически, т. е. вмѣсто синуса брала хорду. Для малыхъ угловъ эти величины почти совпадаютъ другъ съ другомъ. Когда я рассказала Тыртову, какимъ путемъ я дошла до объясненія тригонометрическихъ формулъ, онъ сталъ горячо убѣждать отца въ необходимости учить меня серьезно».

Малевичъ говорилъ, что имъ составленъ былъ уже планъ преподаванія тригонометріи прямолинейной и сферической, но непредвидѣнные обстоятельства разрушили его намѣренія. Болѣзнь старшей Корвинъ-Круковской заставила въ началѣ сентября 1866 г. мать съ дочерьми провести зиму въ Швейцаріи, въ Монтрѣ.

Свѣдѣнія Ковалевской по естественнымъ наукамъ ограничива-

лись популярнымъ изложеніемъ зоологій, ботаники и минералогіи. Сверхъ того Малевичъ читаль съ своей ученицей избранныя сочиненія, относящіяся къ этимъ предметамъ, къ изученію же физики не успѣлъ приступить.

Знанія обѣихъ Корвинъ-Круковскихъ въ языкахъ были вообще хороши, но съ французской литературой англичанка не могла познакомиться какъ слѣдуетъ. Замѣтивъ этотъ пробѣлъ, заботливые родители отказали англичанкѣ и пригласили образованную швейцарку, которая прекрасно познакомила молодыхъ дѣвицъ съ французской литературой еще до отъѣзда ихъ за границу.

На святкахъ 1866 г. въ Палибинѣ получено было письмо отъ младшей Корвинъ-Круковской; она просила отца пріѣхать къ нимъ и привезти съ собою Малевича съ математическими книгами, говоря, что имѣетъ желаніе заняться математикой. «Я съ удовольствіемъ согласился на эту поѣздку—говоритъ Малевичъ и провель нѣсколько счастливейшихъ мѣсяцевъ въ путешествіи съ своими ученицами и ихъ братомъ, моимъ ученикомъ, въ прелестной Швейцаріи и Германіи».

Въ Швальбахѣ Малевичъ возобновилъ прерванныя занятія съ младшей Круковской, которая въ то время брала также уроки нѣмецкаго языка. Итакъ родной языкъ матери былъ неизвѣстенъ ей до шестнадцатилѣтняго возраста. По возвращеніи изъ заграницы рѣшено было помѣстить сына въ одну изъ Петербургскихъ гимназій. Для того, чтобы разузнать, въ какое заведеніе лучше отдать сына, мать съ дочерьми отправились въ Петербургъ, а въ началѣ января 1868 года уѣхаль туда же В. В. Корвинъ-Круковской съ сыномъ; Малевичъ же взялъ мѣсто учителя въ семействѣ предводителя дворянства Евреинова.

Такъ окончился палибинскій періодъ жизни Ковалевской, столь плодотворный для ея развитія. Надо отдать справедливость настойчивой англичанкѣ; она значительно укрѣпила здоровье молодой дѣвушки, хотя и не сдѣлала изъ нея англійской миссъ; она съ большимъ горемъ оставила домъ Корвинъ-Круковскихъ, сохранивъ однако постоянную связь со всею семьей, преимущественно же съ Ковалевской. Послѣдняя, въ свою очередь, привязалась къ своей строгой, доброжелательной и добросовѣстной воспитательницѣ и трогательно описала ея отъѣздъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», не скрывая впрочемъ, что была въ тоже время и рада избавиться отъ бдительнаго надзора гувернантки, которая мѣшала ея сближенію съ сестрой. Жизнь Анюты пріобрѣтала все большій и большій инте-

ресь въ глазахъ сестры; Анята сдѣлалась писательницей и потихоньку отъ отца переписывалась съ Достоевскимъ, помѣстившимъ двѣ ея повѣсти въ журналъ «Эпоха», и т. д.

Болѣзнь любимой сестры и первое путешествіе за границу не отвлекли, какъ мы видѣли, Ковалевскую отъ занятій математикой. Она настойчиво желала ихъ продолжать и занималась съ Малевичемъ, переѣзжая изъ города въ городъ. За границей она тѣснѣе сблизилась съ сестрою и съ матерью.

ГЛАВА IV.

Сестры Корвинъ-Круковскія въ Петербургѣ.— Знакомство съ Достоевскимъ.— Отношеніе къ вѣяніямъ шестидесятыхъ годовъ.— Стремленіе къ высшему образованію.— Фиктивный бракъ Софьи Круковской съ В. О. Ковалевскимъ.— Ковалевская изучаетъ высшую математику въ Гейдельбергѣ.— Путешествіе въ Лондонъ.— Отношенія ея къ мужу.— Занятія въ Берлинѣ у Вейерштрасса.— Поѣздка въ Парижъ и въ Швейцарію.— Опять въ Берлинѣ.— Пожалованіе Ковалевской степени доктора математики Геттингенскимъ университетомъ.

Въ 1867—68 году сестры Корвинъ-Круковскія появились въ Петербургѣ. Онѣ съ матерью поселились въ домѣ своихъ тетокъ на Васильевскомъ острову. Квартира тетусекъ была очень большая, но состояла изъ множества маленькихъ клѣтушекъ, загроможденныхъ массою ненужныхъ, некрасивыхъ вещицъ и бездѣлушекъ, собранныхъ втеченіе цѣлой долгой жизни двухъ аккуратныхъ дѣвствовавшихъ нѣмочекъ. Въ знакомствѣ ихъ преобладающій элементъ былъ нѣмецкій, по словамъ Ковалевской, чопорный и безцвѣтный. Двѣ молодыя русскія дѣвушки не имѣли съ нимъ ничего общаго и стремились къ другимъ людямъ... Чисто русское образованное общество имѣло тогда такъ много новаго, своеобразнаго; это было во время шестидесятыхъ годовъ. Послѣ Крымской войны русское общество оживилось; въ немъ возникли новыя стремленія и надежды. Съ воцареніемъ Императора Александра II всѣхъ охватило предчувствіе крупныхъ перемѣнъ въ общественномъ строѣ жизни, и прежде всего перемѣнъ, касающихся отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Мы видѣли уже, что подъ вліяніемъ такого предчувствія, Корвинъ-Круковской принялся за хозяйство и произвелъ переворотъ въ воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей; Ковалевская была обязана своими знаніями идеямъ, уже носившимся

тогда въ воздухѣ. Но люди пожилые, понимавшіе, что наступаетъ новое время, относились къ нему со страхомъ и недовѣріемъ. Исключеніе составляли только самыя свѣтлыя личности.

Корвинъ-Круковской, преданный безраздѣльно своимъ личнымъ и семейнымъ интересамъ, со страхомъ отпустилъ своихъ дочерей въ Петербургъ. Много наставленій и предостереженій пришлось выслушать его женѣ. Анюта упросила отца позволить ей познакомиться съ Достоевскимъ; какъ нѣжный отецъ, онъ не могъ долго противиться желаніямъ своихъ дѣтей и въ концѣ концовъ уступалъ имъ. Сначала, разумѣется, открытіе тайныхъ сношеній Анюты съ Достоевскимъ и ея первые шаги на литературномъ поприщѣ повлекли за собой бурю, потомъ отецъ, какъ всегда, смирился; съ затаеннымъ страхомъ въ душѣ допускалъ онъ это знакомство и говорилъ женѣ:

— Помни, Лиза, что на тебѣ будетъ лежать большая отвѣтственность. Достоевскій—человѣкъ не нашего общества. Что мы о немъ знаемъ? Только то, что онъ журналистъ и бывший каторжникъ. Хороша рекомендація! Нечего сказать! Надо быть съ нимъ очень и очень осторожнымъ.

Знакомство съ Достоевскимъ состоялось въ первые же дни послѣ приѣзда Корвинъ-Круковскихъ въ Петербургъ; оно живо и подробно описано Ковалевской въ ея воспоминаніяхъ. Въ высшей степени нервный, болѣзненно страстный, Достоевскій сразу влюбился въ Анну Круковскую, но совершенно не заботился завоевать ея сердце, а хотѣлъ взять его даже совсѣмъ безъ бою. Это не понравилось капризной и избалованной красавицѣ; она сама удивлялась, что не могла полюбить его и объясняла это такъ: Ему нужна совсѣмъ не такая жена, какъ я. Его жена должна совсѣмъ посвятить ему себя, всю свою жизнь ему отдать, только о немъ и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить! Къ тому же онъ такой нервный и требовательный. Младшую Корвинъ-Круковскую Достоевскій нашелъ очень красивой, восхищался ея цыганскими глазами, хвалилъ нѣкоторыя ея стихотворенія, прочитанныя ему Анной, но вообще относился къ ней какъ къ прелестному ребенку. Безграничная страсть Достоевскаго, такъ испугавшая Анну, пришлась какъ нельзя болѣе по характеру Софѣ, она думала: Какъ можетъ сестра отталкивать отъ себя такое счастье: она готова была сама по уши влюбиться въ Достоевскаго, и это вѣроятно случилось бы, если бы Достоевскій относился къ ней иначе и если бы въ ней въ то время не говорило такъ сильно другое чувство—стремленіе къ высшему образованію, права на которое надо было

еще завоевать. Множество другихъ впечатлѣній скоро изгладило слѣды чуть зарождавшейся любви. Достоевскій во всякомъ случаѣ не принадлежалъ къ числу тѣхъ новыхъ людей, познакомиться съ которыми такъ неудержимо хотѣлось обѣимъ сестрамъ.

Молодежь въ то время отличалась многими особенностями; въ ней замѣчалось большое оживленіе и горячая безграничная вѣра въ осуществленіе на Руси всего свѣтлаго, прекраснаго, благороднаго, возвышеннаго. Эта вѣра въ себя и въ человѣка вообще составляетъ отличительную черту того времени. Самыя обыкновенныя женщины считали себя въ то время способными жертвовать всѣмъ для какой нибудь самой отвлеченной идеи и мечтали о высшемъ образованіи. Самые чувственные молодые люди женились на женщинахъ, не представляющихъ ничего въ этомъ отношеніи привлекательнаго. Можетъ быть въ то время было много лицемѣрія, много такъ называемыхъ сдѣлокъ съ самимъ собою, но основой всего этого все-таки была вѣра во все лучшее. Откуда однако взялась такая вѣра? Въ пятидесятихъ годахъ русское общество зашевелилось, и это оживленіе напоминало то, какое мы замѣчаемъ въ природѣ передъ восходомъ солнца. Новой зарей для насъ явилось освобожденіе крестьянъ въ 1861 году.

Душею всѣхъ союзовъ между людьми всегда бываетъ вѣра; она же соединяла и спланивала воедино молодежь шестидесятихъ годовъ. Литература, служащая всегда отраженіемъ жизни, въ шестидесятихъ годахъ играла свою обычную роль и, можетъ-быть никогда еще связь между читателемъ и писателемъ не была такъ крѣпка, какъ въ то время. Проводникомъ новыхъ идей въ семьѣ Корвинъ-Круковскихъ явилась старшая дочь Анна. Занятая своими уроками, Софья долгое время въ этомъ отношеніи была только отголоскомъ старшей сестры. Самостоятельное увлеченіе Софьи идеями шестидесятихъ годовъ началось только въ Петербургѣ въ 1868 году. Вспомнивая потомъ объ этомъ періодѣ своей жизни, Ковалевская говорила своему другу, шведской писательницѣ Леффлеръ:

«Мы такъ сильно увлекались новыми идеями, открывавшимися передъ нами, мы такъ глубоко были убѣждены, что существующее состояніе общества не можетъ долго продлиться, мы уже видѣли наступленіе новаго времени, времени свободы и всеобщаго просвѣщенія, мы мечтали объ этомъ времени, мы были глубоко убѣждены, что оно скоро наступитъ! И намъ была невѣроятно пріятна мысль, что мы живемъ одною общей жизнью съ этимъ временемъ.

«Когда тремъ или четыремъ изъ насъ, молодежи, случилось гдѣ-нибудь въ гостиной встрѣтиться впервые среди цѣлаго общества

старшихъ, при которыхъ мы не смѣли громко выражать своихъ мыслей, намъ достаточно было намека, взгляда, жеста, чтобы понять другъ друга и узнать, что мы находимся среди своихъ, а не среди чужихъ. И когда мы убѣждались въ этомъ, какое большое, тайное, непонятное для другихъ счастье доставляло намъ сознание, что вблизи насъ находится этотъ молодой человѣкъ или эта молодая дѣвушка, съ которыми мы быть-можетъ раньше и не встрѣчались, съ которыми мы едва обмѣнивались нѣсколькими незначущими словами, но которые, какъ мы знали, одушевлены тѣми же идеями, тѣми же надеждами, тою же готовностью жертвовать собою для достиженія извѣстной цѣли, какъ и мы сами».

Въ то время, когда Корвинъ-Круковскія появились въ Петербургѣ, среди молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ замѣтно было сильное стремленіе къ высшему образованію, которое выразилось между прочимъ въ прошеніи, поданномъ ими первому съѣзду естествоиспытателей. Въ 1868 г. пріѣхала въ Петербургъ первая женщина-врачъ Сулова; о ней кричали, ею гордились. Имя Ковалевской, рожденной Корвинъ-Круковской, также находится въ знаменитомъ въ лѣтописяхъ женскаго образованія прошеніи, и можно съ увѣренностью сказать, что изъ числа желавшихъ высшаго образованія она болѣе всѣхъ была къ нему подготовлена. Женскія гимназіи въ первое десятилѣтіе своего существованія дали немного въ смыслѣ научной подготовки. По выходѣ изъ гимназій лучшихъ ученицъ ждало горькое разочарованіе, и имъ приходилось наверстывать потерянное время. Имѣвшія средства брали отдѣльные частные уроки, менѣе состоятельныя составляли кружки и въ складчину приглашали хорошаго учителя. Этимъ кружкамъ тогда не было числа. Вскорѣ же открылись такъ называемые аларчинскіе курсы, имѣвшіе то же назначеніе—пополненіе пробѣловъ средняго образованія, и эти курсы были переполнены. Этимъ неудержимымъ стремленіемъ женщинъ къ высшему образованію окончились шестидесятые годы, начавшіеся освобожденіемъ крестьянъ. И мужчины въ то время увлекались женскимъ вопросомъ, являясь болѣе или менѣе истинными союзниками женщинъ, искавшихъ высшаго образованія.

Итакъ, Ковалевская пріѣхала въ Петербургъ какъ разъ въ время и кстати и сразу заняла самое видное мѣсто въ полчищѣ женщинъ, стремившихся къ высшему образованію. Въ то время какъ бывшія гимназистки и институтки рядами и шеренгами шли къ своей цѣли, она уже брала уроки аналитической геометріи и дифференціального исчисленія у А. Н. Страннолюбскаго. Объ этихъ урокахъ она всегда вспоминала съ восторгомъ, потому что здѣсь впервые открылась передъ ней вся ширь и глубина науки наукъ. Необыкновенно

венно быстрые успѣхи, оцѣненные по достоинству знающимъ, талантливымъ наставникомъ, искреннимъ и восторженнымъ приверженцемъ женскаго образованія, окрылили ее и утвердили въ намѣреніи поступить въ какой-нибудь иностранный университетъ; двери русскихъ университетовъ въ то время были закрыты для женщинъ; Ковалевская была увѣрена, что отецъ не пуститъ ее одну учиться за границу, и не знала, какъ быть; по молодости лѣтъ и незнанію жизни она подчинилась старшей сестрѣ и пріятельницѣ послѣдней, искавшимъ того же выхода посредствомъ фиктивного брака.

Такой планъ освобожденія былъ совершенно во вкусѣ мечтательной, пылкой и плохо понимавшей дѣйствительность Анны Круковской. Не обсудивъ хорошенько, не существуетъ-ли возможности уговорить отца отпустить ихъ учиться за границу, она дѣятельно принялась искать освободителей отъ мягкой и доброй матери и только на видъ суроваго, но въ сущности нѣжно-любящаго, заботливаго—и вдобавокъ просвѣщеннаго отца, который могъ понять и оцѣнить истинное призваніе къ наукѣ. Вѣда была еще въ томъ, что Анна, не подготовленная къ университетской скамьѣ, жаждала не науки, а жизни самой разнообразной и полной всякаго рода событій и приключеній. Семнадцатилѣтняя Софья искренно вѣрила Аннѣ, что и для нея нѣтъ спасенія безъ фиктивного брака одной изъ нихъ. Къ тому же она сама обладала большой интенсивностью желаній, которая часто заставляла ее выбирать самый краткій путь для достиженія цѣли. Однимъ словомъ, ей захотѣлось, загорѣлось ѣхать учиться; отпа же, во всякомъ случаѣ, нельзя было уломать скоро. И вотъ, послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ поисковъ освободителя, сестры напали на вполне подходящаго человѣка. Это былъ Владиміръ Онуфріевичъ Ковалевскій. Въ то время онъ былъ еще очень молодъ, но уже обращалъ вниманіе своими талантами и славился необыкновеннымъ знаніемъ языковъ; окончивъ курсъ правовѣденія, онъ не пошелъ тою торпой дорогой, которая ему открывалась, но, чувствуя склонность къ естественнымъ наукамъ, думалъ отправиться за границу учиться; онъ не былъ богатъ, и вѣроятно для пріобрѣтенія средствъ занялся переводомъ и изданіемъ естественно-научныхъ сочиненій. Переводы свои онъ диктовалъ такъ быстро, что утомлялъ писавшихъ. По наружности своей Ковалевскій всего менѣ подходилъ къ изящнымъ дѣвицамъ Корвицъ-Круковскимъ. Довольно тщедушный, рыжеватый, съ большимъ мясистымъ носомъ, онъ вѣроятно не обратилъ бы на себя ихъ вниманія, если бы дѣло шло о любви, и онъ можетъ быть и не замѣтили бы тогда его добрыхъ, умныхъ, жи-

выхъ голубыхъ глазъ, большого блага дѣла, его поистинѣ братскаго отношенія къ женщинамъ, которому онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь. Такой человѣкъ какъ нельзя болѣе годился для роли освободителя; и вотъ, встрѣчая его у знакомыхъ, Анна Круковская вошла съ нимъ въ переговоры и предложила вступить съ нею въ фиктивный бракъ. Но Ковалевскій соглашался жениться на Софьѣ Круковской, уклоняясь отъ руки Анны и ея подруги. Трудно рѣшить вопросъ, былъ-ли Ковалевскій влюбленъ въ младшую Корвинъ-Круковскую, или она просто была симпатична ему, какъ и рѣшительно всѣмъ, кто ее видѣлъ въ то время. Вотъ какъ описываетъ ее одна подруга, познакомившаяся съ ней въ то время и ставшая потомъ ея лучшимъ другомъ:

«Она производила совершенно своеобразное впечатлѣнiе своею дѣтскою наружностью, доставившей ей ласковое прозвище воровышка. Ей минуло уже восемнадцать лѣтъ, но на видъ она казалась гораздо моложе. Маленькаго роста, худенькая, но довольно полная въ лицѣ, съ коротко-обстриженными вьющимися волосами каштановаго цвѣта, съ необыкновенно выразительнымъ и подвижнымъ лицомъ, съ глазами, постоянно мѣнявшими выраженiе, то блестящими и искрящимися, то глубоко мечтательными, она представляла собою оригинальную смѣсь дѣтской наивности съ глубокою силою мысли. Она привлекала къ себѣ сердца всѣхъ своею безыскусственною прелестью, отличавшею ее въ этотъ періодъ ея жизни; и старыя, и молодыя, и мужчины, и женщины—всѣ были увлечены ею. Глубоко естественная въ своемъ обращенiи, безъ тѣни кокетства, она какъ бы не замѣчала возбуждаемаго ею поклоненiя. Она (въ то время) не обращала ни малѣйшаго вниманiя на свою наружность и свой туалетъ, который отличался необыкновенною простотою, съ примѣсю нѣкоторой беспорядочности, не покидавшей ея всю жизнь».

Во всякомъ случаѣ, если Ковалевскій и чувствовалъ къ младшей Круковской тогда нѣчто болѣе обыкновенной симпатiи и сочувствiя къ ея стремленiю, то онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета; это было бы слишкомъ обыкновенно и обыденно. Скорѣе можно думать, что Ковалевскій, какъ умный человѣкъ, замѣтилъ выдающуюся талантливость молодой дѣвушки, и ему захотѣлось именно ей открыть дорогу къ наукѣ.

Какъ бы то ни было, выборъ Ковалевскаго привелъ въ отчаянiе обѣихъ сестеръ и подругу старшей; онѣ не рассчитывали, чтобы Корвинъ-Круковскій далъ согласiе на бракъ младшей дочери. Анна и ея подруга успѣли уже порядочно насолить родителямъ и такъ утомили ихъ своими эксцентричными выходками, что родители сочли бы для нихъ и неособенно блестящую партiю счастливымъ

исходомъ; Софа же только начивала жизнь; она была гордостью своего отца, и ее ждала, по его мнѣнiю, блестящая будущность. Предположенiя сестеръ не сбылись; замѣтивъ настойчивое желанiе своей дочери выйти замужъ за Ковалевскаго, отецъ далъ свое согласiе; съ болью въ сердцѣ, но далъ. Изъ этого можно заключить, что онъ пустилъ бы дочь и учиться за границу, конечно не одну, а хоть съ тою же Маргаритой Францовной, какъ отпускали своихъ дочерей другiе заботливые отцы. По нашему мнѣнiю, этотъ фиктивный бракъ не былъ вызванъ никакою необходимостью, и въ немъ нельзя винить родителей Ковалевской.

Выходя замужъ фиктивнымъ бракомъ, Ковалевская чувствовала себя счастливой и глубоко гордилась тѣмъ, что была, такъ сказать, героиней романа, совершенно непохожаго на обыкновенные банальные любовные романы. Дѣйствовать наперекоръ природѣ было отличительной чертой истинныхъ людей шестидесятыхъ годовъ, а Ковалевская несомнѣнно принадлежала къ числу ихъ. Въ основѣ всего этого лежало идеальное стремленiе стать выше человѣческой природы но природа многимъ изъ нихъ жестоко отомстила за себя, и до сихъ поръ еще многiя и многiе расплачиваются за то, что не хотѣли знать въ молодости ни природы человѣка вообще, ни своей въ особенности. Заплатили этому дань и Ковалевскiе.

1-го октября 1868 года въ селѣ Палибинѣ была торжественно отпразднована свадьба Владимiра Онуфрiевича Ковалевскаго съ Софьей Васильевной Корвинъ-Круковской. На свадьбѣ въ числѣ прочихъ гостей былъ приглашенъ бывший учитель ея Малевичъ. Послѣ вѣнчанiя въ приходской церкви былъ роскошный обѣдъ; во время обѣда уже подана была карета для новобрачныхъ, которые тотчасъ же уѣхали въ Петербургъ.

Вѣроятно Корвинъ-Круковскiе скоро бы догадались, съ какою цѣлью былъ заключенъ бракъ, если бы молодые день, два провели въ Палибинѣ; но родители остались въ деревнѣ, а молодые поселились въ Петербургъ, гдѣ каждый изъ нихъ продолжалъ свое дѣло: онъ занимался изданiями и переводами, она продолжала свои уроки математики у Страннолюбскаго. Родители хотя и не отдали всего приданаго дочери, но все-таки дали ей двадцать тысячъ, такъ что отъѣздъ за границу былъ обезпеченъ. Вырвавшись на волю, Ковалевская не забыла сестры и упросила родителей отпустить съ ней на слѣдующую зиму за границу и Анну. Старикки согласились и на это.

Въ первое время юная Ковалевская сильно краснѣла, когда ей

приходилось называть своимъ мужемъ совершенно въ сущности посторонняго ей человѣка; но вскорѣ она привязалась къ своему освободителю, и въ Петербургѣ они были неразлучны; ихъ всюду встрѣчали вмѣстѣ—въ театрахъ и на лекціяхъ Сѣченова. Всѣхъ интересовала тогда эта парочка, и многіе жалѣли Ковалевскаго, что его милая жена никогда не будетъ принадлежать ему вполнѣ; другіе же утверждали, что она должна посвятить себя одной наукѣ. Весною 1869 года Ковалевскіе отправились въ Гейдельбергъ; она стала посѣщать лекціи математики, а онъ началъ заниматься геологіей. Вмѣстѣ съ Ковалевскими уѣхала за границу также одна молодая дѣвушка Лермонтова съ цѣлью заниматься химіей; впоследствии и она получила степень доктора химіи въ Геттингенскомъ университетѣ. Ковалевская познакомилась съ нею въ Петербургѣ и узнала, что та тоже желала бы ѣхать за границу учиться, но ее не пускаютъ родители, живущіе постоянно въ Москвѣ. У Ковалевской мелькнула смѣлая мысль поѣхать въ Москву прямо въ домъ къ совершенно незнакомымъ ей людямъ и упросить ихъ отпустить дочь за границу. И дѣйствительно она, какъ нельзя лучше, это выполнила. Пробыла два дня въ Москвѣ, совершенно очаровала родителей дѣвушки, и они согласились отпустить дочь съ такою обворожительною дамою за границу. Этой подругѣ мы обязаны описаніемъ ихъ совмѣстной жизни въ Гейдельбергѣ и въ Берлинѣ.

Въ Гейдельбергскій университетъ Ковалевская и Лермонтова поступили въ лѣтній семестръ 1869 г. На каникулы же послѣдняя отправилась къ родителямъ въ Россію, а Ковалевскіе поѣхали въ Лондонъ, гдѣ имъ удалось познакомиться со многими выдающимися людьми того времени: съ Джоржъ Эллиотъ, Дарвиномъ, Спенсеромъ и др. Къ зимнему семестру Ковалевскіе опять пріѣхали въ Гейдельбергъ, гдѣ застали уже свою подругу.

Подруга съ удовольствіемъ вспоминаетъ эти первые мѣсяцы въ Гейдельбергѣ, восторженные споры о всевозможныхъ предметахъ, поэтическія отношенія Софы къ молодому мужу, который въ то время любилъ жену совершенно идеальной любовью, безъ малѣйшей примѣси чувственности. Она повидимому съ такою же нѣжностью относилась къ нему.

«Лекціи начались тотчасъ послѣ нашего пріѣзда. Днемъ мы все время проводили въ университетѣ, а вечера свои посвящали также занятіямъ. Но за то по воскресеньямъ мы всегда дѣлали большія прогулки въ окрестностяхъ Гейдельберга, а иногда ѣздили и въ Мангеймъ, чтобы побывать въ театрѣ; знакомыхъ у насъ

было очень мало, и мы только въ очень рѣдкихъ случаяхъ наносили визиты нѣкоторымъ профессорскимъ семьямъ».

Ковалевская вскорѣ обратила на себя вниманіе своихъ знаменитыхъ профессоровъ: Кенигсбергера, Кирхгофа и другихъ. Въ небольшомъ университетскомъ городѣ она приобрѣла такую извѣстность, что матери показывали на нее дѣтямъ на улицѣ. Несмотря на то, она держалась въ сторонѣ отъ профессоровъ и студентовъ и отличалась нѣкоторой застѣнчивостью. Въ университетѣ она входила не иначе, какъ съ опущенными глазами. Она разговаривала съ товарищами только тогда, когда это было абсолютно необходимо для ея занятій. Эта скромность не была напускною въ этотъ періодъ ея жизни. Вернувшись однажды изъ университета, она рассказала своей подругѣ, что ей во время лекціи бросилась въ глаза ошибка, которую одинъ изъ студентовъ сдѣлалъ въ вычисленіяхъ на доскѣ. Ковалевская долго колебалась, наконецъ рѣшилась и съ сильно бьющимся сердцемъ подошла къ доскѣ и указала ошибку. Въ Россію доходили слухи объ успѣхахъ въ Гейдельбергѣ нашей Ковалевской, и ею гордились, на нее указывали всѣ тѣ, кому были дороги успѣхи женскаго образованія.

На слѣдующій годъ въ гейдельбергскую колонію пріѣхала Анна, а потомъ бѣжала изъ Россіи ея эксцентричная пріятельница, пожелавшая посвятить себя юриспруденціи. Смѣлый побѣгъ послѣдней, привелъ въ восторгъ Ковалевскую, и она приняла подругу сестры съ распростертыми объятіями. Первое время родители подруги, разсердившись на дочь, ничего ей не высылали; Ковалевская пріютила ее у себя, но вскорѣ имъ всѣмъ стало тѣсно и неуютно. Ковалевскій первый уѣхалъ изъ Гейдельберга въ Іену, гдѣ и получилъ степень доктора геологій за работу, давшую ему солидную извѣстность; осенью 1870 г. Ковалевская съ своей подругой уѣхала въ Берлинъ; Анна же была уже давно въ Парижѣ, гдѣ занималась политикой. Ея подруга осталась вѣрной Гейдельбергу и, окончивъ тамъ курсъ, получила степень доктора правъ.

Въ Берлинъ тянула Ковалевскую молва о первомъ математикѣ въ западной Европѣ—Вейерштрассѣ, многочисленные ученики котораго разносили славу его по всему свѣту. Не смотря на всѣ старанія, ей не удалось проникнуть въ университетъ, хотя за допущеніе ея стояли такія свѣтила науки, какъ Вейерштрассъ, Дюбуа-Реймонъ, Вирховъ и Гельмгольцъ. Пришлось просить Вейерштрасса заниматься съ ней частнымъ образомъ, но она хорошо знала, что безкорыстный и сильно занятый Вейерштрассъ ни за какія деньги не

согласится ей давать частные уроки. Ковалевская имѣла понятіе о Вейерштрассѣ по рассказамъ его учениковъ; его можно было взять только талантомъ и любовью къ наукѣ. Она сознавала, что нѣтъ у нея недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, но все же ее волновала мысль предстать предъ этимъ великимъ математикомъ.

Вейерштрассъ не только по своему математическому генію, но и по возвышенному характеру занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между замѣчательными людьми нашего вѣка. Онъ прошелъ тяжелую школу нужды и долгое время былъ учителемъ въ гимназіи. Въ молодости своей онъ, вопреки нѣмецкому обычаю, влюбился въ дѣвушку, стоявшую несравненно выше его по своему общественному положенію, и потому остался на всю жизнь не женатымъ. Въ молодости же Вейерштрассъ писалъ стихи. Вообще умъ его отличается большой разносторонностью. Онъ столько же глубокой философъ, сколько математикъ; голова его заключаетъ въ себѣ безчисленное множество идей, которыя разрабатываются цѣлой арміей его учениковъ. Онъ всего менѣе заботился о деньгахъ и славѣ, но вторая явилась сама собой. Матеріальныя же средства его долгое время были ограниченны, чѣмъ у многихъ другихъ заурядныхъ профессоровъ, между тѣмъ онъ и ими всегда дѣлился со своими сестрами, живущими вмѣстѣ съ нимъ.

Ковалевская въ первый разъ явилась къ Вейерштрассу въ сумерки; онъ принялъ посѣтительницу, не взглянувъ на нее хорошенько и, желая подвергнуть ее необходимому испытанію, предложилъ взять съ собою нѣсколько трудныхъ задачъ. Когда черезъ недѣлю она принесла ему рѣшенія данныхъ задачъ, онъ поднялъ на нее свои удивленные глаза и увидѣлъ ея милое, умное лицо, имѣвшее нѣкоторое сходство съ предметомъ его любви. Онъ съ радостью заявилъ готовность съ нею заниматься. Вейерштрассъ не читалъ ей лекцій, а прямо руководилъ ея работами по математикѣ; она завоевала его сердце, и онъ сдѣлался навсегда ея другомъ. Разъ въ недѣлю онъ приходилъ къ ней, а по воскресеньямъ она бывала у него.

Жизнь Ковалевской и ея подруги въ Берлинѣ была еще болѣе однообразной и уединенной, чѣмъ въ Гейдельбергѣ. Первая цѣлыя дни проводила за письменнымъ столомъ, а вторая съ утра до вечера занималась въ лабораторіи. Ковалевская все время была въ какомъ-то подавленномъ и грустномъ расположеніи духа, она не выходила изъ дома и забыла о существованіи театра, къ которому всегда имѣла влеченіе. На Рождество добродушный Вейерштрассъ

устраивалъ елку, на которой обѣ подруги непременно должны были присутствовать. Ковалевская чувствовала себя младшей сестрой въ домѣ своего учителя, гдѣ носили ее на рукахъ, но дружба съ Вейерштрассомъ не могла наполнить всей ея души; онъ такъ много былъ ея старше; къ тому же, какъ пѣмецъ, онъ не понималъ многихъ особенностей нашей русской жизни. Напримѣръ, онъ никакъ не могъ понять отношеній Ковалевской къ мужу, и она не пыталась даже объяснять ему ихъ; не надо быть геніальнымъ, но необходимо быть русскимъ, чтобы понять все это. Она отдавалась самой усиленной умственной работѣ, на какую только была способна, очень мало спала по ночамъ, и сонъ ея всегда былъ неспокоенъ. Она отличалась черезчуръ первнымъ темпераментомъ и большою стремительностью. Ея подруга, занимавшаяся химіей, вполне понимала эту сложную, тонкую природу и скоро привязалась къ ней такъ, что жизнь безъ Ковалевской стала казаться ей не интересной и скучной.

Благодаря непрактичности обѣихъ подругъ, имъ очень плохо жилось въ Берлинѣ; онѣ всегда жили на дурной квартирѣ, питались дурной пищей, дышали дурнымъ воздухомъ и не пользовались никакими развлечениями. Все это, вмѣстѣ съ утомительной работой, подточило здоровье Ковалевской. Она похудѣла до того, что лицо ея изъ круглаго сдѣлалось овальнымъ, и глаза смотрѣли грустно и утомленно. Ко всему этому присоединялись нравственные страданія; неестественность отношеній ея къ мужу сказывалась все яснѣе, недоразумѣніе слѣдовало за недоразумѣніемъ. Они подружились тотчасъ же послѣ свадьбы, и онъ очень нѣжно о ней заботился, когда бывалъ съ нею. Вѣроятно, если бы онъ былъ и по имени постороннимъ ей лицомъ, то она была бы ему за все это благодарна. Но человѣкъ никогда не можетъ отрѣшиться отъ власти, которую имѣютъ надъ нимъ слова. Слова: «мужъ» и «жена» путали и сбивали съ толку ихъ обонхъ. Ковалевская не чувствовала къ мужу никакой страсти и въ то же время приходила въ ужасъ, что онъ можетъ полюбить другую женщину. Теперь онъ ей все же принадлежалъ. Она боялась круглага одиночества; жизнь ея сложилась такъ, что она совершенно лишена была въ то время мужского общества, и другого, болѣе подходящаго человѣка у нея въ виду не было. Слѣдствіемъ всего этого было то, что ихъ постоянно тянуло другъ къ другу: она была счастлива въ первыя минуты свиданія; затѣмъ оба начинали чувствовать, что это все не то, и разъѣзжались съ горькимъ чувствомъ въ разныя стороны, каждый

предаваясь со страстью своему дѣлу. Изъ года въ годъ повторялась та же исторія. И это уносило не мало силъ у нихъ обоихъ. У Ковалевской, сверхъ того, были и другія печали. Она только-что кончила одну математическую работу, но, какъ часто бываетъ, встрѣтилась въ рѣшеніи вопроса съ другимъ математикомъ, извѣстнымъ профессоромъ Шварцемъ, который уже напечаталъ свою работу въ то время, когда Ковалевская только приготовила свою къ печати. Она очень уважала математика Клебша, профессора и ректора Геттингенскаго университета, и ей хотѣлось получить изъ его рукъ докторскій дипломъ; къ несчастью, онъ умеръ какъ разъ въ то время, когда она собиралась послать ему свое сочиненіе объ Абелевскихъ функціяхъ. Это ее такъ огорчило, что она на нѣкоторое время отложила представленіе работы въ Геттингенскій университетъ.

Занятія Ковалевской нарушались поѣздками въ Парижъ къ сестрѣ, и тамъ ей приходилось поневолѣ раздѣлять бурную судьбу своей сестры, переживать много разнаго рода тревоженій и даже подвергать опасности свою жизнь.

Анна Корвинъ-Круковская, не имѣя никакой склонности къ занятіямъ наукой, какъ мы сказали, скоро оставила Гейдельбергъ и потихоньку отъ родителей уѣхала въ Парижъ. Письма ея къ своимъ пересылала сестра, которая вообще была всегда за-одно съ своей Анютой. Въ Парижѣ Анна занялась политикой, влюбилась въ француза, сдѣлавшагося однимъ изъ видныхъ членовъ коммуны. Она раздѣляла и увлеченія, и судьбу своего возлюбленнаго, который былъ приговоренъ къ смертной казни. Ковалевская съ мужемъ провели съ сестрой дни осады Парижа!.. Потомъ она взяла на себя открыть родителямъ обманъ сестры, объяснить ея положеніе, выпросить у нихъ прощеніе, умолить ихъ употребить всѣ усилія спасти жениха ихъ дочери.

Отецъ и мать не только простили, но сами отправились въ Парижъ и выручили изъ бѣды дочь и будущаго зятя, Жакляра. Послѣ свадьбы молодые поселились въ Цюрихѣ; имъ нельзя было ни жить во Франціи, ни ѣхать въ Россію, куда такъ тянуло уставшую отъ всего пережитаго г-жу Жакляръ, когда-то такъ скупавшую покоемъ, тишиной, привольемъ деревенской жизни!

Устроивъ дѣла своей сестры, Ковалевская засѣла за свой письменный столъ. Она отдыхала только во время каникулъ, которыя проводила то въ деревнѣ у отца съ матерью, то съ сестрой, въ Швейцаріи, то въ путешествіяхъ съ мужемъ.

Въ деревнѣ она занималась математикой съ братомъ, который обнаруживалъ большія способности къ этой наукѣ, а въ домѣ сестры предавалась чтенію произведеній русской и иностранной беллетристики и бесѣдовала о нихъ съ сестрою съ большимъ наслажденіемъ. Она всегда принимала живѣйшее участіе во всѣхъ событіяхъ жизни своей сестры. Когда у Жакляръ родился сынъ Юрій, то она пріѣхала въ Цюрихъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью и съ большимъ увлеченіемъ связала одѣяльце своему племяннику. Матеріальное положеніе обѣихъ сестеръ было не блестяще. Превосходныя изданія Ковалевскаго приносили очень мало дохода, а Жакляръ лишентъ былъ въ то время возможности зарабатывать деньги: онъ готовился къ экзамену на доктора медицины; родители давали всѣмъ своимъ дѣтямъ по ровну, по тысячѣ рублей въ годъ. Ковалевская въ это время своей жизни держалась въ сторонѣ отъ большого свѣта и говорила, что не желаетъ знакомиться съ ученымъ міромъ до тѣхъ поръ, пока не напечатаетъ докторской диссертациі и не займетъ въ ученomъ мѣстѣ своего мѣста. Разумѣется, ей приходилось измѣнять иногда этому рѣшенію; нашу соотечественницу и тогда настолько интересовались, что ей не всегда удавалось избѣгать знакомства съ учеными. Такъ напримѣръ, когда она гостила у сестры въ Цюрихѣ, ей пришлось завязать знакомство съ однимъ цюрихскимъ профессоромъ, любимымъ ученикомъ Вейерштрасса, который очень настойчиво желалъ ее видѣть и самъ ее настолько очаровалъ, что ей пришла въ голову мысль принять его предложеніе—остаться въ Цюрихѣ и заняться вмѣстѣ съ нимъ рѣшеніемъ одного вопроса изъ области математики. Но эта мысль тотчасъ была отброшена; она знала, что, оставшись на зиму въ Цюрихѣ, глубоко огорчитъ своего стараго учителя и друга—профессора Вейерштрасса. Онъ въ ея отсутствіе былъ сдѣланъ ректоромъ Берлинскаго университета и тотчасъ написалъ ей, что, не смотря на новыя обязанности, сопряженныя съ большой тратой времени, онъ рассчитываетъ продолжать свои занятія съ нею.

Пришлось собираться въ Берлинъ; на томъ же настаивала сестра; надо было кончить начатыя работы, а не приниматься за новыя.

Черезъ годъ она представила въ Геттингенскій университетъ три работы, изъ которыхъ каждая заслуживала степени доктора, — о кольцѣ Сатурна, объ Абелевскихъ функціяхъ и о дифференціальныхъ уравненіяхъ съ частными производными; послѣдняя тотчасъ была напечатана въ извѣстномъ математическомъ журналѣ Крелля, а

первыя двѣ появились въ печати несравненно позднѣе. Здѣсь мы наталкиваемся на интересный вопросъ: почему же двѣ первыя работы не были напечатаны такъ долго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ особенностяхъ нравственной природы Ковалевской. Она всегда стремилась къ чему-нибудь трудному, съ глубокой страстью любила все сокровенное, недоступное, постоянно ставила себѣ сложныя задачи въ наукѣ и въ жизни, но пользоваться и наслаждаться плодами своего труда было не въ ея характерѣ. Въ этомъ проглядывала прежде всего черта, свойственная всѣмъ русскимъ: не цѣнить своего труда; можно съ достовѣрностью сказать, что менѣе важная работа не залежалась-бы ни у одного нѣмца. Но Ковалевская такъ настойчиво стремилась къ достиженію цѣли и, достигнувъ ея, настолько уставала, что не могла радоваться, но погружалась въ меланхолію и чувствовала недовольство собою. Это особенно сказалось послѣ полученія степени доктора; нуждаясь въ глубокомъ и продолжительномъ отдыхѣ, она отправилась въ Палибино, гдѣ на лѣто собралась вся семья.

ГЛАВА V.

Опять на родинѣ.—Въ Палибинѣ и въ Петербургѣ.—Совмѣстная жизнь Ковалевскихъ.—Что привело ихъ къ коммерческимъ предпріятіямъ.—Рожденіе дочери Софьи.—Участіе въ дѣлахъ высшихъ женскихъ курсовъ.—Разореніе Ковалевскихъ.—Различное отношеніе обоихъ супруговъ къ ударамъ судьбы.—Начало несогласій между ними.—Рефератъ Ковалевской на съѣздѣ естествоиспытателей въ 1880 г.—Ковалевская снова отдается математикѣ.

Лѣтомъ 1874 года всѣ прежніе обитатели и обитательницы Палибина собрались наконецъ опять вмѣстѣ. И Жакляръ, и Ковалевскихъ радостно встрѣтили отца, мать, брата, теперь совсѣмъ взрослый молодой человекъ, ихъ прежній учитель Малевичъ и всѣ домочадцы. Малевичу Корвинъ-Круковский предложилъ жить въ Палибинѣ на покое въ благодарность за воспитаніе дѣтей.

Обѣ сестры первое время чувствовали себя прекрасно въ родномъ гнѣздѣ. Маленькій Юрикъ Жакляръ, только-что выучившійся ходить, переходилъ съ рукъ на руки; прислуга радовалась, что барченокъ бѣленькій—весь въ мать, а не смуглый, въ отца. Дѣдушка съ бабушкой разумѣется наглядѣться не могли на перваго внука, особенно бабушка, находившая въ маленькомъ Юрикѣ сходство съ своимъ отцомъ.

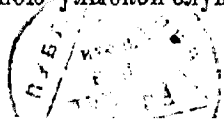
Г-жа Жакляръ смотрѣла на себя въ знакомыя ей зеркала и просто себя не узнавала. Въ послѣднее время въ Парижѣ и въ Швейцаріи ей некогда было обращать на себя вниманіе, и она считала себя все такой же тонкой, бѣлокурой, съ прозрачной кожей, какою была въ Палибинѣ. Теперь только она замѣтила, что измѣнилась не къ лучшему, потолстѣла и погрубѣла. Меньшая сестра тоже сознавала, что она измѣнилась, но не могла не чувствовать, что къ лучшему. И не мудрено, вѣдь она была на семь лѣтъ моложе своей сестры.

Восемь лѣтъ тому назадъ она представляла изъ себя только бутонъ. Годы серьезныхъ занятій и лишеній задержали разцвѣтъ ея красоты, за то теперь въ нѣсколько недѣль она совершенно измѣнилась при благоприятныхъ условіяхъ; она замѣчала, что поправлялась, полнѣла, но ей далеко было до толщины; цвѣтъ лица ея улучшался съ каждымъ днемъ. Всѣ замѣчали это и говорили, что Софѣ здоровъ палибинскій воздухъ. Она соглашалась, но лицо ея принимало грустное выраженіе, когда кто-нибудь напоминалъ ей о ея красотѣ. Однако здѣсь она все-таки больше занималась собой, чѣмъ въ Берлинѣ и шила себѣ нѣсколько нарядныхъ платьевъ. Ковалевскій только заѣзжалъ въ Палибино не надолго, потому что, увы, отношенія ихъ все какъ-то оставались невыясненными. Жакляръ тоже былъ въ Петербургѣ и пріѣхалъ въ началѣ сентября; жена сильно тяготилась его отсутствіемъ и поѣхала чуть не за сто верстъ къ нему на встрѣчу.

На другой день по пріѣздѣ Жакляра, жена взяла его подъ руку и вела по дому и саду, съ восторгомъ показывая свои любимыя мѣста или связанные для нея съ какимъ-нибудь воспоминаніемъ. Онъ какъ-то разсѣянно, снисходительно ее слушалъ и смотрѣлъ какъ-то устало, пренебрежительно. Съ такимъ же лицомъ онъ принималъ любезности своей тещи и возмущалъ всѣхъ, но всѣ обращались съ нимъ какъ-то осторожно, какъ съ больнымъ мѣстомъ такъ много выстрадавшей Анюты. Для того чтобы пріѣхать въ Россію, Жакляру пришлось натурализоваться въ Швейцаріи и нѣсколько измѣнить свою фамилію; онъ присоединилъ къ своему имени Корвинъ. Ковалевская обходилась въ то время съ зятемъ, какъ и всѣ другіе члены семьи, онъ же былъ къ ней гораздо благосклоннѣе, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ. Въ глубинѣ души она конечно была глубоко возмущена тѣмъ, что онъ только позволяетъ себя любить Анютѣ, а не высказываетъ къ ней никакого энтузіазма. Но блестящая Анюта, когда-то болящаяся, что Достоевскій заста-

вить ее жить его собственными интересами, теперь жила исключительно жизнью своего мужа; это сдѣлалось какъ-то вполне естественно. Сперва ей приходилось дрожать за его жизнь, потомъ думать о томъ, какъ устроить его и вмѣстѣ свою судьбу. Такъ какъ у нея не было никакой опредѣленной дѣятельности, то вся будущность ея ребенка находилась въ рукахъ мужа. Онъ былъ человѣкъ энергичный, работалъ усердно, но все какъ-то не могъ ни на чемъ долго остановиться. Въ Швейцаріи онъ получилъ степень доктора медицины а, пріѣхавъ въ Россію, задумалъ сдѣлаться учителемъ французскаго языка. Опять приходилось пробовать ему себѣ совершенно новую дорогу, а ей за него волноваться... Корвинъ-Круковскимъ все это конечно было не по вкусу, однако они примирились съ участью своихъ дочерей, хотя и заботились о нихъ. Всѣ надежды ихъ теперь были устремлены на сына, которому минуло девятнадцать лѣтъ. Это былъ красивый юноша, до того напоминавшій младшую сестру, что его называли Софой въ мужскомъ платьѣ; онъ прекрасно учился, не обнаруживалъ никакихъ стремленій къ необыкновенному и не причинялъ родителямъ никакихъ вообще огорченій. Онъ любилъ деревню не той поэтической любовью, которую питали къ ней сестры, но вникалъ во всѣ мелочи хозяйства, считая все безраздѣльно своимъ. У Корвинъ-Круковскихъ было три имѣнія: Палибино съ принадлежащими къ нему двумя деревнями, и когда и дочери, и сынъ были дѣтьми, каждому изъ нихъ обѣщали по имѣнію. Теперь въ планахъ родителей произошли перемѣны: всѣ имѣнія должны были по смерти обоихъ родителей перейти къ сыну; сверхъ того ему принадлежала третья часть капитала. Меньше всѣхъ приходилось на долю Ковалевской, всего 30 тысячъ, такъ какъ 20 тысячъ были взяты ея мужемъ ранѣе. Итакъ, той и другой сестрѣ надо было подумать объ обезпеченіи своего будущаго. Не смотря на ласки и заботливость родителей, обѣ дочери вскорѣ почувствовали себя отрѣзанными ломтями. Госпожа Жакляръ съ грустью думала, что ея Юрику ничего не будетъ принадлежать въ Палибинѣ.

Обѣ сестры прожили нѣсколько лѣтъ кой-какъ, особенно старшая, и теперь снова очутились окруженныя удобствами, къ которымъ привыкли съ дѣтства. У старшей Круковской проснулось сильное желаніе создать себѣ уютный уголокъ и завести собственность; она то и дѣло давала совѣты Юрику: попроси у бабушки жеребенка и пусть онъ будетъ твой, попроси у бабушки телку; у тебя будетъ своя корова. Ковалевская съ грустною улыбкой слушала сестру и думала: Боже, какъ не похоже все

это на то, о чемъ онѣ мечтали въ юности! Пока Жакляръ былъ въ Петербургѣ, онѣ были ближе съ сестрой, и гуляя вмѣстѣ по палибинскому парку, молодѣли душой, тогда младшая сестра спрашивала старшую: отчего ты такъ рвалась отсюда, искала свободы? Та отвѣчала: я хотѣла жить; мнѣ нужны были сильныя ощущенія. Въ юности Анна сама создавала себѣ причины для волненій, теперь она, достаточно ихъ испытавъ — устала, къ тому же у нея былъ живой источникъ радостей и страданій: страстно любимый и довольно равнодушный къ ней мужъ. Горячая любовь ея къ нему возбуждала чувства зависти въ сестрѣ, не испытывавшей ничего подобнаго. Первая молодость Ковалевской исключительно отдана была наукѣ; утомленная этими занятіями, она искала отдыха и желала, чтобы возлѣ нея былъ человѣкъ, исключительно ей преданный. Отношенія къ Ковалевскому она называла своей кошкой. Теперь ей предстояло рѣшить вопросъ: сдѣлаться-ли ей настоящей женой его или разойтись съ нимъ совсѣмъ; дальше тянуть канитель было невозможно. Пока они оба со страстью предавались наукѣ, можно было откладывать это рѣшеніе за неизмѣнимъ времени. А теперь? Ни у того, ни у другого не было болѣе сильной привязанности; она сознавала, какъ трудно найти другого такого талантливаго, мягкаго человѣка, понимавшаго ея цѣли и стремленія. И онъ думалъ: ну, развѣ можетъ быть женщина лучше, интереснѣе Софы; она очень требовательна, но развѣ она не имѣетъ на это права? Неопредѣленность ихъ отношеній страшно его тяготила.

Ковалевская желала и не желала его пріѣзда въ Палибино, между тѣмъ ей больше чѣмъ когда-нибудь хотѣлось сильной привязанности. Она ревновала сестру къ мужу, мать къ брату и племяннику и остановилась на отцѣ; горе и старость сдѣлали его болѣе мягкимъ и терпимымъ; онъ былъ человѣкъ умный, имѣлъ понятіе о математикѣ, и Софья была его любимой дочерью. Ковалевская думала, что сердце отца безраздѣльно принадлежало ей; предпочтеніе же брату она объясняла вліяніемъ матери, у которой Федя былъ всегда любимчикомъ.

Ревнуя такимъ образомъ всѣхъ своихъ, она питала къ нимъ ко всѣмъ нѣжныя чувства, и жизнь въ Палибинѣ текла вообще мирно и весело; очень часто вся семья собиралась въ бывшей большой классной, гдѣ висѣли карты, начерченныя младшей Корвинъ-Круковской, и всѣ съ удовольствіемъ вспоминали прошедшее. Когда по временамъ пріѣзжалъ Ковалевскій, онъ принималъ участіе въ общей жизни, и даже, несмотря на всю свою неспособность къ сценѣ,

играла въ домашнихъ спектакляхъ, участвуя въ празднествахъ, устраиваемыхъ Малевичемъ въ честь своей бывшей ученицы.

Госпожа Жакляръ была превосходная актриса; сцена была ея настоящимъ призваніемъ, но теперь она, разумѣется, оставила мечты своей юности и вела оживленные разговоры съ мужемъ о томъ, какъ они поѣдутъ въ Петербургъ и устроятся на зиму. Ковалевскіе тоже занимались подобными разговорами, но здѣсь они имѣли другой характеръ; надо было еще опредѣлить взаимныя отношенія. Не договорившись ни до чего окончательнаго, Ковалевскіе рѣшили по-пробовать жить въ Петербургѣ вмѣстѣ.

Въ отдыхѣ и въ устройствѣ семейныхъ дѣлъ прошло все лѣто; на зиму Ковалевскіе отправились въ Петербургъ, гдѣ у нихъ возобновились прежнія знакомства и завязались новыя; они попали въ кругъ людей разбогатѣвшихъ, жившихъ припѣваючи; на нихъ самихъ сразу стали смотрѣть, какъ на богатыхъ людей, а между тѣмъ средства ихъ были тогда очень ограниченныя, и ждать многого въ будущемъ было нельзя. Ковалевская уже знала, что по смерти отца получить тридцать тысячъ; она до того времени никогда не думала о средствахъ, и теперь, чувствуя себя въ этомъ отношеніи совершенно безпомощной, возлагала всѣ надежды на мужа. Ковалевскій, уложившій на изданія половину состоянія жены, чувствовалъ себя обязаннымъ позаботиться о ея матеріальномъ положеніи.

Сперва онъ надѣялся получить профессуру; работа его по геологіи была настолько замѣчательна, что онъ смѣло могъ рассчитывать на это. Но съ нимъ произошло то, что нерѣдко случается съ талантливыми людьми: ему предпочли менѣе даровитыхъ, но болѣе «своихъ» людей. Онъ скоро понялъ, что кормиться наукой будетъ трудно.

Ковалевская тоже, несмотря на свои обширныя знанія по математикѣ, могла зарабатывать деньги, только сказавъ навѣкъ про-сти научной дѣятельности. Къ тому же русскіе математики встрѣтили ее недружелюбно и одно время не хотѣли ее признавать. Это обуславливалось до нѣкоторой степени антипатіей къ нѣмецкому направленію въ математикѣ. Ласковый пріемъ и оцѣнку своего таланта Ковалевская сперва нашла только въ нашемъ знаменитомъ математикѣ Пафнута Львовичѣ Чебышевѣ. Изъ другихъ профессоровъ Ковалевскіе были на дружеской ногѣ съ Свѣчновымъ и вели знакомство съ Бутлеровымъ и Менделѣевымъ, но главнымъ образомъ они, какъ мы сказали, вращались въ средѣ интеллигентныхъ людей, преданныхъ душой житейскимъ интересамъ. Кова-

левскіе на каждомъ шагѣ встрѣчали людей, легко и скоро обогатившихся, и имъ очень естественно пришла въ голову мысль употребить деньги на какое нибудь выгодное предпріятіе, чтобы потомъ, наживъ состояніе, спокойно заниматься наукой. Ковалевскій былъ страстный геологъ, и для самого себя не нуждался ни въ какомъ комфортѣ. Жена говорила о немъ: ему былъ бы стаканъ чаю да книга. Потребности ея были сложнѣе и разнообразнѣе: она любила театръ, наряды, блескъ и шумъ. Обо всемъ этомъ она совершенно забывала, когда ею овладѣвала какая-нибудь мысль, но въ тѣ минуты, когда «святая лира молчала», ей страстно хотѣлось всего этого, и мужъ ей исполнѣ сочувствовалъ; не признавая для себя никакихъ земныхъ благъ нужными, онъ считалъ ихъ необходимыми для Софы. Итакъ, они были за-одно; это ихъ сблизило. Они вмѣстѣ строили планы грандіозныхъ предпріятій, но у нихъ не было денегъ; приходилось пока Ковалевскому искать мѣста и жить кое-какъ. Къ несчастью, старикъ Круковскій скончался, и Ковалевская получила свои деньги. Смерть отца поразила дочь и какъ-то еще болѣе отдалила ее отъ матери, которая пріѣхала жить въ Петербургъ и поселилась съ Жакляръ и съ сыномъ. Круковскіе наняли большую квартиру на Васильев. островѣ и жили въ полномъ раздолбѣ, часто устраивая музыкальные вечера. Корвинъ-Круковская, внимательная ко всѣмъ и привѣтливая, пользовалась общей любовью. Она сохранила свой веселый и ровный характеръ и къ тому же все еще была превосходная музыкантша. Ковалевская посѣщала довольно аккуратно вечера своей матери, на которыхъ большую роль игралъ Жакляръ; онъ, какъ французъ, очень нравился русскимъ. Ковалевскій, наоборотъ, почти не присутствовалъ на этихъ собраніяхъ. Чувствуя себя все болѣе чуждой въ своей семьѣ, Ковалевская все сильнѣе привязывалась къ мужу. Семья не одобряла предпріятій; она же видѣла въ нихъ единственное спасеніе. Никто изъ родныхъ не могъ войти въ ея положеніе; всѣ были богаче ея въ данный моментъ. Жакляръ обладала капиталомъ въ пятьдесятъ тысячъ, сверхъ того онъ зарабатывалъ порядочно уроками французскаго языка; мать и брата Ковалевскіе считали богачами сравнительно съ собою. Сверхъ того, тѣ жили всѣ вмѣстѣ, имъ было хорошо, какое имъ дѣло до нея. Конечно, у нея нѣтъ никого, никого кромѣ мужа, и только его слѣдуетъ ей любить. Подъ вліяніемъ одиночества и такихъ мыслей, въ ней являлась большая нѣжность къ мужу, которую можно было принять за любовь. У Ковалевской не было недостатка въ поклонникахъ, но одни считали ее существомъ слишкомъ возвышеннымъ, не отъ міра

сего; другіе—просто интересной, хорошенькой женщиной. И то, и другое ее не удовлетворяло, а главное она чувствовала, что самый преданный ей человекъ все-таки Ковалевскій. Въ этихъ думахъ о жизни и среди петербургской сутолоки время летѣло незамѣтно. Ковалевская успѣла пополнѣть, похорошѣть, отдохнуть, но не успѣла приняться за математику.

Вейерштрассъ писалъ ей письма, посылалъ новыя работы по математикѣ, которыя могли интересовать ее; на письма она не отвѣчала, а работы лежали не прочитанными. И мужъ, и мать, и сестра говорили ей: напиши Вейерштрассу; она отвѣчала: «напишу, когда устроюсь и опять начну заниматься математикой». Она признавалась, какъ ей самой становилось страшно думать, что прошелъ цѣлый годъ бесплодно для науки; въ ея портфель лежали двѣ совершенно готовыя работы, а она медлила ихъ печатать, разсчитывая присоединить къ нимъ новыя изслѣдованія или просто откладывая всѣ заботы о математикѣ въ дальній ящикъ. Сначала предпріятія Ковалевскихъ пошли какъ нельзя болѣе удачно; они строили дома. Ковалевскій, разставшись съ своими любимыми занятіями, съ лихорадочнымъ жаромъ принялся за новую дѣятельность. Онъ вставалъ рано, ѣлъ очень неправильно, какъ-то перехватывая все налету, не читалъ ничего, кромѣ газетъ, рѣшительно пренебрегалъ своимъ костюмомъ и вообще имѣлъ видъ человекъ, котораго тянуть во всѣ стороны. Его предпріятія были такъ несоразмѣрно велики въ сравненіи съ его капиталомъ, что приходилось всячески изворачиваться, занять у одного, чтобы отдать другому. Въ потертомъ сюртукѣ, въ измятой шляпѣ лазилъ онъ по лѣстницамъ и велъ непріятные разговоры съ кредиторами и съ подрядчиками. Въ рѣдкія свободныя минуты они мечтали съ женой о томъ колоссальномъ богатствѣ, которое создадутъ своими собственными руками. Деньги—сила, а силу можно употребить на процвѣтаніе науки, на благо человечеству и т. д. И во всемъ этомъ была большая доля искренности. Имѣя деньги въ рукахъ, Ковалевскіе охотно помогали нуждающимся. Многіе были увѣрены, что они страшно богаты. Онъ же, часто отдавая деньги, приготовленные для уплаты процентовъ, ставилъ себя въ затруднительное положеніе и теръ себѣ лобъ, придумывая, какъ бы вывернуться. Часто деньги, занятые на дѣло, шли также на наряды женѣ; у него была страсть видѣть Софу хорошо одѣтой, и онъ систематически развивалъ въ ней вкусъ къ нарядамъ, разжигалъ ея тщеславіе; онъ настаивалъ, чтобы она выѣзжала и вообще заняла бы въ обществѣ мѣсто звѣзды первой величины. Оторванная отъ

науки, она то грустила и жаловалась на сѣрую жизнь, то искала удовлетворенія въ тщеславіи. «У меня въ каждой улицѣ будетъ по дому—говорила она, серьезно шутя—вѣдь вотъ Чебышевъ великій математикъ, а нажилъ себѣ состояніе; у него въ каждой губерніи по имѣнію; одно не мѣшаетъ другому». Очевидно, мужъ раздувалъ эти искры, и онѣ обращались въ пожаръ.

Вообще, Ковалевскій съ восторгомъ развивалъ въ женѣ своей всѣ слабости, которымъ былъ совершенно чуждъ самъ. Она любила сласти, и онъ готовъ былъ засыпать ее конфѣтами и съ умиленіемъ смотрѣлъ, какъ она ѣла ихъ одну за другой, забывая даже предложить ихъ кому-нибудь изъ присутствующихъ. Онъ также очень хлопоталъ объ удобствѣ и украшеніи своей квартиры, а самъ проводилъ весь день на дворѣ. Одно время Ковалевскіе жили въ отдѣльномъ домѣ съ садомъ; въ квартирѣ ихъ было множество растений и птицъ; у нихъ была своя корова и парники въ саду, гдѣ росли не только огурцы, но даже дыни и арбузы; въ квартирѣ то и дѣло появлялись новыя вещи; между тѣмъ никто не могъ сказать: вотъ люди, живущіе съ комфортомъ, потому что все это вмѣстѣ производило впечатлѣніе, какъ будто здѣсь только все собираются хорошо жить, и это славное житіе еще впереди. Одни хорошіе знакомые въ шутку говорили Ковалевскимъ: что вы тамъ себѣ ни заводите, не будетъ у васъ уютнаго уголка, потому что сами-то вы—цыгане. У многихъ, знавшихъ въ то время Ковалевскихъ, являлась мысль, что Ковалевскій развиваетъ въ женѣ разныя потребности и удовлетворяетъ имъ съ энтузіазмомъ для того, чтобы тѣмъ привязать ее къ себѣ. Но врядъ-ли онъ дѣлалъ это сознательно. Во всякомъ случаѣ онъ достигалъ цѣли; она не могла себѣ представить, какъ это прежде была въ состояніи обходиться безъ мужа. Съ ужасомъ вспоминала она жизнь въ Берлинѣ въ меблированныхъ комнатахъ, когда принуждена была считать каждую копѣйку. Теперь все было къ ея услугамъ: театры, комфортъ, разнообразное общество. Первыми она увлекалась до того, что писала даже рецензіи въ только-что возникавшемъ тогда «Новомъ Времени». Для той же газеты было написано ею нѣсколько блестящихъ научныхъ фельетоновъ.

Въ 1878 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ жизни Ковалевскихъ совершилось событіе: у нихъ родилась первая и единственная дочь Софья. Приготовленія къ этому дню были чрезвычайныя; чуть-ли не за полгода нанята была няня, которую заранѣе наблюдали и изучали; одежда, комната для ребенка—все было заготовлено и устроено согласно новѣйшимъ выводамъ науки; крестнымъ отцемъ

дѣвочки былъ Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ, а крестной матерью— Юлія Всеволодовна Лермонтова—докторъ химіи. Не смотря на молодость Ковалевской, роды были очень тяжелыя, и она совершенно отъ нихъ оправилась только къ веснѣ. Въ эту же зиму скончалась отъ болѣзни сердца Е. Ѳ. Круковская. Кончина матери произвела на Ковалевскую менѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ кончина отца; къ матери вообще она была менѣе привязана, а въ данный моментъ была совершенно поглощена новымъ чувствомъ любви къ ребенку.

Отношенія съ матерью были въ послѣднее время натянуты, потому что мать предвидѣла раззореніе Ковалевскихъ и, въ сокрушеніи сердечномъ, заявляла имъ объ этомъ, хотя всегда въ очень мягкой, деликатной формѣ. Круковская умерла съ мрачными мыслями о судьбѣ своей младшей дочери и внучки, которую ей пришлось видѣть только въ первые дни рожденія, и она съ удовольствіемъ замѣтила, что малютка— «вылитая Софа».

Съ появленіемъ на свѣтъ маленькой Ковалевской, домъ ихъ сдѣлался еще неугомоннѣе, и безпорядокъ увеличился оттого, что мать была убѣждена въ необходимости каждаго уголка въ домѣ для малютки. Дѣвочку нельзя было купать въ той комнатѣ, гдѣ она спала, а гулять она должна была также въ особенной комнатѣ, и домъ, состоящій изъ большихъ восьми комнатъ, Ковалевская считала тѣснымъ для своей малютки; вездѣ были разбросаны дѣтскія вещи, и когда къ Ковалевскому приходилъ кто-нибудь по дѣлу, онъ затруднялся, гдѣ принять. Ковалевская была глубоко недовольна всѣми лицами, имѣвшими какое-нибудь отношеніе къ ребенку; все дѣлалось недостаточно аккуратно, точно и добросовѣстно. Няня и кормилица ходили вѣчно съ надутыми лицами. Ковалевскаго очень смущали эти перемѣны въ характерѣ жены; мягкій и деликатный, онъ ласково останавливалъ жену и вступался то за то, то за другое провинившееся лицо; она очень искренно и мило сознавалась въ своихъ увлеченіяхъ, признавала замѣчанія мужа справедливыми, но стоило нянѣ поцѣловать ребенка, она теряла терпѣніе и не могла примириться съ тѣмъ, что ея дорогую дѣвочку, эту «мамину радость» цѣлуетъ противная женщина, у которой можетъ быть чахотка, и т. д. Любовь ея къ дочери доходила до того, что она съ радостью говорила: слава Богу, я не со- всѣмъ истощила свои силы въ занятіяхъ математикой; теперь, по крайней мѣрѣ, моя дѣвочка наследуетъ свѣжія умственные способности. Хорошенькая дѣвочка, съ темными тонкими бровями ма-

тери и голубыми кроткими глазами отца, невинно смотрѣла на всю кутерьму, которую она невольно производила въ домѣ.

Въ первые мѣсяцы существованія маленькой Софы дѣла Ковалевскихъ шли такъ блестяще, что всеъ называли дѣвочку будущей миліонеркой, но вскорѣ счастье повернулось къ нимъ спиною; Ковалевскій, утомленный многолѣтнею безсодержательной дѣятельностью, опустил руки, и дѣла пошли хуже.

Въ 1878 году открылись высшіе женскіе курсы, въ учрежденіи которыхъ Ковалевская вмѣстѣ съ другими, получившими высшее образованіе за границею, принимала горячее участіе. На первомъ же собраніи она была выбрана въ число членовъ комитета. Къ общему удивленію, ее однако не пригласили читать лекціи на курсахъ, въ которыхъ тогда видѣли начало женскаго университета. Еще за годъ до того она заявляла желаніе читать на курсахъ безплатно. Ее несправедливо обошли въ этомъ отношеніи; она была огорчена и съ грустью говорила, что если-бы ей предложили занятія на курсахъ, то это тотчасъ вывело бы ее изъ круга житейскихъ интересовъ, которыми она начинала тяготиться. «Стоитъ только коснуться мнѣ математики» — говорила она — «я опять забуду все на свѣтѣ». Обязанности членовъ комитета курсовъ были чисто хозяйственныя. Не смотря на то, Ковалевская отдалась имъ съ своимъ обычнымъ жаромъ. Ковалевскій, съ своей стороны, тотчасъ пожертвовалъ библіотекѣ курсовъ по нѣскольку экземпляровъ всѣхъ своихъ изданій. И мужъ, и жена, не смотря на сложныя и затруднительныя собственныя дѣла, часто вели длинные разговоры о дѣлахъ курсовъ, даже собирались строить для нихъ домъ на Васильевскомъ островѣ. По мнѣнію Ковалевскаго, этой мѣстности Петербурга надлежало сдѣлаться «Quartier des écoles». Замѣчательно, что желаніе Ковалевскихъ отчасти сбылось: курсы имѣютъ собственный домъ на Васильевскомъ островѣ.

1879 годъ былъ особенно несчастливъ для Ковалевскихъ; они окончательно разорились. Ковалевская хорошо знала ихъ общія дѣла и ясно видѣла неминуемую гибель. Но ему такъ тяжело было въ этомъ сознаться, что онъ закрывалъ глаза и старался представить ей положеніе дѣлъ въ лучшемъ видѣ. Это ее раздражало, и между супругами стали возникать несогласія. «Какъ можно закрывать глаза передъ истиной — говорила жена; на дняхъ мы потеряемъ все, но можетъ быть это все къ лучшему. Мы оба примемся за свое дѣло. За эти долгіе годы бездѣйствія она отдохнула, поправилась

здоровьемъ, нѣсколько возмужала; теперь она чувствовала себя какъ нельзя болѣе способной приняться за прежній трудъ. Неудачи не угнетали ее, а возбуждали; она совершенно воспрянула духомъ. Ковалевскій же, напротивъ, пришелъ въ то нервное состояніе, которое привело его къ душевной болѣзни, имѣвшей исходомъ своимъ насильственную смерть. Жена его сначала принимала такой упадокъ духа за слабость характера и дѣлала ему упреки. Сама же она, какъ говорятъ, не дремала и, теряя внѣшнія блага, вспомнила о внутреннихъ. Въ началѣ 1880 года былъ съѣздъ естествоиспытателей, на которомъ она присутствовала по настоянію Чебышева, всегда принимавшаго горячее участіе въ ея судьбѣ; по его же настоянію, она рѣшилась прочитать на съѣздѣ одну изъ своихъ залежавшихся работъ. Долго пришлось ей искать заветнаго ящика, гдѣ хранились ея математическія рукописи и книги. Нужно сказать правду, что прежде чѣмъ добраться до нихъ, много надо было снять пыли. На чердакѣ онѣ успѣли отсырѣть, но мысли, въ нихъ заключавшіяся, отличались новизной и свѣжестью и никѣмъ еще не были высказаны. Съ чувствомъ радости и гордости Ковалевская въ одну ночь перевела свою статью объ Абелевскихъ функціяхъ на русскій языкъ. Во время этой работы, въ ночной тиши, передъ нею вставалъ дорогой образъ ея учителя—Вейерштрасса, и въ ней оживалъ интересъ къ наукѣ, а утромъ она прочла рефератъ на съѣздѣ, произвела общее впечатлѣніе, заслужила одобреніе Чебышева и снова примкнула къ ряду научныхъ дѣятелей. Черезъ нѣсколько недѣль она равнодушно смотрѣла на то, какъ продавалось съ публичнаго торговаго послѣднее имущество, и говорила, что скоро со всѣмъ забудеть, что была когда-то счастливой обладательницей каменныхъ домовъ.

Потерявъ все, Ковалевскіе съ ребенкомъ отправились искать счастья въ Москву. Ковалевскій не могъ поднять глазъ на жену и ребенка; онъ думалъ доставить имъ всѣ земныя блага, а оставилъ въ концѣ концовъ безъ всего. Она же смѣло смотрѣла впередъ, въ сердцѣ ея начиналась борьба... Вдохновеніе такъ-же свойственно ученымъ, какъ и поэтамъ; теперь, когда *божественный глаголь коснулся ея слуха*, она испытывала то состояніе, которое Пушкинъ такъ превосходно описалъ въ своемъ стихотвореніи: «Поэтъ». Ее неудержимо тянуло къ наукѣ, а привязанность, привычка къ мужу и новое живое чувство къ своему ребенку связывали ей руки. Она ничему не умѣла отдаваться на половину. Впослѣдствіи она всегда съ сожалѣніемъ вспоминала объ этихъ годахъ

петербургской жизни и говорила: «моя дочь—это единственное хорошее, что принесли мнѣ эти годы».

Говоря о разореніи Ковалевскихъ, учитель ея Малевичъ справедливо замѣчаетъ: «Но у нея осталось богатство прочное, ни кѣмъ и ничѣмъ неотъемлемое, о которомъ она лишь временно забыла, но обладая которымъ, могла примѣнить къ себѣ слова жившаго въ древнія времена философа Симонида: *omnia tua tecum porto*, дословно: «все свое съ собою ношу».

Всѣ, знавшіе Ковалевскую, искренно радовались, что она снова взялась за математику, и сестра ея съ восторгомъ говорила: «Софа сдѣлалась совѣмъ прежнею».

Послѣдующіе труды Ковалевской несомнѣнно доказали, что шестилѣтній перерывъ въ занятіяхъ математикой ни въ какомъ отношеніи ей не повредилъ. То же явленіе встрѣчаемъ мы въ жизни многихъ ученыхъ: гениальный математикъ Лагранжъ, сильно уставъ отъ занятій математикой, также одно время занимался химіей.

ГЛАВА VI.

Въ Москвѣ.—Различіе въ настроеніи мужа и жены.—Стремленія обоихъ къ изобрѣтеніямъ и жизнь въ чужомъ домѣ.—Полученіе Ковалевскимъ мѣста въ компаніи для развитія нефтяного дѣла.—Измѣненія въ характерѣ Ковалевскаго, первые признаки душевной болѣзни.—Недоразумѣніе между Ковалевскими.—Первая надежда Ковалевской получить профессуру.—Отъѣздъ за-границу.—Возобновленіе чисто научныхъ занятій.—Смерть мужа и лишеніе средствъ къ существованію.—Первый пріѣздъ Ковалевской въ Стокгольмъ.

Въ Москвѣ Ковалевская съ мужемъ поселилась въ семействѣ той подруги, съ которой она была неразлучна въ Гейдельбергѣ и въ Берлинѣ. Положеніе ихъ тогда было самое незавидное. Событія ихъ жизни совершались въ то время съ такой быстротой, что имъ пришлось, такъ сказать, нагрянуть въ домъ подруги, даже не предупредивъ ея заранѣе. Подруга эта жила въ своемъ домѣ, но въ небольшой квартирѣ, вмѣстѣ съ своей сестрой, съ которой Ковалевскіе были мало знакомы, между тѣмъ эта сестра завѣдывала хозяйствомъ, и именно ей-то они доставили такъ много хлопотъ. На Ковалевскаго все это дѣйствовало удручающимъ образомъ; онъ былъ тише воды, ниже травы. Ковалевская, какъ мы говорили, была напротивъ

сильно возбуждена и искала исхода. Чисто теоретическія занятія, которымъ она съ такою страстью отдавалась прежде, не привлекали ее въ это безпокойное время ея жизни; между тѣмъ она чувствовала, что все ея спасеніе въ умственномъ трудѣ. Въ послѣдній годъ Ковалевскіе познакомились въ Петербургѣ съ однимъ талантливымъ молодымъ человѣкомъ, который съ большимъ жаромъ занимался вопросомъ объ электрическомъ освѣщеніи. И мужъ, и жена восторгались его идеями и, не смотря на свои стѣсненные денежныя обстоятельства, давали ему, пока были въ состояніи, пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Присутствуя на производимыхъ имъ опытахъ, Ковалевская однако же была большею частью недовольна недостаточной тщательностью работы и говорила: «Какъ жаль, у него такая прекрасная идея». Самую же идею всѣ трое держали въ тайнѣ, но можно было догадаться, что она относилась къ распредѣленію свѣта. Примѣненіе этой идеи къ практикѣ занимало Ковалевскую и въ Москвѣ. Ей необходимо было отвлечься отъ унылой дѣйствительности, и она надѣялась, что изобрѣтеніе въ области электротехники можетъ поправить ихъ разстроенныя дѣла. Мысль объ изобрѣтеніи воспламенила также упавшаго духомъ Ковалевскаго и увлекла подругу Ковалевской, также потерявшую въ предпріятіи Ковалевскихъ нѣсколько тысячъ, принадлежавшихъ ей вмѣстѣ съ сестрою. Всѣ трое справедливо чувствовали себя людьми знающими, талантливыми; отчего-бы, въ самомъ дѣлѣ, не изобрѣсть имъ, когда изобрѣтаютъ другіе. Въ патриархальномъ, старинномъ московскомъ домѣ закипѣла современная жизнь. Ковалевскій, Ковалевская и ея подруга работали каждый надъ своимъ аппаратомъ, и за завтракомъ, за обѣдомъ, за безконечнымъ часомъ, съ разными смоквами и печеньями, повѣряли они другъ другу свои надежды. Сестра подруги, веселая, миловидная и нѣсколько насмѣшливая, представляла собой консервативный элементъ; угощая съ истинно русскимъ хлѣбосольствомъ своихъ незваныхъ гостей, она добродушно подсмѣивалась надъ ними и, не вмѣшиваясь въ ученые разговоры, играла съ маленькой дочкой Ковалевскихъ; дѣвочка едва начинала говорить, но, подражая взрослымъ, — отцу, матери и крестной мамѣ, — брала кусочекъ булочки и карандашъ, проводила каракули и говорила: *аппаратъ*; видно, часто приходилось ей слышать это слово.

Весною Ковалевская съ дочерью и съ бояной переѣхала въ подмосковное имѣніе своей подруги и тамъ продолжала заниматься устройствомъ новой электрической лампы. Ковалевскій же съѣз-

диль къ брату въ Одессу и поселился снова въ Москвѣ, подыскивая себѣ какое-нибудь подходящее занятіе. Здѣсь ему опять повезло счастье; онъ познакомился съ однимъ очень умнымъ и ловкимъ человѣкомъ, стоявшимъ во главѣ только-что развивавшагося нефтяного дѣла въ Россіи; *ловкій* человѣкъ былъ пораженъ смѣтливостью талантливаго естествоиспытателя и предложилъ ему принять участіе въ дѣлѣ новой компаніи. Ковалевскій сразу получилъ мѣсто съ значительнымъ вознагражденіемъ. Осенью они наняли себѣ истинно барскую квартиру, обзавелись дорогой массивной мебелью и зажили въ Москвѣ на-славу; оба они вновь были счастливы, но не долго. Ковалевскаго тяготила роль практическаго дѣятеля: онъ съ грустью поглядывалъ на свои геологическія и палеонтологическія коллекціи, и его тянуло къ профессурѣ. Вскорѣ Ковалевскіе познакомились со многими профессорами московскаго университета, и у Ковалевскаго явилась надежда пристроиться въ университетѣ.

«Въ сердцѣ его совершалась борьба». Съ одной стороны ему такъ хотѣлось, чтобы его жена и дочь жили въ полномъ довольствѣ, съ другой стороны онъ чувствовалъ неотразимое влеченіе къ наукѣ. Борьба была такъ велика, что совершенно поглощала его силы; онѣ же и безъ того были надорваны его петербургскою дѣятельностью, о которой мы говорили. Въ немъ стали проявляться странности—первые признаки душевнаго разстройства. Онъ сдѣлался удивительно скрытнымъ и неискреннимъ; жена конечно первая замѣтила эту перемѣну, но относилась къ тому, что онъ перемѣнился къ ней. Это ее очень огорчало и отталкивало отъ мужа. Часто во время его отсутствія она ходила въ волненіи по своимъ красиво убраннымъ комнатамъ, не находя въ домѣ ничего для себя милого, и думала, какъ быть? Въ ней возникало чувство негодованія. Она употребила всѣ усилія привязаться къ мужу и дѣйствительно привязалась и была ему вѣрной женой; теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, она имѣла на него право: у нихъ былъ ребенокъ... Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти мужа Ковалевская высказала то, что перечувствовала въ то время, въ своей драмѣ «*Борьба за счастье*», написанной совмѣстно со шведскою писательницею Леффлеръ. Въ этомъ сочиненіи она между прочимъ изобразила мужа съ женой, которые не имѣютъ ни малѣйшаго влеченія другъ къ другу, но употребляютъ всѣ усилія полюбить другъ друга, и дѣло оканчивается тѣмъ, что въ трудныя минуты жизни жена не понимаетъ мужа и оказывается безсильной его поддержать. Замѣтимъ, что это

напоминаетъ басню Крылова о цвѣтахъ живыхъ и цвѣтахъ искусственныхъ во время непогоды. Живые цвѣты послѣ дождя становятся свѣжѣе, а искусственные—погибаютъ. Привязанность Ковалевской къ мужу не выдержала *непогоды* единственно оттого, что ей не доставало чутья любящаго сердца. И мужъ, не смотря на свое благоговѣніе передъ женою, очень часто обходился съ ней, какъ съ чужой, скрывая отъ нея свои неудачи. Это ее сильно раздражало. Зима въ Москвѣ 1880—1881 гг. принесла ей мало радостей. Матеріальное благоденствіе Ковалевскихъ продолжалось не долго; Ковалевскій, отличавшійся всегда такимъ мирнымъ уживчивымъ характеромъ, не поладилъ съ заправилами нефтяного дѣла и принужденъ былъ оставить свое мѣсто; вскорѣ онъ сдѣлался доцентомъ московскаго университета. Ковалевская также серьезно подумывала о каедрѣ. Уже въ 1876 г. она познакомилась съ гельсингфорскимъ профессоромъ Миттагъ-Леффлеромъ, бывшимъ ученикомъ Вейерштрасса. Онъ посѣтилъ ее вновь въ 1880 г. въ Петербургѣ, во время сѣзда естествоиспытателей, и зажегъ въ ней смѣлыя надежды на будущее. Это было только началомъ тѣхъ важныхъ услугъ, которыя этотъ замѣчательный математикъ и энергичный человекъ оказалъ Ковалевской. Изъ біографіи Леффлеръ Эдгренъ—сестры Миттагъ-Леффлера—мы узнаемъ, что онъ и въ молодости съ большимъ сочувствіемъ и очень серьезно относился къ женскому образованію. Авторъ этой біографіи, Элленъ Кей, говоритъ: «Оба старшіе брата, математикъ Миттагъ-Леффлеръ, родившійся въ 1846 г., и Францъ-Леффлеръ, родившійся въ 1847 г., оказали громадное вліяніе на ея литературное развитіе. Они постоянно твердили ей о томъ, какъ мало знаній дала ей школа, и настаивали на необходимости самообразованія, заставляя ее заниматься шведскимъ языкомъ, исторіей, литературою и развивая въ ней любовь къ этимъ занятіямъ. Постоянно критикуя ея произведенія, они всѣми силами убѣждали ее не выпускать ихъ въ свѣтъ, пока они не получатъ болѣе зрѣлаго, законченнаго вида, боясь, чтобы сестра не увлеклась дилетантизмомъ, въ который такъ часто впадаютъ женщины-писательницы. Понятно, что при такомъ глубоко серьезномъ отношеніи къ женскому образованію, Миттагъ-Леффлеръ не могъ не остановить своего вниманія на Ковалевской. И съ первой минуты ихъ знакомства онъ страстно желалъ открыть ей возможность читать въ университетѣ. Онъ даже пытался доставить ей доцентуру въ гельсингфорскомъ университетѣ, но безуспѣшно.

Въ 1881 г. основался новый университетъ въ Стокгольмѣ, и Миттагъ-Леффлеръ принималъ въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. Изъ Гельсингфорса онъ сообщилъ объ этомъ Ковалевской и высказалъ твердое намѣреніе добиться для нея каведры въ новомъ университетѣ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это на Ковалевскую въ то время, когда она чувствовала, что въ жизни ея долженъ произойти переворотъ. Желаніе работать по-прежнему ожило въ ней съ новой силой; наскоро собравшись, она взяла съ собой дочь и уѣхала изъ Москвы въ Берлинъ. Ковалевскій, проводивъ жену, тотчасъ отправился къ брату въ Одессу, поручивъ своимъ добрымъ знакомымъ отдать въ складъ мебель и сдать квартиру.

Этимъ *добрымъ* знакомымъ такое порученіе доставило не мало хлопотъ; въ квартирѣ ничего не было уложено, ничего не заперто. Въ столовой на столѣ стоялъ самоваръ и чашки съ недопитымъ чаемъ и т. д.; похоже было, что хозяева квартиры вышли на минуту и готовы вернуться. Между тѣмъ совмѣстная жизнь Ковалевскихъ была кончена. Но это была еще размолвка, а не разрывъ. Ковалевская поселилась съ дочерью въ Берлинѣ, по близости своего стараго друга и учителя Вейерштрасса. Теплая дружба этого великаго математика и его глубокая вѣра въ умственные силы своей ученицы окрыляли ее; она вспомнила старое и засѣла за работу, имѣвшую чисто теоретическій характеръ.

Въ первое время впрочемъ она не могла еще совершенно отвлечься отъ своихъ изобрѣтеній по электричеству; намъ извѣстно, что она нѣсколько разъ была у Сименса, сообщала ему свои идеи, но вскорѣ чисто теоретическія занятія взяли перевѣсъ; она совершенно ушла въ свои работы, видѣлась только съ Вейерштрассомъ и усердно изучала мемуаръ Ляме о преломленіи свѣта въ кристаллахъ. Для того, чтобы дать понятіе о ея жизни и настроеніи въ то время, приведемъ вкратцѣ ея собственное письмо изъ Берлина, отъ 8 іюля 1881 г., къ Миттагъ-Леффлеру:

«Приношу вамъ живѣйшую благодарность за всѣ ваши хлопоты о моемъ назначеніи въ Стокгольмскій университетъ. Что касается меня, я всегда съ радостью приму мѣсто доцента университета. Я никогда и не рассчитывала ни на какое другое положеніе и, признаюсь вамъ въ этомъ откровенно, буду чувствовать себя менѣе смущенной, занимая скромное мѣсто; я стремлюсь примѣнить свои познанія и преподавать въ высшемъ учебномъ заведеніи, чтобы навсегда открыть женщинамъ доступъ въ университетъ; теперь, какъ бы то ни было, этотъ доступъ есть исключеніе или особая милость, которой всегда можно лишиться, что и произо-

шло въ большинствѣ германскихъ университетовъ. Хотя я и не богата, но располагаю средствами для того, чтобы жить вполне независимо; поэтому вопросъ о жалованьи не можетъ оказать никакого вліянія на мое рѣшеніе. Я желаю главнымъ образомъ одного—служить всѣми силами дорогому мнѣ дѣлу и въ то же время доставить себѣ возможность работать въ средѣ лицъ, занимающихся тѣмъ же дѣломъ; это счастье никогда не выпадало мнѣ на долю въ Россіи; я пользовалась имъ только въ Берлинѣ. Все это мои личные желанія и чувства. Но я считаю себя обязанной сообщить вамъ также слѣдующее. Профессоръ Вейерштрассъ, основываясь на существующемъ въ Швеціи положеніи дѣлъ, считаетъ невозможнымъ, чтобы Стокгольмскій университетъ согласился принять женщину въ число своихъ профессоровъ и, что еще важнѣе, онъ боится, чтобы вы не повредили сильно сами себѣ, настаивая на этомъ нововведеніи. Было бы слишкомъ эгоистично съ моей стороны не сообщить вамъ этихъ опасеній нашего уважаемаго учителя, и вы конечно поймете, что я пришла бы въ отчаяніе, если бы узнала, что вы за меня поплатились какой-нибудь непріятностью.

«Я, полагаю поэтому, что теперь, быть можетъ, было бы неблагоприятно и несвоевременно начинать хлопотать о моемъ назначеніи: лучше подождать до окончанія начатыхъ мною работъ. Если мнѣ удастся выполнить ихъ такъ хорошо, какъ я рассчитываю, то онѣ послужатъ къ достиженію намѣченной цѣли».

Итакъ, мы видимъ, что Миттагъ-Леффлеръ неусыпно хлопоталъ о назначеніи Ковалевской еще въ 1881 г., но эти хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ только черезъ два года. Въ то же время въ жизни Ковалевской совершилось много событій. Она жила въ эти годы то въ Берлинѣ, то въ Парижѣ, пріѣзжала и въ Россію, путешествовала съ мужемъ и съ маленькой дочерью по Европѣ. Свиданія съ мужемъ ни мало не служили однако къ примиренію супруговъ и къ ихъ сближенію; напротивъ, Ковалевская замѣчала перемѣну въ отношеніяхъ мужа, и онъ все болѣе и болѣе казался ей человѣкомъ чужимъ и страннымъ. Она приписывала эти странности различнымъ не существующимъ причинамъ. Научныя занятія Ковалевскаго подвигались впередъ медленно. Когда открылась возможность предаться наукѣ, его тянуло къ спекуляціямъ, и это влеченіе скоро приняло характеръ настоящей маініи. Средства Ковалевскихъ были въ то время не велики; и мужъ, и жена проживали свои послѣднія крохи; она жила въ Парижѣ въ тѣсной квартирѣ, по-студенчески, а онъ помѣщался въ Москвѣ, въ меблированной комнатѣ; роскошная же мебель стояла въ складѣ. Вскорѣ Ковалевской пришлось разстаться со своей маленькой дочерью и отправить ее къ дядѣ въ Одессу. Сначала Ковалевская жила въ Парижѣ, въ сторонѣ отъ ученаго міра. И это уединеніе

продолжалось до прїѣзда въ Парижъ ея добраго генія—профессора Миттагъ-Леффлера. Онъ съ трудомъ отыскалъ Ковалевскую въ Парижѣ и познакомилъ ее со всѣми извѣстными французскими математиками, которые съ большой охотой начали посѣщать ея маленькую гостинную.

Математикъ Гермитъ въ то время писалъ въ Берлинъ Вейерштрассу, что былъ пораженъ обширностью познаній и глубиною ея ума. Справедливость требуетъ сказать, что Ковалевская не исключительно вращалась въ обществѣ французскихъ ученыхъ, а вела также охотно знакомство съ соотечественниками, проживавшими въ Парижѣ. Она чувствовала себя всегда одинокой, когда возлѣ нея не было русскихъ. Въ то же время она, переживая столь многое, искала дружбы родной души, поэтому не безъ интереса сближалась съ людьми, казавшимися ей симпатичными съ перваго взгляда. Къ этому времени относятся нѣкоторые, чисто платоническіе ея романы. Она была сердита на мужа, хотѣла забыть его и начать новую жизнь, но еще не могла, потому что привязанность къ нему продолжала существовать. Она часто писала въ Россію и очень огорчалась, что мужа ея всѣ начинали считать аферистомъ; совѣтовала ему подумать наконецъ о своей репутациі... Но голова его въ то время работала плохо, и душевная болѣзнь развивалась съ большою быстротою; Ковалевскій не находилъ болѣе удовлетворенія въ своихъ научныхъ занятіяхъ, и когда на него напала тоска, онъ отправлялся въ Одессу къ брату, чтобы взглянуть на свою маленькую дочь, которая, по его словамъ, была вылитая мать во всѣхъ отношеніяхъ. Ковалевскій нисколько не сердился на жену за то, что она охладѣла къ нему и относилась, такъ сказать, свысока; какъ видно, онъ считалъ ее вправѣ такъ поступать съ нимъ, и это сознаніе угнетало его еще болѣе. Весной 1883 года онъ лишилъ себя жизни. Въ воспоминаніяхъ своихъ о Ковалевской, Леффлеръ—Эдгренъ говоритъ, что мужъ ея палъ жертвой денежной спекуляціи. Это не совсѣмъ вѣрно. Онъ лишилъ себя жизни вслѣдствіе душевной болѣзни, а страсть къ спекуляціямъ была *однимъ* изъ ея проявленій.

Когда Ковалевская узнала о кончинѣ мужа, она сразу поняла причину всѣхъ его, прежде необъяснимыхъ странностей, жестоко упрекала себя, что не замѣтила этой болѣзни ранѣе и бранила его за малодушіе тогда, когда нужно было ухаживать за нимъ, какъ за больнымъ.

Со смертью мужа матеріальное положеніе Ковалевской сдѣлалось

еще безнадежныѣ. Къ счастью работа ея: *О преломленіи свѣта въ кристаллахъ* была почти готова. Вскорѣ послѣ смерти мужа она оставила Парижъ и пріѣхала въ Берлинъ, чтобы представить свой трудъ на судъ Вейерштрасса. Письма Ковалевской, относившіяся къ этому времени, носятъ грустный, почти мрачный характеръ. Лѣтомъ 1883 г. она писала своей подругѣ въ Москву, что Вейерштрассъ доволенъ результатами ея работъ и теперь нисколько не сомнѣвается въ томъ, что она получитъ профессуру въ Стокгольмскомъ университетѣ. Все это Ковалевская сообщала какъ-то сухо, безъ малѣйшей радости. Она писала также, что желала бы поѣхать на съѣздъ естествоиспытателей въ Одессу въ августъ, но не знаетъ, вышлетъ-ли ей во-время деньги книгопродавецъ, купившій изданія Ковалевскаго. Видѣвшіе ее въ то время друзья и знакомые замѣчали также большую переменъ въ ея наружности. Она вдругъ состарѣлась на нѣсколько лѣтъ, ея кожа потеряла свою чистоту и прозрачность, а между бровями показалась глубокая морщина, которая и осталась навсегда. Въ началѣ августа Ковалевская изъ Берлина проѣхала прямо въ Одессу; письма изъ Одессы къ той же подругѣ носили тотъ-же характеръ. Въ нихъ она главнымъ образомъ описывала свою дочь; пятилѣтняя дѣвочка уже умѣла читать и рассказывать прочитанное; она смотрѣла ребенкомъ сосредоточеннымъ, но грустнымъ; у матери являлась мысль, что дѣвочка смутно чувствуетъ несчастіе, случившееся съ отцомъ.

О съѣздѣ говорилось въ этихъ письмахъ немного; Ковалевская не написала даже о томъ, что она читала рефератъ своей новой работы, и это ея подруга узнала только изъ газетъ. По окончаніи съѣзда Ковалевская вмѣстѣ съ дочерью пріѣхала въ Москву, сообщила своимъ друзьямъ и знакомымъ, что отправляется въ Стокгольмъ, куда приглашена читать въ университетъ лекціи математики на нѣмецкомъ языкѣ. Эта вѣсть принята была съ общимъ энтузіазмомъ и скорѣ появилась въ газетахъ. Изъ Одессы же отъ 28 августа Мяттагъ-Леффлеръ получилъ отъ Ковалевской слѣдующее письмо:

«Мнѣ наконецъ удалось окончить одну изъ двухъ работъ, которыми я занималась въ послѣдніе два года. Какъ только я достигла удовлетворительныхъ результатовъ, первую мою мысль было переслать мой трудъ немедленно вамъ для оцѣнки, но профессоръ Вейерштрассъ съ обычной ему добротой, принявъ на себя трудъ увѣдомить васъ о результатахъ моихъ изслѣдованій. Я получила письмо, гдѣ онъ сообщаетъ мнѣ, что уже написалъ вамъ объ этомъ, и вы ему отвѣтили и просили торопить меня поскорѣе отправляться въ Стокгольмъ, чтобы начать чтеніе приватнаго курса.

Я не нахожу выражений, чтобы достаточно сильно высказать, какъ я благодарна вамъ за вашу всегдашнюю доброту ко мнѣ и какъ счастлива, получивъ возможность выступить на ту дорогу, которая всегда составляла мою излюбленную мечту. Въ то же время я не считаю себя вправѣ скрывать отъ васъ, что я во многихъ отношеніяхъ признаю себя весьма мало подготовленною для исполненія обязанностей доцента. Я до такой степени сомнѣваюсь въ самой себѣ, что боюсь, какъ бы вы, всегда относившійся ко мнѣ съ такою благосклонностью, не разочаровались, увидя, что я мало гожусь для избранной мною дѣятельности. Я глубоко благодарна Стокгольмскому университету за то, что онъ такъ любезно открылъ передо мною свои двери, и готова всею душою полюбить Стокгольмъ и Швецію, какъ родную страну. Я надѣюсь долгие годы прожить въ Швеціи и найти въ ней новую родину. Но именно поэтому мнѣ хотѣлось бы не пріѣзжать къ вамъ, пока я не буду считать себя вполне заслуживающею хорошаго мнѣнія, которое вы обо мнѣ составили. Я сегодня написала Вейерштрассу, спрашивая его, не найдетъ-ли онъ съ моей стороны благоразумнѣе провести еще два три мѣсяца съ нимъ, чтобы лучше проникнуться его идеями и пополнить нѣкоторые пробѣлы въ моихъ математическихъ познаніяхъ.

«Эти два мѣсяца, проведенные въ Берлинѣ, были бы въ высшей степени полезны мнѣ и въ томъ отношеніи, что я имѣла бы случай видѣться съ молодыми математиками».

Далѣе она пишетъ, что попытается прочитать рефератъ въ кругу молодыхъ математиковъ, чтобы испытать себя, какъ лектора. Будущее вполне доказало, какъ неосновательно было недовѣріе Ковалевской къ своимъ собственнымъ силамъ.

Мы привели это письмо цѣликомъ, потому что такое отношеніе къ себѣ объясняетъ многое въ ея дѣятельности; оно свойственно исключительно женщинѣ, пролагающей совершенно новый путь. Предубѣжденіе противъ способности женщины къ умственному труду, какъ всякіе предрасудки, съ которыми намъ приходится бороться, живутъ не только въ окружающихъ насъ, но и въ насъ самихъ. То же смущеніе чувствовала бы всякая талантливая женщина, но ни одному самому посредственному мужчинѣ не пришло бы въ голову, что онъ недостаточно подготовленъ къ исполненію обязанностей доцента. Эта привычка смотрѣть на себя исключительно, какъ на ученицу Вейерштрасса, вводила многихъ въ заблужденіе и заставляла сильно преувеличивать умственную зависимость Ковалевской отъ ея учителя.

Вѣроятно Вейерштрассъ нашелъ излишнимъ для нея дальнѣйшее пребываніе въ Берлинѣ, потому что, какъ намъ извѣстно, приведя въ порядокъ свои дѣла въ Россіи, Ковалевская отправилась прямо въ Стокгольмъ на пароходѣ изъ Финляндіи.

Предстоящая перемена жизни и открывшійся широкій горизонтъ въ значительной степени отвлекали Ковалевскую отъ грустныхъ мыслей о смерти мужа; но въ Петербургѣ, гдѣ она была проездомъ, все напоминало ей о немъ, такъ какъ здѣсь они большей частью были неразлучны. Ее манила широкая неизвѣстная даль, но въ то же время она чувствовала себя такой одинокой, когда пароходъ отчалилъ отъ берега такъ хорошо знакомаго ей Васильевскаго острова. Въ ноябрѣ одинъ видъ моря погружаетъ многихъ въ меланхолію; когда пройдешь кронштадтскія батареи и вступишь въ открытое пространство, ничто уже не напоминаетъ, что плывешь подъ русскимъ флагомъ въ русскихъ водахъ; всѣ надписи сдѣланы на чуждомъ намъ языкѣ...

Послѣ сорока пятичасоваго плаванія утомленная, простуженная, она наконецъ увидѣла Стокгольмъ, и вотъ какая картина должна была представиться тогда ея глазамъ.

По словамъ одного путешественника, впродолженіи трехчасоваго плаванія по Балтійскому фіорду передъ глазами является множество довольно однообразныхъ острововъ, покрытыхъ преимущественно еловымъ лѣсомъ; самый цвѣтъ сѣровой воды, при рѣзкости сѣвернаго климата и освѣщенія, придающаго всей этой картинѣ какой-то холодноватый колоритъ, не оживляетъ путешественника, а скорѣе погружаетъ его въ какое-то меланхолическое настроеніе. Вотъ наконецъ показался Стокгольмъ со своими остроконечными готическими башнями церквей и съ возвышающимся, ввидѣ квадратной каменной глыбы, королевскимъ дворцомъ. Видъ съ моря на городъ красивъ. Но Ковалевской вѣроятно было не время любоваться красотой Стокгольма: она думала, какъ-то сойдетъ съ рукъ ея первая лекція. Она пріѣхала въ Стокгольмъ 11 ноября и остановилась по приглашенію Миттагъ-Леффлера у него. На другой день послѣ своего пріѣзда она познакомилась съ госпожею Леффлерь-Эдгрень, которая описываетъ слѣдующимъ образомъ свое первое свиданіе съ Ковалевской:

«Мы обѣ были подготовлены къ тому, чтобы сдѣлаться друзьями. Когда я вошла, Софья стояла въ библіотекѣ у окна и передистывала какую-то книгу; замѣтивъ меня, она быстро обернулась и пошла ко мнѣ навстрѣчу съ протянутою рукой. Меня поразили при этомъ необыкновенный блескъ ея глазъ. Но въ ея обращеніи замѣтны были робость и смущеніе, какая-то сдержанность. Она мнѣ сказала, что простудилась дорогой и страдаетъ сильной зубной болью. Я предложила проводить ее къ зубному врачу. Какая пріятная цѣль для первой прогулки въ новомъ городѣ!»

Наблюдательной писательницѣ бросилось въ глаза смущеніе Ковалевской; оно обуславливалось во-первыхъ ея грустнымъ настроеніемъ въ то время, а во вторыхъ сознаниемъ важной обязанности, которую ей надлежало исполнить въ Стокгольмѣ.

ГЛАВА VII.

Нѣсколько словъ о шведской жизни и ея особенностяхъ.— Отношеніе Ковалевской къ прогрессивной партіи молодой Швеціи.— Чтеніе приватнаго курса въ университетѣ.— Назначеніе Ковалевской профессоромъ и образъ ея жизни 1884—1885 гг.

Швеція, какъ странѣ, доставившей Ковалевской возможность приложить свои знанія и силы, должно принадлежать видное мѣсто въ ея біографіи. Эта сосѣдняя съ нами страна извѣстна намъ несравненно менѣе другихъ западныхъ государствъ; въ настоящее время однако она возбуждаетъ все большій и большій интересъ.

Исключительное положеніе Ковалевской обуславливалось не одной ея талантливостью, но также нѣкоторыми особенностями пріютившаго ее университета, которыя въ свою очередь служатъ выраженіемъ особенностей этой страны. Университетъ этотъ созданъ на частныя средства, а потому располагаетъ большей свободой, чѣмъ всѣ шведскія правительственныя учрежденія. Стокгольмскій университетъ владѣетъ теперь капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ рублей и значительнымъ участкомъ земли, и все это составилось изъ частныхъ пожертвованій жителей Стокгольма, общее число которыхъ не превосходитъ 200,000. Зажиточныхъ людей въ Стокгольмѣ довольно много, но богачей въ настоящемъ смыслѣ слова совсѣмъ нѣтъ. Каждому, пожертвовавшему на основаніе университета значительную сумму, она была чувствительна. Ковалевская справедливо говоритъ, что та щедрость, съ которой богатые шведы готовы жертвовать на общественныя нужды, свидѣтельствуетъ очень ясно, что интересъ къ общественнымъ дѣламъ развитъ здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. При этомъ необходимо замѣтить, что университетъ созданъ стараніями одной прогрессивной партіи, такъ называемой молодой Швеціи, съ цѣлью освободить науку отъ рутинны старыхъ университетовъ Лунда и Упсалы. Эта же партія сильно поддерживаетъ женскій вопросъ. Послѣдовательность и стойкость прогрессивной партіи неминуемо должна была весьма пріятно

поразить Ковалевскую, и через годъ послѣ своего прїѣзда въ Швецію она писала:

«Здѣсь, въ Стокгольмѣ, чувствуешь дѣйствительно, что въ жизни существуетъ извѣстная связь между убѣжденіемъ и дѣломъ. Вообще говоря, увѣрить въ чемъ-нибудь шведа дѣло не легкое, но разъ это удалось, онъ на полдорогѣ не останавливается и тотчасъ, какъ само-собою понятное послѣдствіе, прилагаетъ свое убѣжденіе къ практикѣ, облакаетъ его въ вещественную форму».

Въ политическомъ и социальномъ отношеніи Швеція принадлежитъ безспорно къ числу наиболѣе свободныхъ государствъ Европы. Отсутствие внѣшнихъ гнетущихъ вліяній въ исторіи Швеціи поражаетъ всякаго. Швеція никогда не была подъ чужимъ игомъ; въ ней никогда не существовало крѣпостного права; даже религіозныя гоненія никогда не имѣли въ этой странѣ характера жестокости.

Наблюдая отрадныя стороны шведской жизни, Ковалевская искала причину этого явленія и находила ее въ томъ, что погоня за наживой и борьба изъ-за насущнаго хлѣба не пріобрѣли еще въ Швеціи того остраго всепоглощающаго характера, какой они имѣютъ во всей остальной Европѣ. Внѣшнія формы жизни тамъ еще сравнительно скромны; семьи даже съ большимъ состояніемъ ведутъ очень простой образъ жизни; нѣтъ той постоянной выставки роскоши, того вѣчнаго соблазна и искушенія, какъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Берлинѣ. Такъ называемые вопросы идеальные, вопросы о нравственной правдѣ и отвѣтственности сохраняютъ въ глазахъ шведовъ реальное, жизненное значеніе.

Одинъ изъ героевъ драмы Ибсена «Дикій селезень» говоритъ также, что потребность создать себѣ разъ навсегда идеалъ и затѣмъ всю жизнь поклоняться ему, это національная болѣзнь всѣхъ шведовъ.

При первомъ своемъ появленіи въ Стокгольмѣ Ковалевская сдѣлалась яблокомъ раздора двухъ партій: прогрессивной и консервативной. Она прїѣхала въ Стокгольмъ, какъ намъ извѣстно, по приглашенію Миттагъ-Леффлера, одного изъ самыхъ вліятельныхъ вожаковъ прогрессивной партіи. Ее встрѣтили горячіе поклонники и враги. Вскорѣ же по прїѣздѣ она начала брать уроки шведскаго языка, и первыя недѣли ничего другого не дѣлала, какъ только съ утра и до вечера упражнялась въ шведскомъ языкѣ. Миттагъ-Леффлеръ собирался сдѣлать вечеръ, чтобы познакомить Ковалевскую съ другими стокгольмскими учеными. Она просила его подождать недѣльки двѣ, пока она выучится говорить по-шведски.

Дѣйствительно черезъ двѣ недѣли, къ общему удивленію, она

выучилась объясняться по-шведски, а черезъ два мѣсяца читала уже беллетристическія произведенія на этомъ языкѣ.

Первыя лекціи Ковалевская однако же читала по-нѣмецки; студенты ей дѣлали оваціи и подносили букеты цвѣтовъ. Изъ писемъ Ковалевской изъ Стокгольма можно было заключить, что жизнь текла тамъ шумно, и нѣмцы не даромъ называютъ шведовъ сѣверными французами. Ужины, обѣды, вечера слѣдовали такъ быстро, что ей не легко было поспѣвать вездѣ и въ то же время готовиться къ лекціямъ и продолжать научные труды. Въ апрѣлѣ 1884 г. Ковалевская закончила свой курсъ въ Стокгольмскомъ университетѣ и уѣхала отдыхать въ Россію. Лекціи ея были на столько удачны, что доставили ей блестящую репутацію. Воспользовавшись этой славой, Миттагъ-Леффлеръ нашель возможнымъ обезпечить Ковалевскую на пять лѣтъ на столько, чтобы она могла жить въ Стокгольмѣ такъ, какъ это прилично профессору. Нѣсколько лицъ приняли на себя обязательство выплачивать ей по пяти-сотъ кронъ въ продолженіи пяти лѣтъ; такимъ образомъ для нея составилось жалованье въ четыре тысячи кронъ (2,222 р.). Собственныя денежныя дѣла Ковалевской были въ то время на столько плохи, что она не могла, какъ думала раньше, работать бесплатно. Несмотря на такое содѣйствіе прогрессивной партіи, будущность Ковалевской въ Стокгольмѣ не была еще выяснена. Необходимо было, чтобы университетъ официально принялъ Ковалевскую въ число своихъ профессоровъ; этому же противились многіе профессора, и между членами университета по поводу назначенія Ковалевской произошла настоящая битва. Наконецъ 1-го іюля 1884 г. Миттагъ-Леффлеръ телеграфировалъ Ковалевской о присвоеніи ей званія профессора въ Стокгольмскомъ университетѣ. Ковалевская въ то время находилась въ Берлиѣ. Изъ письма ея къ Миттагъ-Леффлеру видно, что она приписывала эту побѣду энергіи своего покровителя. Мысль о надлежащемъ выполненіи своихъ обязанностей занимала ее очень сильно. Въ ней попрежнему незамѣтно было ни малѣйшаго самоувѣрія; она стремилась посѣщать лекціи въ Берлинскомъ университетѣ во время лѣтняго семестра. Вейерштрассъ говорилъ по этому поводу съ нѣкоторыми лицами изъ министерства, но позволеніе главнымъ образомъ зависѣло отъ ректора, который не желалъ допустить женщину въ университетъ. Многихъ поражаетъ это желаніе профессора сѣсть на школьную скамью, но оно непонятно только незнакомымъ съ жизнью нѣмецкихъ ученыхъ. Въ Германіи не рѣдкость, что одинъ профессоръ посѣщаетъ лекціи

другого, желая глубже изучить его воззрѣнія на какой-нибудь предметъ; печатать лекціи не принято въ то время, когда профессоръ еще продолжаетъ читать.

Въ Стокгольмѣ со времени основанія университета началъ издаваться математическій журналъ *Acta Mathematica*; въ немъ Ковалевская напечатала свою работу объ Абелевскихъ функціяхъ, объ участи которой мы уже упомянули. Желаніе ея посѣщать лекціи Берлинскаго университета было весьма упорно; она все еще питала надежду, что это сбудется зимою; въ Рождественскія каникулы она опять собиралась поѣхать въ Берлинъ. Но двери Берлинскаго университета навсегда остались закрытыми для Ковалевской. Уже послѣ ея смерти одной американкѣ удалось-было проникнуть въ это святилище по особому разрѣшенію ректора, но оно было у нея вскорѣ же отнято по распоряженію высшаго начальства. Изъ приведеннаго нами факта ясно, что женскій вопросъ въ Германіи стоитъ совершенно иначе, чѣмъ въ Швеціи; между тѣмъ перевѣсъ женскаго населенія и въ томъ, и въ другомъ государствѣ принуждаетъ дать женщинамъ возможность существовать самостоятельно. Но въ Германіи предоставляютъ женщинѣ только такой трудъ, который не дастъ достаточныхъ выгодъ для мужчины. Въ Швеціи же, напротивъ, стремятся поднять въ женщинѣ вѣру въ свои силы. Эта разница въ отношеніи къ женскому вопросу обуславливается тѣмъ, что въ Швеціи конкуренція не велика, тогда какъ въ Германіи она приняла огромные размѣры. Послѣ всего этого не трудно понять, какимъ кладомъ была Ковалевская для прогрессивной партіи въ Швеціи; эта партія берегла репутацію Ковалевской какъ зѣницу ока, и поэтому ея члены часто позволяли себѣ вмѣшиваться въ частныя дѣла Ковалевской.

Первую зиму въ Стокгольмѣ Ковалевская прожила по-студенчески—въ пансіонѣ и не намѣревалась обзаводиться своимъ хозяйствомъ и на слѣдующій годъ. Вслѣдствіе этого ей невозможно было взять свою маленькую дочь, которая жила въ Москвѣ у своей крестной матери. Стокгольмскія дамы, какъ видно, осуждали ее за разлуку съ дочерью, и ея доброжелатели горячо убѣждали ее привезти съ собою въ Стокгольмъ и малютку. Ковалевская говорила, что согласна подчинить себя требованіямъ стокгольмскихъ дамъ въ мелочахъ, но не въ серьезныхъ вопросахъ; она находила, что дѣвочкѣ лучше прожить еще годъ въ Москвѣ, чѣмъ въ Стокгольмѣ, гдѣ для нея ничего не устроено, и у самой матери нѣтъ времени какъ слѣдуетъ заняться ею. Дѣйствительно, осенью

1884 г. тотчасъ по прїѣздѣ въ Швецію, она на нѣсколько недѣль поселилась въ уединенномъ мѣстѣ въ окрестностяхъ Стокгольма и занялась изложеніемъ своей работы «О преломленіи свѣта въ кристаллахъ». Въ это время она видѣлась только съ Миттагъ-Леффлеромъ и однимъ молодымъ нѣмецкимъ математикомъ, который оказалъ ей нѣкоторую помощь въ изложеніи этого труда на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ какихъ нибудь полтора года послѣ смерти мужа въ жизни Ковалевской произошло много важныхъ событій; она зажила новой жизнью, и ей казалось, какъ она сама писала Миттагъ-Леффлеру, что прошло цѣлое столѣтіе. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ скорѣе, чѣмъ при всякихъ другихъ, зажила немного ея глубокая рана и нѣсколько успокоилась совѣсть. Она разцвѣла въ полномъ смыслѣ этого слова, помолодѣла и похорошѣла, сняла свое черное платье, которое къ ней ужасно не шло, и стала носить свѣтлыя цвѣта; къ нимъ она всегда питала большое пристрастіе, и начала вообще чесаться къ лицу и обращать вниманіе на свою наружность. Это у нея всегда служило признакомъ отдыха и довольства жизнью; грустное выраженіе лица совершенно исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ прошло смущеніе, бросавшееся въ глаза годъ тому назадъ. Въ эту вторую зиму въ Стокгольмѣ Ковалевская, можно сказать, вошла въ жизнь окружавшей ея новой среды; лекціи свои она уже читала по-шведски и представляла собою центръ прогрессивной партіи въ Стокгольмѣ. Въ это счастливое время своей жизни она была необыкновенно оживлена, остроумна, очаровывала всѣхъ и каждого и сама относилась ко всѣмъ и ко всему съ величайшимъ интересомъ.

Ковалевская всегда отличалась физической неловкостью; въ Россіи она не умѣла ни ѣздить верхомъ, ни кататься на конькахъ, но никогда и не жалѣла объ этомъ. Въ Швецію, окруженная людьми весьма искусными во всякомъ родѣ спорта, она почувствовала сильное желаніе исправить недостатки своего тѣлеснаго воспитанія. Тотчасъ послѣ лекцій въ университетѣ она обыкновенно отправлялась съ Миттагъ-Леффлеромъ и его сестрою, госпожею Леффлеръ-Эдгрень на катокъ, а вечеромъ этихъ неразлучныхъ друзей можно было встрѣтить въ манежѣ. Ковалевская то разговаривала о математикѣ съ Миттагъ-Леффлеромъ, то пускалась въ разсужденія о психологіи съ его сестрою, но ей не везло ни въ верховой ѣздѣ, ни въ катаньѣ на конькахъ, хотя она и тому, и другому предавалась съ большимъ увлеченіемъ и гордилась своими успѣхами въ этомъ дѣлѣ, по словамъ своихъ друзей, больше, чѣмъ своими научными

заслугами. И это повидимому странное явленіе легко объяснимо. Мы говорили уже, что Ковальская страдала излишней трусливостью, нервностью, которую ей, разумѣется, во что бы то ни стало, хотѣлось побѣдить. Все это было непонятно шведамъ, не знавшимъ всѣхъ условій дѣтства Ковалевской и причинъ развитія этого страха, на которыя мы указывали. Сѣсть на лошадь или очутиться на каткѣ было великой побѣдой со стороны Ковалевской, и эта побѣда приводила ее въ восторгъ.

О своей жизни въ Швеціи она сама писала въ Берлинъ слѣдующее:

«1. Прежде всего я должна была позаботиться о своихъ трехъ лекціяхъ въ недѣлю на шведскомъ языкѣ. Я читала алгебраическое введеніе въ теорію Абелевскихъ функцій; повсюду въ Германіи лекціи эти считаются самыми трудными. У меня чрезвычайно много слушателей, и всѣ они остаются мнѣ вѣрными за исключеніемъ двухъ-трехъ.

2. Я въ этотъ промежутокъ времени написала небольшой математическій трактатъ, который намѣреваюсь на-дняхъ отправить къ Вейерштрассу съ просьбою напечатать въ журналѣ Боргарда.

3. Я пишу съ Миттагъ-Лефлеромъ большую математическую статью и въ то же время занимаюсь журнальной работой. До сихъ поръ напечатана только одна изъ нихъ: «Изъ моихъ личныхъ воспоминаній».

Въ то же время Ковалевская весело сообщала, что принимаетъ участіе во всѣхъ празднествахъ и собирается торговать на одномъ базарѣ, устраиваемомъ стокгольмскими дамами въ пользу народнаго музея; при этомъ ей удалось оказать услугу своей живой фантазіей: она предложила устроить цыганскій таборъ съ русскимъ самоваромъ и т. д.

По всему видно было, что ей, тридцати четырехлѣтней женщинѣ, новы были «всѣ впечатлѣнья бытія». До того времени она жила жизнью взрослой женщины только урывками, и большей частью ей приходилось вести студенческой образъ жизни въ Берлинѣ и въ Парижѣ. Да и въ Россіи она очень недолго жила въ своемъ домѣ, принимала гостей, посѣщала театры. Вскорѣ дѣла пошли плохо; Ковалевскимъ пришлось сжаться и вести уединенную жизнь. Къ тому же послѣ рожденія дочери Ковалевская проболѣла всю зиму. Ей все приходилось кочевать, готовиться къ будущей дѣятельности и какъ бы ожидать суда и приговора. Въ Стокгольмѣ она впервые почувствовала почву подъ ногами; главная цѣль ея была достигнута, и она могла дать просторъ всѣмъ склонностямъ своей разнообразной природы и живого темперамента.

Г-жа Эдгрень въ своихъ воспоминаніяхъ о Ковалевской описываетъ, какое глубокое вліяніе оказало на нее сближеніе съ этой женщиной и ничего не говоритъ, конечно изъ скромности о томъ вліяніи, какое она сама имѣла на Ковалевскую; между тѣмъ послѣднее было на столько велико, что намъ придется заняться выдающейся личностью этой извѣстной шведской писательницы. Изъ юности Ковалевской мы знаемъ, что она сама имѣла также склонность къ литературѣ и даже писала стихи; занятія математикой отвлекли ее отъ литературы, но все же она много читала, и когда бывала съ сестрой, съ наслажденіемъ бесѣдовала о прочитанномъ. Теперь эта склонность отъ общенія съ талантливой писательницей пробудилась въ ней съ такой силой, что чтеніе и разговоры не удовлетворяли ее болѣе, и она стала писать сначала вмѣстѣ съ госпожей Эдгрень, а потомъ одна.

Шведская писательница и русская женщина - математикъ представляли двѣ діаметрально противоположныя натуры и какъ бы взаимно дополняли другъ друга. Этимъ и объясняется ихъ взаимное влеченіе. Шведская писательница Элленъ Кей проводитъ между этими двумя женщинами слѣдующую параллель: гдѣ бы ни появлялась А. К. Леффлеръ-Эдгрень, ея наружность обращала на себя общее вниманіе, но она не была такой блестящей собесѣдницей въ обществѣ, какъ Софья Ковалевская. Когда обѣ подруги бывали гдѣ-нибудь на вечерѣ, возлѣ Ковалевской образовывался всегда кружокъ слушателей, между тѣмъ какъ Эдгрень, напротивъ, сама любила играть роль слушательницы въ томъ кружкѣ, который собирался вокругъ нея. Ея разговоръ не блисталъ ни особенной оригинальностью мысли, ни остроумными выходками, но отличался богатствомъ содержанія. Она всегда ясно, живо и опредѣленно описывала дѣйствительность. Ковалевскую въ Стокгольмѣ звали Микель-Анжело за бурную энергію. Все происходило всегда такъ, какъ рассказывала Леффлеръ, все могло происходить такъ, какъ передавала Ковалевская, и тогда все было бы гораздо интереснѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Склонность Ковалевской къ разнаго рода психологическимъ тонкостямъ находила полное удовлетвореніе въ обществѣ Эдгрень, и благодаря этому обществу, она откопала въ своей внутренней жизни много такого, что было глубоко скрыто въ ея душѣ и на что она прежде не обращала вниманія; г-жа Эдгрень была замужемъ, но не любила своего мужа и искала настоящей любви; она часто говорила о томъ, что это чувство есть единственный якорь спасенія и доказывала это не отвлеченными разсужденіями, а живыми фактами. Она была старше Кова-

левской, но не теряла надежды встрѣтить такое чувство. Въ этихъ нескончаемыхъ бесѣдахъ о любви съ г-жею Эдгренъ для самой Ковалевской выяснилось «какъ она мало жила, какъ она мало любила».

То чего Ковалевская добилась въ жизни, подруга ея не считала настоящимъ счастьемъ, признавая только *счастье сердца*, и это производило извѣстное впечатлѣніе на Ковалевскую; она сама начинала менѣе цѣнить то, чѣмъ обладала, и глубже чувствовать то, чего ей не хватало.

ГЛАВА VIII.

Назначеніе Ковалевской замѣстителемъ профессора механики. — Поѣздки въ Россію къ больной сестрѣ и нравственное ихъ вліяніе. — Поѣздка въ Парижъ и первая идея главнаго труда. — Измѣненіе образа жизни въ Стокгольмѣ. — Новое путешествіе въ Петербургъ. — Дума о прошломъ. — Драма. — Борьба за счастье. — Смерть сестры. — Потребность совмѣстнаго труда.

Весною 1885 г. въ Стокгольмѣ распространился слухъ, что Ковалевская будетъ назначена замѣстителемъ профессора механики вмѣсто Гольмгрена, который по болѣзни не могъ отправлять своихъ обязанностей. 3-го іюня того же года Ковалевская увѣдомила Миттагъ-Леффлера, находившагося въ то время въ Берлинѣ, что слухъ этотъ какъ нельзя болѣе подтвердился, и секретарь академіи наукъ Линдгагенъ сообщилъ ей, что правленіе единогласно рѣшило назначить ее замѣстителемъ А. Гольмгрена, если профессоръ и осенью не въ состояніи будетъ читать своихъ лекцій.

Вскорѣ же послѣ этого Ковалевская отправилась въ Россію, сначала въ Петербургъ, гдѣ навѣстила больную сестру, а потомъ остальную часть лѣта провела съ своей дочерью въ окрестностяхъ Москвы, въ имѣніи своей подруги. Видъ умирающей сестры конечно во всякое время могъ тяжело подѣйствовать на Ковалевскую, но теперь, когда она чувствовала себя столь счастливой, ей казалось особенно достойной сожалѣнія неудачно сложившаяся жизнь Анюты. Она все думала, все надѣялась, что ея Анюта воспрянетъ и въ концѣ концовъ сдѣлается знаменитой писательницей... А тутъ «о жизни поконченъ вопросъ». Сестра ея ничего не достигла и сверхъ того была еще вполне одинока; мужъ ея, получившій амнистію, жилъ въ Парижѣ. Въ Москвѣ свиданіе съ дочерью оживило Ковалевскую; она писала, что не знаетъ, кто изъ нихъ двухъ болѣе радъ

былъ этому свиданію; дѣвочкѣ было уже около семи лѣтъ, и мать рѣшила увезти ее съ собою въ Стокгольмъ.

Усиленная двухлѣтняя дѣятельность и много пережитыхъ впечатлѣній утомили Ковалевскую, и она чувствовала себя еще болѣе усталой, чѣмъ въ то время, когда жила въ Палибинѣ послѣ полученія докторской степени. Она искала, какъ всегда въ такомъ случаѣ, полного отдыха и покоя. Мѣстопробываніе Ковалевской какъ нельзя болѣе соответствовало этому. Въ обширномъ, удобномъ домѣ ея подруги текла все та же ровная московская жизнь съ безконечными завтраками, обѣдами, угощеніями и т. д. Подруга эта проводила большую часть времени въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ; въ домѣ царствовала тишина; сама хозяйка и гостившія пожилыя дѣвицы носили глубокій трауръ по случаю смерти ея младшей сестры. Лѣто было жаркое, и Ковалевская цѣлые дни сидѣла въ гостиной съ работой въ рукахъ, какъ сама говорила, безъ всякой мысли въ головѣ, читая романы и прихлебывая чай. Такъ прожила она до осени. Признавая сильное вліяніе на себя внѣшней обстановки, она говорила, что въ Стокгольмѣ, гдѣ на нее смотрятъ, какъ на передового борца за женскій вопросъ, она считаетъ себя обязанной поддерживать «свой геній», а въ подмосковной деревнѣ, гдѣ ее представляютъ гостямъ подъ именемъ Сониной мамы, она преисполнена исключительно женскими добродѣтелями. Между тѣмъ въ то время, когда сама Ковалевская такъ безмятежно проживала въ русской деревнѣ, слава ея распространялась по Россіи, Европѣ и Америкѣ съ быстротою молніи, и лѣтомъ 1885 г. трудно было найти мало-мальски грамотнаго человѣка, который бы не зналъ имени Ковалевской—профессора Стокгольмскаго университета. Въ иллюстрированныхъ шведскихъ и русскихъ журналахъ появились ея біографіи и портреты.

Въ первые два года своего пребыванія въ Стокгольмѣ Ковалевская видѣла только свѣтлыя стороны своего новаго положенія; на третій годъ, какъ бываетъ всегда, она начала усматривать и темныя. Она была обезпечена на пять лѣтъ добровольными пожертвованіями частныхъ людей; изъ этихъ пяти лѣтъ прошло уже два года, въ остальные три года ей необходимо было создать нѣчто замѣчательное, чтобы получить ординарную профессуру, обезпечить себя на всю жизнь матеріально и поддержать свою славу. Она какъ-бы видѣла передъ собой высокую, крутую гору, на которую ей необходимо было подняться. Къ тому же ей пришлось въ первый разъ читать механику, и эти лекціи требовали усиленной

подготовки. Сверхъ того Стокгольмское общество утратило для нея прелесть новизны, и она не принимала въ его жизни такого живого участія, какъ въ первые два года. Углубившись въ себя, выворачивая по русской привычкѣ свою душу, она многимъ въ своей жизни была недовольна и тяготилась нѣсколько своимъ одиночествомъ; дочь свою она снова принуждена была оставить въ Россіи. Весною 1886 г., тотчасъ по окончаніи лекцій, Ковалевская отправилась въ Парижъ. Французскіе математики привѣтствовали ее съ восторгомъ; въ русскихъ газетахъ описано было присутствіе ея на засѣданіи Парижской академіи наукъ и вниманіе, оказанное ей математикомъ Бертраномъ и маститымъ химикомъ Шеврелемъ. Эта поѣздка въ Парижъ была въ высшей степени плодотворна для нея по своимъ послѣдствіямъ. Во время одного разговора съ замѣчательнымъ французскимъ математикомъ Пуанкаре ей пришла въ голову счастливая мысль приложить новыя взгляды изъ теоріи функций къ рѣшенію вопроса о движеніи твердаго тѣла, и настроеніе ея вслѣдствіе этой новой мысли совершенно измѣнилось: она не чувствовала болѣе одиночества, увлеченная творчествомъ. Изъ Парижа она проѣхала прямо въ Христианію, гдѣ застала только окончаніе съѣзда естествоиспытателей; затѣмъ она съ госпожею Эдгрень сдѣлала небольшое путешествіе по Швеціи и Норвегіи, причемъ обѣ подруги посѣтили высшую народную школу, которую Ковалевская описала потомъ въ статьѣ своей «Крестыанскій университетъ». Желаніе заняться обработкою новой мысли такъ было сильно у Ковалевской, что она не выполнила всего плана путешествія и, оставивъ свою спутницу, одна вернулась въ Стокгольмъ. Г-жа Эдгрень сама знала, какъ велика власть внезапно охватывающаго вдохновенія, и потому охотно простила Ковалевской эту измѣну; она говорила, что нерѣдко наблюдала въ Ковалевской такія внезапныя перемѣны настроенія. Ковалевская же поселилась опять поблизости Стокгольма въ семействѣ Миттагъ-Леффлера, но ее вскорѣ вызвали въ Петербургъ по случаю ухудшенія болѣзни ея сестры; она тотчасъ уѣхала и вернулась изъ Россіи съ своей восьмилѣтней дочерью; послѣ того въ образѣ жизни ея въ Стокгольмѣ произошла соотвѣтственная перемѣна; она впервые обзавелась въ Стокгольмѣ собственной квартирой. Друзья конечно помогли ей отыскать и квартиру, и женщину для завѣдыванія хозяйствомъ и для присмотра за ребенкомъ. Часть необходимой мебели она приобрѣла въ Стокгольмѣ, остальное выписала изъ Россіи; старинная русская мебель обращала вниманіе шведовъ своей оригинальностью; она отличалась всею роскошью барской об-

становки, но была отчасти поломана, и ея дорогая шелковая гунцовая обивка мѣстами порвана. Ковалевская не обращала на это вниманія; она занималась убранствомъ своей квартиры, какъ и своимъ туалетомъ, только по временамъ, когда особенно весело была настроена. Впрочемъ она сильно восхищалась своей обширной красной залой. Вообще же квартира ея, по словамъ очевидцевъ, носила какой-то неуютный характеръ и какъ будто служила для временнаго короткаго пребыванія.

Не успѣла Ковалевская привести въ порядокъ своихъ занятій въ Стокгольмѣ, какъ ее вновь вызвали въ Россію къ больной сестрѣ, жизнь которой теперь висѣла на волоскѣ, и она уѣхала въ Петербургъ, оставивъ дочь на попеченіе г-жи Эдгрень. У постели умирающей сестры Ковалевская вновь погрузилась въ мысль о томъ, что дала имъ обѣимъ жизнь и что она могла бы дать при другихъ условіяхъ. Развѣ ея Анюта не имѣла права на счастье, да и она сама, прославленная и превознесенная, могла бы быть счастливѣе, не сдѣлай она ложнаго шага въ формѣ фиктивного брака. Эта мысль, при склонности Ковалевской къ обобщенію и фантазіи, подала поводъ къ созданію оригинальной драмы, состоящей изъ двухъ частей; въ первой части всѣ лица дѣлаются несчастными, потому что мѣшаютъ счастью другъ друга, въ другой же части тѣ же лица являются передъ нами совершенно въ иныхъ условіяхъ, когда они помогаютъ другъ другу. Какъ только сестрѣ стало лучше, Ковалевская предоставила ее попеченіямъ мужа, вызваннаго опять изъ Парижа, а сама уѣхала въ Стокгольмъ.

Теперь въ головѣ ея царили двѣ идеи: одна чисто научная, другая литературная, подготовленная самой жизнью. Трудно было одновременно заняться разработкой одной и осуществленіемъ другой. По пріѣздѣ въ Стокгольмъ она старалась увлечь госпожу Эдгрень своею идеей и дѣйствительно достигла своей цѣли, не смотря на то, что талантливая писательница занята была въ то время своимъ романомъ «Вокругъ брака». Ковалевская обдумала не только планъ драмы, но также содержаніе каждаго отдѣльнаго акта, и сверхъ того ей принадлежало много мыслей и психологическихъ данныхъ. Каждый день онѣ вмѣстѣ прочитывали написанное г-жею Эдгрень. Эта совмѣстная работа такъ увлекла Ковалевскую и такъ сблизила ее со шведской писательницей, что онѣ были неразлучны. Мы упоминали уже объ этой драмѣ и будемъ еще говорить о ней при оцѣнкѣ литературной дѣятельности Ковалевской. Въ первый разъ это сочиненіе было прочитано въ небольшомъ кружкѣ друзей,

и его нашли неудачнымъ. Г-жѣ Эдгрень вообще менѣ всего удавались драмы, а въ этомъ случаѣ она конечно не могла писать съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ обрабатывала идеи, возникшія въ собственной душѣ. Онѣ назвали эту драму «Борьба за счастье», и въ уста Алисы, главной героини драмы, Ковалевская вложила выраженіе собственныхъ мыслей и чувствъ. Г-жа Эдгрень признавалась въ послѣдствіи, что совмѣстная работа съ Ковалевской была для нея мучительна, потому что по природѣ своей она какъ нельзя болѣе склонна къ одинокому труду. Проводя параллель между собой и Ковалевской, она замѣчаетъ, что Ковалева всегда и все создавала подъ вліяніемъ другого лица, и это относится ко всему, сдѣланному ею въ математикѣ: даже лекціи свои она читала лучше тогда, когда на нихъ присутствовалъ Минтагъ-Леффлеръ. Это замѣчаніе такъ важно при оцѣнкѣ таланта и самостоятельности заслугъ Ковалевской, что мы не можемъ не принять его во вниманіе и теперь.

Въ жизни Ковалевской и въ ея характерѣ мы должны провести границу между главными чертами и, такъ сказать, частностями. Но при этомъ конечно мы должны соблюдать величайшую осторожность, потому что частности нерѣдко скорѣе и больше бросаются въ глаза, чѣмъ главныя черты. Ковалевская была не только замѣчательнымъ математикомъ, но и женщиной съ привлекательной наружностью, привыкшей къ услугамъ и къ поклоненію, а главное къ тому, что окружающихъ интересуетъ все, до нея касающееся. Это развило въ ней привычку высказывать довольно откровенно свои ощущенія и впечатлѣнія. Поэтому мы видимъ въ ней много такого, что скрыто отъ нашихъ глазъ у другихъ или замаскировано. Если бы знаменитые математики не имѣли привычки быть сдержанными въ проявленіяхъ своей внутренней жизни, то мы замѣтили бы тѣже явленія у многихъ изъ нихъ; живой обмѣнъ мыслей, поддержка и сочувствіе играли также большую роль въ дѣятельности гениальныхъ мужчинъ, и не одно величайшее открытіе обязано своимъ происхожденіемъ чисто внѣшнимъ условіямъ и даже простой случайности; всѣмъ извѣстна исторія упавшаго яблока, обратившаго вниманіе Ньютона на законъ всемірнаго тяготѣнія, или ванна Архимеда, изъ которой онъ вынесъ физическій законъ, извѣстный подѣ его именемъ.

Возьмемъ болѣе близкій примѣръ: сочувствіе Гаусса поддерживало нашего математика Лобачевского въ его изслѣдованіяхъ. Укажемъ также на многихъ гениальныхъ математиковъ, ощущавшихъ потребность дѣлиться своими мыслями съ женщиной. Лейб-

ницъ употребилъ много усилій разъяснить свою теорію безконечно-малыхъ Софіи Ганверской. Даламберъ совершенно оставилъ одно время математику для совмѣстнаго болѣе легкаго труда съ госпожой Леспинассъ. Эйлеръ съ увлеченіемъ писалъ свои письма къ нѣмецкой принцессѣ о научныхъ предметахъ. Эти факты всѣмъ извѣстны, и никто не думалъ приписывать ихъ умственной несамостоятельности великихъ людей. Сильную потребность совмѣстнаго труда ощущали и ощущаютъ многіе ученые. Вейерштрассъ также находилъ большое удовольствіе въ занятіяхъ съ Ковалевской. Можно сказать только, что Ковалевская высказывала эту потребность, вслѣдствіе приведенныхъ причинъ, чаще и сильнѣе.

Поѣздка въ Россію и разные житейскіе интересы и вопросы, съ нею связанные, отвлекли на нѣкоторое время Ковалевскую отъ ея главнаго труда изъ области математики, но при первой возможности она бралась за него снова къ великому удовольствію Миттагъ-Леффлера, который въ первое время послѣ пріѣзда Ковалевской изъ Россіи приходилъ въ отчаяніе, заставляя ее въ гостиной съ вышиваньемъ въ рукахъ; это вышиванье всегда служило признакомъ усталости или погруженія въ сложные вопросы жизни. Весною 1887 г. Ковалевскую снова вызвали въ Россію къ больной сестрѣ, но на этотъ разъ и у постели сестры она, насколько могла, не оставляла своихъ занятій, не смотря на крайне тяжелое настроеніе; она писала изъ Петербурга въ Стокгольмъ:

«Я и теперь пробую работать по мѣрѣ возможности и пользуюсь всякою свободною минутой, чтобы обдумывать свое математическое сочиненіе или изучать геніальные трактаты Дуанкаре. Я не могу заниматься литературою; все въ жизни кажется такимъ блѣднымъ и не интереснымъ. Въ такія минуты нѣтъ ничего лучше математики».

Въ другомъ письмѣ, относящемся къ тому же времени, Ковалевская говоритъ, что зять ея наконецъ рѣшился остаться въ Петербургѣ до тѣхъ поръ, пока жена его нѣсколько поправится и ее возможно будетъ перевезти въ Парижъ, причемъ сообщаетъ, что все пережитое ею за послѣднее время совершенно отняло у нея желаніе развлекаться и отдыхать, и ей хотѣлось бы поселиться въ уединенномъ мѣстѣ, чтобы работать. По возвращеніи въ Стокгольмъ у ней снова возникло желаніе совмѣстнаго труда, притомъ съ новой силой, не смотря на то, что первый плодъ такого труда — «Борьба за Счастье» — потерпѣлъ полное фіаско; ея дружба къ Леффлеръ Эдгрень все росла и росла, но эта пылкая дружба, требовавшая полного сліянія душъ, стѣсняла свободную шведскую писательницу на

столько, что послужила одной из причинъ, заставившихъ ее предпринять путешествіе по Италіи. Ковалевская конечно поняла это и почувствовала еще глубже свое одиночество. Въ 1887 году скончалась въ Парижѣ ея сестра, и она съ грустью говорила, что со смертью сестры исчезла послѣдняя связь, соединявшая ее съ родительскимъ домою, съ дѣтствомъ: некому больше о ней вспоминать, какъ о маленькой Сонѣ, для всѣхъ она—г-жа Ковалевская, знаменитая ученая женщина!

При всемъ этомъ возникаетъ однако одинъ неизбѣжный вопросъ. Какъ относилась Ковалевская къ своей дочери, которой теперь было уже девять лѣтъ, и почему любовь къ этому ребенку и заботы о немъ не могли наполнить ея сердце и занять небольшіе досуги, оставшіеся отъ занятій математикой? Дѣвочка была здорова, очень скоро освоилась со шведскимъ языкомъ, прекрасно училась въ школѣ и не требовала никакихъ особенныхъ заботъ и попеченій...

Намъ извѣстно, что Ковалевская всегда относилась очень серьезно къ своему ребенку и думала не только о его нуждахъ, но и удовольствіяхъ; но дѣвочка была еще мала и не могла дѣлить съ матерью ея чувствъ и мыслей. Напряженная дѣятельность въ области математики дѣлаетъ нервными самыхъ сильныхъ мужчинъ. Не мудрено, что Ковалевская чувствовала потребность въ заботахъ и попеченіяхъ.

ГЛАВА IX.

Полученіе преміи отъ Французской академіи наукъ и ординарной профессуры въ Стокгольмѣ.—Дружба съ М. и ея послѣдствіе.—Сила страсти и сила воли.—Торжество главныхъ стремленій.—Упадокъ физическихъ силъ и перемѣны въ характерѣ и настроеніи.—Болѣзнь и смерть.—Посмертныя почести.

Мы приближаемся къ описанію самаго счастливаго и рокового года въ жизни Ковалевской—1888-го. Замѣчательно, что этотъ же годъ принесъ счастье и подругѣ Ковалевской, г-жѣ Эдгрень. Весной того же года шведская писательница вмѣстѣ съ профессоромъ Миттагъ-Леффлеромъ и его женою совершила путешествіе въ Африку; на возвратномъ пути, въ Неаполѣ она познакомилась съ математикомъ маркизомъ Камподисага (впослѣдствіи герцогомъ ди Кайянелло),

за котораго года черезъ полтора послѣ того и вышла замужъ. Эта новая, въ высшей степени сильная привязанность отдалила г-жу Эдгренъ отъ Ковалевской; шведская писательница была однимъ годомъ старше нашей соотечественницы, и весьма понятно, что при видѣ сорока-лѣтней женщины, встрѣтившей новую сильную привязанность, у Ковалевской могла зародиться надежда найти еще и для себя въ жизни нѣчто подобное. Ей хотѣлось испытать страсть, которой она не извѣдала въ молодости, и это желаніе говорило въ ней, не смотря на упорный умственный трудъ. Теперь она видѣла всю непрочность и несостоятельность пламенной дружбы съ женщиной, и все же не могла отрѣшиться отъ стремленія къ исключительной привязанности. Въ это время она познакомилась съ знаменитымъ норвежскимъ путешественникомъ Нансеномъ, и его личность произвела на нее впечатлѣніе. Это было въ январѣ, а въ мартѣ того же года она встрѣтилась съ другимъ человѣкомъ, которому суждено было играть важную роль въ ея судьбѣ. Въ воспоминаніяхъ г-жи Эдгренъ эта личность скрыта подъ инициаломъ М. Онъ очевидно русскій по своему происхожденію и бывший профессоръ одного изъ нашихъ университетовъ. Ковалевская такъ много видѣла въ жизни своей выдающихся людей, что умѣла цѣнить ихъ; поэтому легко можно допустить, что человѣкъ, который сразу произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, былъ дѣйствительно замѣчательной личностью, но въ тоже время чисто русскій съ головы до ногъ; не будь этого послѣдняго, восхищеніе Ковалевской, можетъ быть, не перешло бы въ страсть, всегда связанную съ *кровной* симпатіей. Нельзя не сказать, что эта встрѣча была не во время и не кстати.

Въ 1888 году Ковалевская должна была представить работу на премію Бордена во французскую академію наукъ. Ей предстояло выиграть это новое сраженіе, чтобы получить ординарную профессуру въ Стокгольмѣ. Времени оставалось не много, и Миттагъ-Леффлеръ сильно ее торопилъ. Сестра его говоритъ: «Мой братъ чувствовалъ себя отвѣтственнымъ за все, что дѣлала Ковалевская». И въ это-то горячее время судьба свела ее съ человѣкомъ, который вызвалъ въ ней, по всей вѣроятности, неизвѣстныя ей до того чувства. М. принадлежалъ къ числу такихъ личностей, о которыхъ говорятъ много и хорошаго, и дурного. Сообщая подружѣ о его отъѣздѣ изъ Стокгольма, Ковалевская замѣчаетъ: «Если бы М. остался въ Стокгольмѣ, я не знаю право, удалось-ли бы мнѣ окончить свою работу. Онъ такой большой, такой grossgeschlagen и занимаетъ такъ много мѣста не только на диванѣ, но

и въ мысляхъ другихъ. Къ довершенію всего, онъ настоящій русскій». Далѣ слѣдуютъ похвалы его уму и оригинальности; изъ нихъ видно, что М. представлялъ воплощенный рай вмѣстѣ съ демономъ, безъ котораго рай былъ бы скученъ для Ковалевской. Не смотря на возникшее новое чувство, мучительное по своей несвоевременности, Ковалевская продолжала усердно работать. Въ концѣ мая она въ Лондонѣ снова встрѣтилась съ М., и они вмѣстѣ путешествовали по Гарду, гдѣ навѣстили жившаго въ этой мѣстности Вейерштрасса; работа ея по французскую академію была отослана во время, но ей хотѣлось сдѣлать новое изслѣдованіе, относящееся къ тому же вопросу, а привычка сообщать свои мысли Вейерштрассу обратилась у нея въ глубокую потребность. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ г-жѣ Эдгрень она говоритъ:

«Мнѣ встрѣтилось неожиданное затрудненіе, съ которымъ никакъ не могу справиться. Я уже писала Вейерштрассу и просила его помочь мнѣ; если онъ не можетъ этого дѣлать, я погибла».

Людей, мало знакомыхъ съ математикой, такое отношеніе Ковалевской къ Вейерштрассу можетъ ввести въ аблужденіе; они въ состояніи подумать, что она въ самомъ дѣлѣ была только ученицей Вейерштрасса въ самомъ обыкновенномъ значеніи этого слова. Г-жа Эдгрень говоритъ же въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Ковалевская изучала математику подъ руководствомъ Вейерштрасса, и это оказало наиболѣе сильное вліяніе на всѣ ея дальнѣйшіе научные труды, потому что въ основаніи всѣхъ ихъ лежало направленіе, данное имъ; всѣ они представляютъ или дополненіе, или развитіе идей ея знаменитаго учителя».

Замѣчаніе это справедливо только по отношенію къ первымъ работамъ Ковалевской. Въ началѣ она, какъ и всѣ молодые математики, была только ученицей Вейерштрасса, но во всякомъ случаѣ одной изъ самыхъ выдающихся. Долгій перерывъ въ занятіяхъ, во время пребыванія въ Россіи, поселилъ въ ней то недоувѣріе къ себѣ, о которомъ мы уже говорили; она думала, что очень отстала въ математикѣ. Можетъ быть это и было такъ въ первое время, но во всякомъ случаѣ она скоро наверстала потерянное и въ послѣднемъ трудѣ заявила себя вполне самостоятельнымъ математикомъ; если же она обращалась по прежнему къ Вейерштрассу, то дѣлала это просто по привычкѣ. Предметы, которыми она занималась въ послѣдніе годы, даже выходили изъ области занятій Вейерштрасса, и какъ намъ достовѣрно извѣстно, самъ Вейерштрассъ признаетъ себя вполне непричастнымъ въ рѣшеніи труднѣйшихъ математическихъ задачъ своей любимой ученицей. Что касается труд-

постей, о которыхъ говорится въ приведенномъ письмѣ, она, по словамъ Вейерштрасса, сама справилась съ ними, какъ нельзя лучше, и никто изъ извѣстныхъ математиковъ не отрицаетъ самостоятельности и оригинальности послѣднихъ работъ Ковалевской. На глазахъ у всѣхъ она работала и истощала себя непосильной работой по ночамъ. Всѣ друзья ея, математики, знали, что она работаетъ на премію; окончаніе труда сдѣлалось для нея уже вопросомъ чести, и ей приходилось отдавать слишкомъ много времени работѣ, даже въ присутствіи М. Въ то же время она замѣчала охлажденіе къ себѣ въ человѣкѣ, котораго любила. Ревность всегда была какъ нельзя болѣе свойственна Ковалевской, а теперь она высказывалась съ особенной силой и страшно ее мучила. Предметъ ея страсти пользовался репутаціей безусловнаго покорителя женскихъ сердецъ. Многіе слухи заставляли ее подозрѣвать измѣну, и дѣло конечно не обходилось безъ упрековъ. На упреки ей отвѣчали упреками; она также была виновата, не желая всецѣло отдаться любви; ее обвиняли въ тщеславіи. По временамъ она вѣрила этой отговоркѣ, и въ такія горькія минуты сознавалась, что научныя занятія мѣшаютъ ея счастью. Но въ сущности счастью Ковалевской мѣшало только то, что ее не любили, и она это чувствовала. Она возбуждала интересъ; ея привязанностью гордились, но это было далеко не то, чего она желала. Какъ бы то ни было, Ковалевская *думала*, что ради науки жертвуетъ страстью любимаго человѣка, и все-таки жертвовала. Изъ одного этого мы видимъ, что наука отъ самыхъ юныхъ лѣтъ и до конца жизни была ея *главнымъ* стремленіемъ; изъ чего однако не слѣдуетъ, что у нея не должно было быть другихъ желаній.

Въ концѣ 1888 г. въ торжественномъ засѣданіи французской академіи наукъ Ковалевская, въ присутствіи знаменитыхъ ученыхъ, принимала Борденскую премію, а въ январѣ 1889 г. писала къ Миттагъ-Леффлеру въ Стокгольмъ: «Со всѣхъ сторонъ мнѣ присылаютъ поздравительныя письма, а я, по странной ироніи судьбы, ни разу въ жизни не была такъ несчастна, какъ теперь».

Приблизительно въ то же время извѣстный математикъ Дюбуа-Реймонъ писалъ о ней слѣдующее въ одной берлинской газетѣ:

«Семьдесятъ два года тому назадъ въ научномъ мірѣ совершилось рѣдкое событіе. Ежегодно всѣ пять парижскихъ академій, изъ которыхъ состоитъ Institut de France, собираются вмѣстѣ для *присужденія* большихъ премій и для *назначенія* новыхъ. Въ упомянутый годъ въ одной изъ пяти академій, именно въ академіи наукъ, Наполеоновская премія была присуждена дѣвицѣ Софи

Жерменъ за математическое изслѣдованіе колебанія упругихъ поверхностей. Не многочисленны были предшественницы дѣвицы Жерменъ на математическомъ поприщѣ. Зависитъ-ли это оттого, что женщина вообще меньше способна преодолѣвать такого рода отвлеченныя трудности, или обусловливается тѣмъ, что имъ рѣдко представляется возможность проявить свои способности, т. е. рѣдко онѣ получаютъ такое математическое образованіе, при которомъ можетъ проявиться сильное призваніе къ этой наукѣ. Какъ бы то ни было, г-жа де-Шателе и дѣвица Софи Жерменъ были единственныя женскія имена, извѣстныя въ *исторіи* математики въ послѣднее время.

Въ 1888 г., 24 декабря, совершилось въ Парижѣ нѣчто подобное, но еще несравненно болѣе замѣчательное. Академія наукъ присудила одну изъ своихъ наибольшихъ премій женщинѣ и еще увеличила размѣры этой преміи. Удостоенная этой преміи, г-жа Ковалевская, урожденная Корвинъ-Круковская, докторъ философіи и профессоръ математики въ Стокгольмскомъ университетѣ, въ которомъ она уже въ продолженіи пяти лѣтъ читаетъ лекціи изъ области труднѣйшихъ предметовъ математики. Она не только превзошла своихъ упомянутыхъ предшественницъ, но можно сказать, къ ея чести, заняла между современными математиками одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Она получила премію за рѣшеніе вопроса о вращеніи твердаго тѣла подѣ влияніемъ дѣйствующихъ на него силъ; изъ трехъ представляющихся здѣсь задачъ двѣ были рѣшены Лягранжемъ; Ковалевской принадлежитъ рѣшеніе третьей задачи, наиболѣе сложной; въ то же время она доказала, что послѣднимъ случаемъ исчерпываются средства современнаго анализа».

Авторъ упоминаетъ здѣсь о замѣчательной женщинѣ, Софи Жерменъ, жившей въ Парижѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Она отличалась безспорно огромными дарованіями, но была почти самоучкою въ математикѣ, и знанія ея страдали многими пробѣлами. Ковалевская оказалась несравненно счастливѣе въ этомъ отношеніи: у нея было солидное, правильное математическое образованіе. Замѣчательно, что талантъ Софи Жерменъ развился подѣ влияніемъ энциклопедистовъ, защитниковъ женскихъ правъ, а Ковалевская начала заниматься математикой въ то время, когда въ Россіи женскій вопросъ находилъ себѣ такъ много горячихъ поборниковъ.

Въ сентябрѣ 1889 г. Ковалевская продолжала свою дѣятельность въ Стокгольмѣ уже въ качествѣ ординарнаго профессора. Она болѣе не нуждалась въ субсидіяхъ, и ея сторонники могли только ею гордиться; она принесла честь женщинѣ и русскому имени, но эти годы усиленнаго труда и страшной внутренней борьбы прошли для нея не даромъ. Она сильно измѣнилась, блестящее остроуміе и шутливость исчезли, морщина на лбу сдѣлалась глубже;

она смотрѣла мрачно, разсѣяннo, и глаза ея совершенно лишились блеска. Она стала чуждаться не только постороннихъ но и своихъ близкихъ, искреннихъ друзей и находила утѣшеніе только въ усиленной работѣ попеременно занимаясь то математикой то литературой, смотря по настроенію. Ея красная гостиная опустѣла, и даже дочь видѣла съеѣ мати только за обѣдомъ и ужиномъ, что очень огорчало дѣвочку. Къ довершенію всего, во время свирѣпствовавшей въ Стокгольмѣ эпидеміи инфлуенцы Ковалевская схватила такой кашель, что никакъ не могла отъ него отдѣлаться; послѣ болѣзни она страшно похудѣла, на лицѣ появились новыя морщины, и щеки ея ввалились. Вслѣдствіе своего подавленного настроенія, она не береглась и запустила болѣзнь. Много вопросовъ рѣшила она въ своей жизни, но одинъ оставался у нея не рѣшеннымъ. Отчего ея не любятъ, когда это счастье выпадаетъ на долю самыхъ ничтожныхъ женщинъ?

По своей склонности къ обобщеніямъ, она смотрѣла и на этотъ вопросъ съ общей точки зрѣнія и искала очевидныхъ доказательствъ. Но лучше было бы спросить, отчего, не смотря на всѣ свои старанія, она не можетъ внушить страсти любимому ею человѣку? Конечно, причиной были неувимыя и неопредѣлимыя индивидуальныя свойства ея и даннаго человѣка, и менѣе всего виновата въ этомъ была математика...

Весною Ковалевская, чтобы разсѣяться, отправилась съ г-жею Эдгренъ въ Парижъ, куда пріѣхала также лѣтомъ ея подруга изъ Россіи. Но ни прошлое, ни настоящее ее не занимало, и всегда такъ любимый ею жизнерадостный Парижъ въ то время не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія; она не интересовалась нисколько даже парижскою выставкой, хотя и сказала блестящую рѣчь на женскомъ конгрессѣ. Вскорѣ послѣ этого судьба опять свела ее съ М.; радостныя надежды снова воскресли въ ея сердцѣ, но не надолго; она, казалось, убѣдилась, что оба они никогда не поймутъ другъ друга, и вернулась въ Стокгольмъ, намѣреваясь работать больше прежняго.

Въ апрѣлѣ 1890 г. Ковалевская отправилась въ Россію. Мы уже говорили, что Ковалевская всегда была путеводною звѣздой всѣхъ женщинъ, стремившихся къ высшему образованію, но съ тѣхъ поръ, какъ получила профессуру, она возбуждала *общій* интересъ, который все возрасталъ и сопровождался энтузіазмомъ: особенно же ее чествовали въ этотъ послѣдній пріѣздъ въ Россію—въ Гельсингфорсѣ и въ Петербургѣ. И она сама высказала большое

участіе къ интересамъ своей родины въ статьѣ «*Окрестянскомъ университетѣ въ Швеціи*» и въ своей рѣчи въ петербургской думѣ, въ которой она, въ отвѣтъ на рѣчь петербургскаго головы, выразила, какъ ее радуютъ успѣхи въ распространеніи народнаго образованія въ Россіи. Въ томъ же годъ она была избрана членомъ-корреспондентомъ С.-Петербургской академіи наукъ, причемъ энергичными сторонниками ея явились: всегда благосклонный къ ней Чебышевъ, Ишшенецкій и Буняковскій. Ковалевская не особенно поражена была этой честью она ожидала большаго отъ своей родины...

Въ разговорахъ съ своими близкими друзьями Ковалевская заявляла что рѣшила в. что бы то ни стало не прерывать своихъ занятій и оставаться въ Стокгольмѣ но у нея не хватало силъ не видѣться съ М. она оправдывала себя тѣмъ, что это было, во всякомъ случаѣ самыя пріятныя другъ и товарище Русскій другъ все болѣе и болѣе вытѣснялъ изъ ея сердца искреннихъ стокгольмскихъ друзей которыхъ такая переменна глубоко огорчала. Миттагъ-Лейфлеръ, переѣхавшій въ это время въ Діурскольмъ, убѣждалъ Ковалевскую нанять квартиру тамъ-же по близости отъ него, какъ она всегда дѣлала, но на этотъ разъ она заупрямилась, говоря, что не стоитъ, такъ какъ она чувствуетъ, что ей не долго остается жить въ Стокгольмѣ. На свое пребываніе въ этомъ городѣ она смотрѣла какъ на нитку, и ее все тянуло въ Италію, — мѣстопробываніе ея друга. Новый 1891 г. Ковалевская встрѣтила въ Генуѣ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, по ея желанію, на мраморномъ кладбищѣ. Она была въ тяжеломъ настроеніи и сказала ему: «Одинъ изъ насъ не переживетъ этого года: мы провели новый годъ на кладбищѣ». Она страдала настолько сильно, что желала смерти себѣ или любимому ей человѣку. Это было конечно неизцѣлимое горе не только для нея, но и для М. Онъ не могъ для нея переродиться, — не въ его власти было зажечь въ своемъ сердцѣ ту страсть, которой она желала. И можно себѣ представить, что не одна она страдала; положеніе М. было также тяжелое. Поглощенная своей внутренней трагедіей, Ковалевская совершенно не обращала вниманія на окружающее, и путешествіе ея изъ Генуи въ Стокгольмъ было для нея во всѣхъ отношеніяхъ мучительнымъ; она ежеминутно платилась за свою разсѣянность и схватила дорогой сильную простуду. Не смотря на начинавшуюся болѣзнь, Ковалевская тотчасъ по пріѣздѣ въ Стокгольмъ провела цѣлый день за работой, а на другой день, едва держась на ногахъ, читала лекціи, которыя она вообще пропускала только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Выносливость ея

доходила до того, что вечеромъ она отправилась на ужинъ въ обсерваторію. И въ первые дни своей смертельной болѣзни она владѣла собой настолько, что сообщала своимъ друзьямъ планы своихъ новыхъ работъ.

Миттагъ-Леффлеръ говоритъ, что въ умѣ Ковалевской зрѣла идея новой математической работы, которая должна была превзойти все сдѣланное ею до тѣхъ поръ, а Эллиенъ Кей утверждала, что слышала отъ нея содержаніе многихъ, прекрасно задуманныхъ повѣстей.

Болѣзнь ея развивалась съ удивительной быстротою; она впадала въ безпамятство и даже не имѣла возможности думать о смерти, которой всегда такъ страшилась; только въ послѣдній день своей жизни она сказала: мнѣ кажется, я не вынесу этой болѣзни; со мной должна произойти какая-то переиѣна. У нея обнаружилось сильное воспаленіе легкихъ. Недостатокъ дыханія увеличивался наследственнымъ, хотя и весьма легкимъ, порокомъ сердца. Страданія свои она переносила кротко и терпѣливо, выражала благодарность окружающимъ ее друзьямъ и боялась ихъ беспокоить. Ея дочери предстояло въ эти роковые дни отправиться на дѣтскій вечеръ, и мать просила своихъ друзей позаботиться о костюмѣ своей дѣвочки. Дѣвочку, одѣтую въ цыганскій костюмъ, подвели къ ея постели, и она ей ласково пожелала веселиться, а черезъ нѣсколько часовъ ребенка разбудили прощаться съ умирающей матерью. Ковалевская скончалась для всѣхъ неожиданно, ночью 29 января 1891 г. на рукахъ сидѣлки. Смерть ея вызвала общее сожалѣніе. Изъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра получались телеграммы въ Стокгольмскомъ университетѣ, и одною изъ первыхъ была телеграмма отъ петербургской академіи наукъ. Въ Россіи, разумѣется, эта смерть произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ образованныхъ людей. Первая панихида по Ковалевской была отслужена въ зданіи петербургскихъ женскихъ курсовъ; мы уже говорили, что въ первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ, она очень усердно занималась устройствомъ высшихъ женскихъ курсовъ и нѣкоторое время состояла членомъ комитета; но не одни профессора и слушательницы курсовъ присутствовали на этой панихидѣ, было также много постороннихъ лицъ изъ числа друзей покойной и женщинъ, получившихъ высшее образованіе за границей; Ковалевская для всѣхъ нихъ была гордостью и радостью. Академикъ Имшенецкій сказалъ рѣчь о научныхъ заслугахъ Ковалевской.

Въ то время какъ въ Россіи почти повсемѣстно служили пани-

лиды по Ковалевской, посылали вѣтки и адреса въ Стокгольмъ даже изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ Тифлисъ, ея петербургскіе почитатели и почитательницы составили комиссію для постановки ей памятника и занялись судьбой ея дочери. И русскіе, и иностранные газеты и журналы печатали въ память о Ковалевской статьи, проникнутыя глубокимъ удивленіемъ къ ея способностямъ. Изъ Стокгольма ежедневно получались корреспонденціи съ описаніемъ почестей, воздаваемыхъ нашей соотечественницѣ въ чужой странѣ. Ея погребеніе было обставлено необыкновенной торжественностью; на могилѣ ея образовалась цѣлая насыпь цвѣтовъ и казано было много глубоко прочувствованныхъ рѣчей, въ числѣ которыхъ особенно выдавалась своей задушевностью рѣчь Миттагъ-Тейффлера. При погребеніи присутствовалъ также русскій другъ Ковалевской, ея однофамилецъ М. М. Ковалевскій; онъ сказалъ рѣчь на французскомъ языкѣ и выразилъ отъ лица всѣхъ русскихъ благодарность Швеціи и молодому Стокгольмскому университету за то, что дѣсь открылась возможность для Ковалевской достойнымъ образомъ проявить свои знанія; онъ упомянулъ также о томъ, что служа Швеціи и изучивъ математику въ Германіи, Ковалевская до конца оставалась русскою и любила Россію. Дѣйствительно она часто говорила своимъ друзьямъ въ Швеціи, какое великое лишеніе для нея составляетъ отсутствіе возможности говорить по-русски; за границей она вездѣ чувствовала, что мысль ея заключена была въ тѣсную клетку, отъ невозможности выразить ее на чужомъ языкѣ.

Вскорѣ же послѣ смерти Ковалевской мы узнали о результатахъ вскрытія ея тѣла; легкія ея оказались совершенно пораженными острой болѣзнью; всѣ другіе органы найдены въ такомъ состояніи, что обѣщали ей долгую жизнь. Мозгъ ея своимъ вѣсомъ и присутствіемъ въ немъ множества извилинъ вполне подтвердилъ общее мнѣніе о высокомъ развитіи ея умственныхъ способностей.

Госпожа Эдгрень (герцогиня де-Кайянелло), утѣшая себя въ предвѣременной смерти Ковалевской, говорила:

«Коротка или продолжительна жизнь—это вопросъ второстепенный; вся суть въ томъ, насколько она богата содержаніемъ—для себя и для другихъ. А при такой точкѣ зрѣнія жизнь Ковалевской длиннѣе жизни большинства людей. Она жила ускоренной жизнью, пила полною чашей изъ источника счастья и изъ источника горя».

Все это справедливо, но съ ограниченіемъ, и относится исключительно къ послѣднимъ семи годамъ жизни Ковалевской. Если бы

г-жа Эдгрень знала Ковалевскую въ Петербургѣ, то не замѣтила бы ничего ускореннаго въ ея образѣ жизни; въ то время, напротивъ, можно было сказать, что всѣ силы ея дремали; напримѣръ, она имѣла тогда несравненно больше досуга заниматься литературой, чѣмъ потомъ въ Швеціи, однако же ничего не печатала, даже ничего не писала въ то время. Она вообще тогда не торопилась, напротивъ какъ будто рассчитывала на весьма долгую жизнь. Въ молодости своей она много училась, работала, но, какъ мы видѣли, въ то время жизнь ея была не богата внѣшними событіями, и всего менѣе можно сказать, что она жила тогда полною жизнью. Вообще жизнь Ковалевской шла, такъ сказать, полосами, и подъ вліяніемъ различныхъ условій выступали то тѣ, то другія черты ея сложной и разнообразной природы. Не смотря на это, какъ мы уже говорили, у нея безспорно всегда, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, были высшія задачи въ жизни, стремленія къ исканію истины, и они постоянно брали перевѣсъ надъ всѣми другими желаніями. Это было безспорно ея *главной* чертой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы должны прослѣдить всю ея жизнь, а не брать какіе-нибудь отдѣльные ея періоды. Въ послѣдніе три года своей жизни, мы видимъ, что она сильно боролась съ влеченіемъ своего сердца, и ей дорого стоили ея побѣды надъ нимъ. Но въ это время страшной внутренней борьбы она не только продолжала работать, но оказала наукѣ такія важныя услуги, которыя никогда не будутъ забыты. *Такъ* работать въ *такое* время могутъ только очень немногіе, одаренные не только творчествомъ, но и сильной волей. И уже одинъ этотъ фактъ говоритъ намъ, что, не смотря на всѣ свои чисто женскія слабости, Ковалевская была очень сильнымъ человѣкомъ и, можно было надѣяться, что, побѣдивъ окончательно свою несвоевременную страсть, она воспрянула бы и отдалась одной наукѣ.

Мы говорили о ея твердомъ рѣшеніи, во что бы то ни стало, остаться въ Стокгольмѣ. Главное было и въ этомъ отношеніи сдѣлано, а остальное довершило бы время; оно изгладило бы послѣдствія борьбы, и Ковалевская перестала бы чувствовать одиночество въ присутствіи подроставшей дочери. Но къ несчастію, множество мелкихъ случайностей повлекли за собой скоротечную и смертельную болѣзнь...

Ковалевская занимала такое видное мѣсто, что все до нея касающееся вскорѣ становилось общимъ достояніемъ, и потому отношенія ея къ М. не долго оставались тайной. Воспоминанія о Ковалевской герцогини де-Кайяanello только подтвердили относящіяся

къ этому слухи и произвели на большинство почитателей Ковалевской тяжелое впечатлѣніе; многіе заявляли, что лучше было-бы не знать объ этой сторонѣ ея жизни. Мы не раздѣляемъ такого взгляда и вполне увѣрены, что будь эта запоздалая любовь счастливой и выйди Ковалевская замужъ за М., къ ней отнеслись бы значительно мягче; такъ напримѣръ, никто не думаетъ осуждать г-жу Эдгренъ, вышедшую замужъ за герцога де-Кайянелло; однако шведская писательница была годомъ старше Ковалевской. Во всемъ этомъ играютъ также большую роль привычные взгляды и предрасудки; то, что считается простительнымъ романисткѣ, непозволительно женщинѣ-профессору высшей математики. По нашему же мнѣнію, любить, болѣть и умирать одинаково свойственно и позволительно и той, и другой. Относительно Ковалевской мы могли только бы желать, чтобъ она изъ-за *своего личнаго чувства* не измѣняла своимъ *главнымъ* стремленіямъ, и она это какъ нельзя лучше выполнила, ни на минуту не переставая быть научнымъ дѣятелемъ и передовымъ борцомъ за женскій вопросъ. Пусть ее обвиняютъ въ томъ, что она своими частыми путешествіями съ М. давала поводъ слишкомъ много говорить о своихъ отношеніяхъ къ нему, но она въ этомъ случаѣ дѣйствовала вполне послѣдовательно, говоря, что готова подчиняться во всемъ шведскимъ нравамъ и обычаямъ, когда дѣло не касается важныхъ вопросовъ ея жизни. Въ данномъ случаѣ ей было необходимо ближе узнать человѣка, чтобы потомъ придать извѣстную форму своимъ отношеніямъ къ нему, и ей мало было дѣла до того, что о ней будутъ говорить; заглядывая въ далекое будущее, она не заботилась о томъ, что забудется легко и скоро. Ни одному изъ замѣчательныхъ людей не удалось избѣжать пересудовъ и клеветы своихъ современниковъ, но мало по малу все это тлѣнное исчезаетъ и остается только главное—истинное. Пройдетъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ, и никто не подумаетъ осуждать Ковалевскую за ея частыя путешествія въ Италію; всѣ будутъ разсматривать ея недолгую жизнь, какъ непрерывный, неуклонный путь къ знанію. Мы вполне увѣрены, что жизнь многихъ другихъ замѣчательныхъ людей кажется такой прямолинейной лишь оттого, что мы не знаемъ всѣхъ мелочей и подробностей, которыя такъ часто сбиваютъ насъ съ толку и мѣшаютъ сосредоточивать вниманіе на главномъ.

Въ заключеніе этого очерка *жизни* Ковалевской, мы скажемъ нѣсколько словъ о ея нравственной личности. Въ сферѣ нравственности, какъ и во всемъ остальномъ, слѣдуетъ отличать неизблемое, коренное отъ всего переменнаго и условнаго. Жизнь

Ковалевской конечно не такъ безупречна, чтобы княгиня *Марья Александровна* было нечего о ней сказать дурного. Шведскій поэтъ Фрицъ Леффлеръ въ своемъ стихотвореніи называлъ ее «огненной и мыслящей душою». Вслѣдствіе своего горячаго темперамента, она при своихъ поступкахъ *не всегда* принимала во вниманіе интересы другихъ, но такіе поступки во всякомъ случаѣ составляли исключенія въ ея жизни. Она умѣла и жертвовать собою для любимыхъ ею людей; припомнимъ объ ея отношеніяхъ къ сестрѣ, ради которой ей такъ часто приходилось не только оставлять любимыя занятія, но иногда подвергаться опасности, какъ напримѣръ во время осады Парижа. Она любила правду, и поэтому фиктивный бракъ отозвался на ней тяжело, чѣмъ на всякой другой женщинѣ. Ея отчужденіе отъ мужа въ послѣдніе годы также въ значительной степени объясняется развившейся въ немъ, вслѣдствіе душевной болѣзни, сильной неискренностью, которой она, не зная ея причины, не могла долѣе выносить. Ковалевская любила людей и свою родину и потому, какъ бы мы строго ее ни судили, она окажется непогрѣшившей противъ *коренныхъ* и *непреложныхъ* законовъ нравственности.

Г Л А В А X.

Приблизительное понятіе объ ученыхъ заслугахъ.—Общій характеръ математики 19 столѣтія.—Роль Вейерштрасса въ современной математикѣ.—Три работы Ковалевской, написанныя ею въ молодости; ихъ общій характеръ.—Дальнѣйшая научная дѣятельность и ея значеніе въ исторіи науки.—Нѣсколько словъ о литературной дѣятельности.

Мы уже не разъ замѣчали, что жизнь и научная дѣятельность всякаго ученаго неразрывно связаны между собою, а потому говоря объ одной, приходится то и дѣло обращаться къ другой. Въ предыдущихъ главахъ было показано, при какихъ условіяхъ у Ковалевской возникло и развилось призваніе къ математикѣ и какое вліяніе имѣло оно на главнѣйшія событія ея жизни. Мы знаемъ также, при какихъ условіяхъ создавались отдѣльные ея труды. Но всего этого конечно недостаточно, чтобы составить себѣ понятіе о значеніи ихъ въ исторіи науки. Мы уже говорили въ предисловіи, что для дѣйствительной оцѣнки дѣятельности замѣчательнаго человѣка, необходимы особыя спеціальныя знанія, и тѣ люди,

которые обладают только общимъ образованіемъ, могутъ расчитывать лишь на приблизительное понятіе о такой дѣятельности, но послѣднее, при несовершенной точности, можетъ быть вѣрнымъ. Пояснимъ это различіе примѣромъ. Если мы выражаемъ отношеніе окружности къ діаметру числомъ $3,14$, то это будетъ грубо приблизительное отношеніе, но въ то же время вѣрное. Если же мы вмѣсто этого числа возьмемъ число четыре, то это будетъ *не вѣрно*, потому что, согласно доказательству, отношеніе окружности къ діаметру *больше* трехъ и *меньше* четырехъ. Если мы съ числомъ $3,14$ сравнимъ $3,1415926535$, то послѣднее будетъ значительно точнѣе перваго, но при всемъ томъ первое сохраняетъ свою вѣрность. И здѣсь, какъ и при оцѣнкѣ научной дѣятельности Эйлера, Даламбера и другихъ, мы постараемся дать грубо приблизительное, но вѣрное понятіе о научныхъ заслугахъ Ковалевской. Для этого намъ прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ объ отличительныхъ особенностяхъ математики девятнадцатаго столѣтія.

Изъ исторіи математики извѣстно, что люди очень медленно приближались къ обобщеніямъ и доходили до отвлеченныхъ понятій; долгое время они подъ именемъ числа разумѣли только цѣлое положительное число и не соглашались назвать числомъ даже дробь. Стремленіе къ обобщенію, развиваясь медленно, однако все шло впередъ, и понятіе о числѣ распространилось мало по малу не только на дроби, но явились также числа *отрицательныя*, *мнимыя* и *комплексныя*. То-же обобщеніе и та-же отвлеченность проявились во взглядахъ на различнаго рода *зависимости* между величинами или *функции*. Гауссъ и Коши въ первой четверти нашего вѣка положили начало теоріи зависимостей или функций. Гауссъ былъ аналитикъ, геометръ и физикъ; дѣятельность его была настолько многосторонней, что онъ не имѣлъ возможности посвящать много времени теоріи функций. Другой знаменитый математикъ Риманъ, ученикъ Гаусса, обладавшій глубокимъ философскимъ умомъ, явился славнымъ продолжателемъ трудовъ Гаусса и Коши, но его теорія функций отличается большой сложностью и трудностью для изученія. Абелю и Якоби также принадлежатъ геніальные труды по теоріи функций. Многіе другіе великіе математики нашего вѣка со удивительнымъ талантомъ прилагали понятія изъ теоріи функций къ физикѣ и механикѣ, оставляя въ сторонѣ усовершенствованіе самой этой теоріи. Берлинскому же профессору Вейерштрассу принадлежитъ честь обоснованія этой теоріи на *простыхъ* и *доступныхъ* началахъ. Его считаютъ по ясности и строгости приемовъ

прямымъ продолжателемъ Лягранжа. Вейерштрассу удалось создать теорію функцій средствами одного анализа, безъ пособія геометрическаго метода и тѣмъ оправдать мысль Гаусса о полной самостоятельности анализа. Въ молодости своей Вейерштрассъ изучалъ труды пражскаго философа Больцано, относящіеся къ философіи математики. Больцано не былъ понятъ и оцѣненъ въ свое время, но теперь имя его пользуется большою извѣстностью между учениками Вейерштрасса.

Двадцать лѣтъ тому назадъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ математиковъ, Вейерштрассъ пользовался наибольшею популярностью у молодыхъ нѣмецкихъ ученыхъ; онъ создалъ школу, которая и тогда была довольно многочисленна, но все же и въ то время въ Германіи легко было встрѣтить талантливаго математика, не принадлежавшаго къ школѣ Вейерштрасса. Ученики его, какъ и онъ самъ, преимущественно занимались чистой математикой. Съ годами вліяніе Вейерштрасса увеличилось и распространилось съ удивительной быстротою. Онъ далъ въ руки математиковъ до крайности простые и могучія средства для рѣшенія самыхъ сложныхъ вопросовъ, и вскорѣ ими начали пользоваться молодые люди, непринадлежавшіе къ его ученикамъ. Ученики же Вейерштрасса, убѣжденные въ справедливости его воззрѣній, явились истинными апостолами его ученія. Оно проникло въ Швейцарію, въ Италію, въ Швецію и Норвегію, въ Америку и наконецъ во Францію. Въ 1885 году торжественно праздновался юбилей, Вейерштрасса, на которомъ его громадное вліяніе на современную намъ математику обнаружилось во всей своей силѣ. Его методами теперь пользуются всѣ талантливые математики западной Европы и Америки и въ этомъ смыслѣ они съ гордостью называютъ себя *учениками* Вейерштрасса. Такою же *ученицею* Вейерштрасса была и Ковалевская въ позднѣйшіе годы своей жизни—съ тою разницею, что она, находясь въ непрерывномъ дружескомъ общеніи со своимъ знаменитымъ учителемъ, располагала и тѣми его пріемами, которые по новизнѣ своей не были извѣстны другимъ математикамъ. Вейерштрассъ не скоро и какъ-то неохотно печаталъ результаты своихъ глубокихъ размысленій, но всегда говорилъ о нихъ съ лицами, посѣщавшими его домъ.

Воззрѣнія Вейерштрасса въ области теоріи функцій отразились также и на состояніи дифференціального и варіаціоннаго вычисленія и произвели въ нихъ настоящій переворотъ; то же самое относится и къ аналитической геометріи, успѣхи которой тѣсно связаны съ развитіемъ анализа. Во всѣхъ этихъ областяхъ Вейерштрассъ

нашелъ талантливыхъ послѣдователей; нѣкоторые изъ нихъ по силѣ своего ума можетъ быть даже не уступаютъ своему учителю; не смотря на то, ни одинъ изъ нихъ не произвелъ *новаго* переворота въ математикѣ, потому что такой переворотъ обуславливается не только силой ума, но также временемъ и его требованіями. Когда общія идеи даны, то всѣмъ приходится заниматься ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ и приложеніемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ исчерпано и то, и другое. Таково именно было состояніе математики въ Европѣ, когда Ковалевская вступала на математическое поприще...

Всѣ эти, высказанныя нами, замѣчанія общаго характера необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ заслугъ Ковалевской въ области чистой и прикладной математики.

Научную дѣятельность Ковалевской удобно и естественно раздѣлить на два періода; первый—до отъѣзда въ Россію въ 1874 г. и второй—послѣ пріѣзда изъ Россіи за границу въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ молодости она почти исключительно занималась чистою математикою.

Позднѣйшіе труды Ковалевской относились къ области прикладной математики, но между работами перваго и втораго періода существовала внутренняя связь.

Вейштраассъ, отличающійся удивительною способностью готовить къ самостоятельнымъ занятіямъ математикой, въ первое время упражнялъ Ковалевскую въ рѣшеніи легкихъ, но все же новыхъ вопросовъ, развивая въ ней различныя навыки; затѣмъ она подъ его руководствомъ постепенно переходила къ болѣе самостоятельнымъ работамъ; но самыя первыя труды ея не были напечатаны. Мы уже говорили, что Ковалевская представила Геттингенскому университету три самостоятельныя работы: «О дифференціальныхъ уравненіяхъ съ частными производными», «Объ Абелевскихъ интегралахъ», и «О формѣ кольца Сатурна»; первымъ напечатаннымъ трудомъ была ея диссертация «О дифференціальныхъ уравненіяхъ съ частными производными», появившаяся въ 80 томѣ журнала Крелля, издаваемого въ Берлинѣ. Этотъ трудъ настолько замѣчателенъ, что изъ него сдѣлано подробное извлеченіе и помѣщено въ курсѣ Гурза, изданномъ на французскомъ языкѣ, въ 1891 г. въ Парижѣ. Предметъ, къ которому онъ относится, считается труднѣйшимъ въ области чистой математики и сверхъ того представляетъ существенную важность для механики, физики и астрономіи.

Переводъ этого труда съ нѣмецкаго языка на французскій че-

резь семнадцать лѣтъ послѣ его появленія ясно свидѣтельствуешь о его важности.

Пуанкаре, считающійся теперь однимъ изъ первыхъ математиковъ въ Европѣ, выразился такъ объ этомъ трудѣ: Г-жа Ковалевская въ значительной степени упростила теорему Коши и дала ей окончательную форму.

Когда Ковалевская напечатала это сочиненіе, ей было двадцать четыре года. И она тогда уже въ совершенствѣ владѣла всѣми методами новаго анализа, которые ей такъ пригодились впоследствии.

Вторая работа Ковалевской принадлежитъ къ теоріи Абелевыхъ интеграловъ и также относится къ очень трудной области математики. Въ этой работѣ она пользуется неизданными тогда трудами Вейерштрасса и при помощи данныхъ имъ средствъ рѣшаетъ весьма сложную задачу съ большимъ знаніемъ и искусствомъ. Это та самая работа, которая не смотря на свою важность, такъ долго залежалась въ ея портфель, и была напечатана въ «Acta Mathematica» въ 1884 г., т. е. ровно черезъ десять лѣтъ послѣ своего окончанія, но раньше въ 1879 году Ковалевская читала рефератъ этого труда еще на съѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ, и тогда, помнится, многіе русскіе математики, мало знакомые съ методами Вейерштрасса или предубѣжденные противъ нихъ, стали къ нимъ относиться съ большею мягкостью и съ большимъ интересомъ. Вообще же Россія осталась какъ-то въ сторонѣ отъ вліянія Вейерштрасса, слѣдуя направленію собственныхъ свѣтилъ науки. Но Ковалевская никогда не могла прикнѣуть къ русской школѣ математиковъ, не смотря на свое уваженіе къ русскимъ ученымъ.

Третья работа Ковалевской, относящаяся къ первому періоду ея дѣятельности, посвящена по своему содержанію астрономіи; вѣроятно, въ память дѣда, астронома Шуберта, она взялась за аналитическое рѣшеніе одного астрономическаго вопроса; въ этомъ первомъ приложеніи анализа она получила результаты, представляющіе цѣнный вкладъ въ науку. И такая работа пролежала у Ковалевской подъ сукномъ 11 лѣтъ! Она относится къ трудному вопросу астрономіи о формѣ кольца Сатурна и напечатана въ 1885 г. въ «Astronomische Nachrichten». Лапласъ въ своей «Небесной механикѣ» предполагаетъ, что кольцо Сатурна слагается изъ нѣсколькихъ жидкихъ колецъ, имѣющихъ форму тѣлъ вращенія и симметричныхъ относительно плоскости экватора планеты. Великій математикъ

тикъ рѣшаетъ задачу о формѣ колецъ очень остроумно и просто, но съ недостаточной точностью. Ковалевская задалась мыслью изслѣдовать вопросъ о равновѣсїи кольца съ бѣльшей точностью и повела изслѣдованіе такъ, что дала возможность опредѣлить форму кольца съ какой угодно точностью. Она нашла для меридіональнаго сѣченія кольца двѣ формы, отклоняющіяся отъ эллипса Лапласа. Эта работа доставила ей большую извѣстность и въ значительной степени содѣйствовала популярности метода Вейерштрасса, прилѣненіе котораго въ рукахъ талантливой ученицы дало такіе блестящіе результаты. Въ настоящее время многіе молодые математики во Франціи занимаются дальнѣйшимъ развитіемъ мыслей Ковалевской, высказанныхъ въ этомъ трудѣ. Изъ того, что мы сказали, очевидно, что Ковалевская и этими тремя работами завоевала бы себѣ почетное мѣсто въ рядахъ научныхъ дѣятелей еще въ семидесятыхъ годахъ, еслибы всѣ эти труды были тогда же напечатаны. Не смотря на долгій промежутокъ времени между этими работами и принадлежащими ко второму послѣднему періоду, въ нихъ есть много общаго. Первою работой второго періода явилось изслѣдованіе о распространеніи свѣтовой волны въ средахъ двойной преломляемости. Эта работа представляетъ какъ бы продолженіе ненапечатаннаго труда Вейерштрасса; учитель уступилъ свою работу любимой ученицѣ, такъ что статья Ковалевской начинается изложеніемъ результатовъ, найденныхъ Вейерштрассомъ. Она съ педантической строгостью отдѣляетъ результаты, найденные ея учителемъ, отъ того, что сдѣлано ею самой. Этотъ трудъ есть аналитическая обработка физическихъ гипотезъ Ляме. Онъ напечатанъ въ Acta Mathematica; въ немъ Ковалевская проявила всѣ свои обычныя свойства и упорность мысли; но по общему мнѣнію, въ этомъ случаѣ былъ бы болѣе уместенъ геометрическій методъ, какъ болѣе простой.

Главный трудъ Ковалевской относится къ аналитической механикѣ—увѣнчанный преміей французской академіи наукъ.

Анализъ, употребленный ею въ данномъ случаѣ, на столько простъ, что, по мнѣнію профессора Жукковского, его слѣдуетъ включить въ курсы аналитической механики. За этой работой всѣ единогласно признаютъ безспорныя заслуги, которыя навѣки останутся связанными съ именемъ Ковалевской. Всю важность этого открытія невозможно понять людямъ, незнающимъ аналитической механики. Такихъ людей мы просимъ обратить вниманіе на имена ученыхъ, сотрудникомъ и продолжателемъ идей которыхъ явилась Ковалевская: Эйлеръ, Пуансо и Лягранжъ! Рѣшенный

ею вопросъ былъ самый сложный изъ всѣхъ. Для славы имѣть большое значеніе не только сила ума и таланта, но также самый предметъ, на который они направлены, и можно съ увѣренностью сказать, что оставайся Ковалевская въ области чистой теоріи, ея имя никогда не приобрѣло бы такой извѣстности. Сверхъ того въ этой работѣ она далеко отошла отъ Вейерштрасса, никогда не занимавшагося такими вопросами, и явилась вполне самостоятельнымъ ученымъ. Для того, чтобы составить себѣ понятіе о плодотворности этого труда, приведемъ слѣдующее мнѣніе профессора чистой математики Некрасова:

«Талантливое сткрытіе Ковалевской, относящееся къ примѣчательному случаю движенія твердаго тѣла, не есть только случайная, счастливая находка; напротивъ того, открытіе это есть результатъ ея настойчивыхъ, упорныхъ трудовъ и глубокихъ знаній въ области чистой математики и особенно современнаго анализа. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ счастливомъ открытіи ея, ей помогли тѣ знанія, которыя она проявила въ своихъ первыхъ трудахъ».

За этотъ трудъ, какъ намъ уже извѣстно, Ковалевская удостоена была увеличенной преміи французской академіи наукъ. Этой работой начиналась новая фаза ея дѣятельности. Она упорно продолжала заниматься этимъ предметомъ, и въ 1889 г. за два сочиненія, состоящія въ связи съ той-же работой, получила премію отъ Стокгольмской академіи наукъ.

Пуанкаре и другіе первоклассные математики съ большимъ интересомъ слѣдили за результатами ея работъ. Не смотря на все это, по общепринятому мнѣнію, Ковалевская не принадлежала къ геніямъ наукъ математическихъ—не произвела реформы, но была безспорно равна самымъ талантливымъ изъ математиковъ-мужчинъ нашего времени, такъ какъ она глубоко проникала въ существующіе методы науки, искуснѣйшимъ образомъ пользовалась ими, распространяла и развивала ихъ, дѣлая совершенно новыя, блестящія открытія и легко справляясь съ громаднѣйшими затрудненіями. Мы готовы были бы согласиться съ тѣмъ, что Ковалевская не принадлежала къ геніямъ, если бы она не умерла такъ рано, въ тѣ годы, когда и ея знаменитый учитель не успѣлъ еще создать никакой математической школы и произвести реформы въ современномъ анализѣ. Когда человѣкъ умираетъ въ лучшую пору своей жизни, въ то время, когда талантъ способенъ еще развиваться, то весьма трудно опредѣлить, до чего бы онъ могъ дойти, если бы продолжалъ жить. Что касается до великихъ преобразованій, то мы вполне увѣрены, что они обусловливаются также временемъ и вызываются состояніемъ науки.

Многіе утверждаютъ, что Ковалевская получила бѣльшее вознагражденіе за свои заслуги, чѣмъ всякій мужчина, сдѣлавшій не меньше ея для науки. Однако, если мы оставимъ въ сторонѣ оваціи и чествованія, то увидимъ, что она, собственно говоря, получила только должное; ей дали ординарную профессуру за два года до смерти и за трудъ, доставившій ей безсмертную славу. Ей досталась увеличенная премія за то, что она вмѣсто того, чтобы нѣсколько подвинуть рѣшеніе вопроса впередъ, какъ того требовала академія, дала полное его рѣшеніе. Правда, она пять лѣтъ получала частную субсидію въ Швеціи отъ людей, преданныхъ женскому вопросу, но зато она и послужила этому дѣлу, какъ никто!

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Ковалевской, которая служила ей отдыхомъ; при этомъ мы ограничимся ея сочиненіями, напечатанными на русскомъ языкѣ: 1) «Воспоминанія дѣтства»; 2) «Воспоминанія о Джоржѣ Эллиотъ»; 3) «Три дня въ крестьянскомъ университетѣ въ Швеціи»; 4) «*Vae victis*», «Письмо въ неизвѣстную редакцію»; 5) «Отрывокъ изъ романа, происходящаго на Ривьерѣ»; 6) Нѣсколько фельетоновъ, напечатанныхъ въ «Новомъ Времени» и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и 7) драма «Борьба за счастье», написанная совмѣстно съ А. К. Леффлеръ и изданная въ Кіевѣ, въ переводѣ Лучицкой.

Оригинальность мысли и формы, живость разсказа, тонкій психологическій анализъ и обиліе глубокихъ мыслей придають всему, что вышло въ этомъ родѣ изъ-подъ пера Ковалевской, неизъяснимую прелесть. Многія изъ этихъ сочиненій были напечатаны по-шведски, другія переведены на французскій языкъ, и на всѣхъ языкахъ, на которыхъ они существуютъ, ихъ читаютъ съ большимъ интересомъ. Русской публикѣ эти сочиненія симпатичны также по убѣжденіямъ, проявившимся въ нихъ съ большою ясностью и доказавшимъ, что, не смотря на свое долгое пребываніе за границей, Ковалевская осталась неизмѣнно вѣрной традиціямъ шестидесятыхъ годовъ.

Но писать то, что видѣлъ, думалъ и чувствовалъ, совсѣмъ не то, что создавать литературныя классическія произведенія. Всѣ упомянутыя сочиненія не дають Ковалевской никакого опредѣленнаго мѣста въ исторіи нашей литературы, хотя и наводятъ на мысль, что Ковалевская имѣла, повидимому, всѣ данныя создать и здѣсь нѣчто крупное, выдающееся. Въ числѣ упомянутыхъ произведеній мы находимъ только начала задуманныхъ Ковалевской повѣстей, по которымъ трудно судить, каковы бы онѣ были, если бы она

привела ихъ къ концу. Одинъ англійскій журналъ утверждаетъ, что повѣсть Ковалевской «Вѣра Воронцова» оставлена ею въ совершенно обработанномъ видѣ, но, къ сожалѣнію, она совсѣмъ не появилась въ русской печати, и поэтому говорить о ней мы считаемъ неудобнымъ.

Помимо несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ, беллетристическія произведенія Ковалевской имѣютъ глубокой исторической интересъ, какъ памятникъ замѣчательнаго времени, относящагося къ царствованію Александра II.

Заключимъ нашъ очеркъ. Мы сказали все то, что намъ *достоверно* извѣстно о Ковалевской, слѣдуя при этомъ ея собственному девизу: «Dis ce que tu sais, fais ce que tu dois, adviendra que pourra!» (Говори, что знаешь; дѣлай, что обязанъ. и пусть будетъ, что будетъ!).

Съ 1894 г. издается въ Петербургѣ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ этой бібліотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ, но главнымъ образомъ—культурныхъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 20 коп.

До конца марта 1894 г. выпущено 30 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки *Андерсена* въ переводѣ *Б. Д. Порозовской*:

№№

книжекъ:

- № 1 → Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 к.).
- № 2 → Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
- № 3 → Домовой и лавочникъ. Свинья-копалка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмаки. Съ 12 рис. (10 коп.).
- № 4 → Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 коп.).
- № 5 → Оле-Луку-Ойе. Ленъ. Свиньи. Капля воды. Съ 13 рис. (10 коп.).
- № 6 → Цвѣты мал. Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочка. 10 рис. (10 к.).
- № 7 → Свѣтлая царица. Съ 16 рис. (15 коп.).
- № 8 → Анна-Лизбета. Съ 10 рис. (5 коп.).
- № 9 → Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 коп.).
- № 10 → На дюнахъ. Съ 8 рис. (15 коп.).
- № 11 → Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣба. Съ 3 рис. (8 коп.).
- № 12 → Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 коп.).
- № 13 → Колоколь. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 коп.).
- № 14 → Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 коп.).
- № 15 → Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 коп.).
- № 16 → Большой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 коп.).
- № 17 → Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 коп.).
- № 18 → Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 коп.).
- № 19 → Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 коп.).
- № 20 → Морская царевна. Должна же быть разница. Съ 10 рис. (10 коп.).
- № 21 → Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 коп.).
- № 22 → Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 коп.).
- № 23 → Исторія пяти горошинъ. Елга. Дѣвочка со спичками. Съ 6 рис. (6 коп.).
- № 24 → Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 коп.).
- № 25 → Она нигуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 коп.).
- № 26 → Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жуль. 9 рис. (8 к.).
- № 27 → Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 коп.).
- № 28 → Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ не сѣдаетъ—все хорошо. 9 рис. (10 к.).
- № 29 → Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 коп.).
- № 30 → Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 коп.).

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: Русскія народныя сказки, сказки Асбѣрсена, Густафсона, Гауфа, братьевъ Гриммъ, Перро, Жоржъ-Зандъ и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другаго автора помѣщается его краткая біографія.—Новыя книжки «СКАЗОЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ» Ф. Павленкова будутъ выходить по 4 въ мѣсяцъ.